

63.5(Рос.Ямал)
кр. П-58

Ю. И. Попов
Н. В. Цымбалистенко

Слово

о ЯМАЛЕ

Документально-
этнографические,
публицистические
и художественные
произведения
о жизни народов
Ямала в XX веке

Учебное пособие для старших классов

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ ОКРУЖНОЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ

Ю. И. ПОПОВ Н. В. ЦЫМБАЛИСТЕНКО

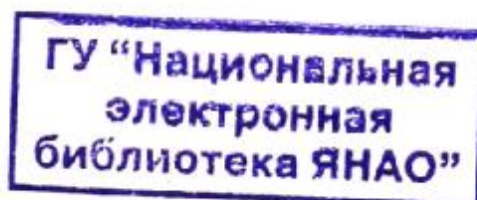
СЛОВО О ЯМАЛЕ

Документально-этнографические,
публицистические и художественные
произведения о жизни народов Ямала
в XX веке

Учебное пособие
для старших классов
общеобразовательных учреждений

*Печатается
по решению Ученого и Редакционного советов
Ямало-Ненецкого окружного института
повышения квалификации работников образования*

- 1273 - аб

Санкт-Петербург
Филиал издательства «Просвещение»
2004

УДК 82
ББК 81.2Р-96
П 58

*Издание осуществлено на средства
Ямало-Ненецкого окружного института
повышения квалификации работников образования*

Рецензенты:

ВАЩЕНКО А. В., доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова

ШАПОРЕНКОВА Г. А., кандидат культурологии,
директор Ямало-Ненецкого окружного
института повышения квалификации
работников образования

БАРАНОВА Т. А., кандидат филологических наук,
доцент, директор филиала

Тобольского государственного педагогического
института им. Д. И. Менделеева (г. Салехард)

ВАНУЙТО Г. И., кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой развития регионального образования
Ямало-Ненецкого окружного
института повышения квалификации
работников образования

Попов Ю. И., Цымбалистенко Н. В.

П 58 Слово о Ямале. Документально-этнографические, публицистические и художественные произведения о жизни народов Ямала в XX веке: Учеб. пособие для ст. кл. общеобраз. учрежд.— СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2004.— 222 с.: ил.

ISBN 5-09-009042-4.

Книга является составной частью учебно-методического комплекса для старших классов общеобразовательных учреждений Ямало-Ненецкого автономного округа. Пособие соответствует Программе учебного курса «Культура народов Ямала», утвержденной Министерством образования Российской Федерации.

УДК 82
ББК 81.2Р-96

© Попов Ю. И., Цымбалистенко Н. В.
© Издательство «Просвещение»,
Санкт-Петербургский филиал, 2004
Все права защищены

ISBN 5-09-009042-4

Обращение к ученику

Книга, которую вы держите в руках, поможет продолжить знакомство со своеобразной культурой Ямала. Из нее вы больше узнаете о жизни, обычаях, нравах и творчестве как коренных народов, так и людей, которые приехали на Север, прожили здесь всю жизнь, внесли свой вклад в развитие нашего края, мужественно переносили общие тяготы и радовались общим победам.

Мы стремились к тому, чтобы эта книга помогла вам разобраться в непростых проблемах взаимоотношений между аборигенами и «пришлыми». Ведь не секрет, что среди приехавших жить и работать на Ямал нередко встречается пренебрежительное отношение к издавна населяющим полуостров ненцам, ханты, коми. Чаще всего это происходит из-за незнания особенностей культуры другого народа, из-за непонимания мотивов поведения живущих рядом с вами и не похожих на вас людей. Надо всегда хорошо помнить истину, пришедшую к нам из Библии: «Не судите, да не судимы будете».

Считаем необходимым, чтобы вы узнали о трагических страницах истории Ямала в середине XX века. Почему на въезде в Салехард недавно установили старый паровоз как памятник, почему в лесу, где вы собираете грибы, лежат искореженные рельсы — об этом и многом другом вам поведают книги местных литераторов, отрывки из которых включены в данное учебное пособие. В знании страшного прошлого и в памяти о нем заложена надежда на то, что оно больше не повторится.

Наконец, мы хотели бы, чтобы вы прочитали и оценили литературные произведения ямальских авторов, как ненцев и ханты, так и представителей многих других народов, живущих в округе. Ведь литература является тем магическим кристаллом, с помощью которого можно ярче осветить, а значит,

и лучше понять жизнь, людей и непростые взаимоотношения между ними.

Желаем вам успехов в деле познания окружающего мира.

Авторы

Обращение к учителю

Предлагаемая вашему вниманию книга продолжает серию выпущенных в последние годы усилиями специалистов Ямало-Ненецкого окружного института повышения квалификации работников образования учебных пособий, обеспечивающих национально-региональный компонент Базисного учебного плана. Пособие написано во исполнение постановлений Министерства образования Российской Федерации о необходимости обязательного изучения предметов национально-регионального компонента в общеобразовательных учреждениях Крайнего Севера.

Учебное пособие «Слово о Ямале» предназначено для учащихся старших классов и является логическим продолжением пособия для 5—7-х классов «Мифология, фольклор и литература Ямала».

Содержание пособия соответствует Программе учебного курса «Культура народов Ямала» (Салехард, 1998), одобренной Управлением общего среднего образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации.

Авторы стремились адаптировать содержание пособия к возрастным особенностям восприятия учащихся старших классов. Объемные произведения разбиты на отдельные параграфы, снабжены тематическими подзаголовками, комментарием и ориентирующими вопросами. Тем не менее некоторые аспекты содержания могут показаться учащимся сложными. Поэтому очень важна роль учителя, который должен направлять учебный процесс и разъяснять отдельные трудные места. Поскольку в книге присут-

ствуется исторический, географический, этнографический и лингвистический материал, желательны консультации со школьными преподавателями соответствующих дисциплин и постоянное использование энциклопедических словарей и других справочных изданий.

Учителю следует обратить особое внимание на литературоведческие понятия и термины. Авторы стремились включить специфически северный литературный материал в мировой общекультурный процесс. Ряд статей теоретического характера применим не только к северной литературе, он дает возможность для широких обобщений и установления связей с русской и мировой литературой.

Пособие состоит из двух больших разделов. Первый раздел, содержащий отрывки из книг В. Евладова, А. Головнева, Е. Сусой, Н. Ядне, посвящен этнографическим и социокультурным произведениям о коренных народах Ямала. При изучении выдержек из этих произведений особое внимание необходимо обратить на обычаи, нравы, верования, мироощущение коренных народов Ямала, показать сложность их исторических судеб в XX веке.

Во втором разделе представлены собственно художественные произведения, дан их социокультурный и литературоведческий анализ. Одни ямальские авторы (И. Истомин, Л. Лапцуй, Р. Ругин, А. Неркаги и др.) уже известны учащимся из предыдущего курса, другие станут для них открытием. Следует обратить внимание на то, что культуру и литературу Ямала творили в XX веке не только ненцы, ханты и коми, но и представители многих других народов, приехавшие сюда по доброй воле или заброшенные на Север по указу партии. Именно на изучении произведений, связанных с судьбами людей, оказавшихся на Ямале в 30—40-е годы, следует сделать особый акцент, поскольку в последнее время наблюдается тенденция к забвению этой трагической страницы нашей истории.

Концепция учебника не подразумевает строгого хронологического и тематического порядка изучения представленных в нем произведений. Оптимальным вариантом было бы чередование этнокультурных произведений с собственно литературными.

Выражаем особую благодарность В. Н. Няруй и Г. И. Вануйто за неоценимую помощь в уточнении понятий, связанных с культурой ямальских ненцев.

Надеемся, что представленное пособие окажется полезным для учителей и учеников и будет способствовать лучшему взаимопониманию жителей нашего округа — представителей разных народов.

Авторы

Документально-этнографические и публицистические произведения о Ямале

Глава 1. Ямальская тундра глазами русского путешественника

**(О книге В. П. Евладова «По тундрам Ямала
к Белому острову»)**

Владимир Петрович Евладов был первым исследователем Ямальской тундры в советское время. Книга «По тундрам Ямала к Белому острову» является отчетом В. П. Евладова о результатах экспедиции на Ямал в 1928—1929 годах. Однако отчет написан настолько мастерски с литературной точки зрения, вмещает в себя такое множество интересных фактов, что его смело можно назвать этнографической, социальной и культурной энциклопедией Ямальской тундры. Книга издана в Тюмени в 1992 году.

Ниже помещены наиболее показательные отрывки из книги В. П. Евладова.

§ 1. Два подхода советской власти к коренным народам Севера в 20-е годы

Завязкой всей книги можно считать приведенный в ней разговор об экспедиции и ее целях, состоявшийся между В. П. Евладовым и одним из советских чиновников в Обдорске. В их диалоге, как в капле воды, отразились различные подходы советской власти к проблеме коренных народов окраин России: бюрократически-формальный и гуманистический, по настоящему интернационалистский, который олицетворяет сам В. П. Евладов.

В полемике между Евладовым и советским чиновником достаточно четко прослеживаются те идейные противоречия, которые проявились не только на Севере, но и во всей России при проведении коллекти-

*Владимир Петрович
Евладов*

визации. Как известно, победили сторонники решительной кавалерийской атаки на сельхозпроизводителя. К чему это привело — хорошо известно. Уже в 1934 году на Ямале началось восстание ненцев (так называемая *мандалада*), вызванное необдуманными действиями полпредов советской власти. Восстание было жестоко подавлено, а оленеводческое хозяйство подорвано. Последствия этих событий ощущаются до сих пор.

Прочитайте внимательно отрывок из книги В. П. Евладова, помещенный ниже, обдумайте его и постарайтесь ответить на вопросы, данные после текста.

— Мы сами разберемся, что нам тут делать. А вы приезжаете, только беспокоите нас, портите нашу работу, присваиваете себе результаты наших трудов. У нас тут хватает дел и без изучения ненцев. Главное — олени, как их

поставить на службу строительства социализма, а с ненцами потом разберемся.

— Значит, животные важнее, чем люди? Мы для оленей строим социализм или для людей?

— Ваши «самоеды» тянут всю нашу экономику назад, в первобытное общество. Почему они не продают оленей нашим заготовщикам? Ведь этим они срывают государственный план заготовок! Богачи из вежливости продают 2—3 оленя из тысячных стад. Малооленные ханты и ненцы продают оленей лишь тогда, когда у них нет пушнины на обмен, и то жалеют каждого оленя. Так мы государственные оленсовхозы не построим.

— Да, так вы совхозы не постройте. Значит, их надо строить как-то не так, по-другому. Вот мы и хотим выяснить перспективы кооперативной работы среди ненцев.

— Надо не выяснять, а менять в корне всю их жизнь. Вот у здешних зырян оленей в три раза меньше, чем у ненцев, но они охотно продают оленей, да еще снабжают мясом весь Обдорск. Без них мы бы тут с голоду умерли. Ненец думает о своих оленях, а не о нас. Значит, и мы будем думать об оленях, а не о ненцах!

— Да, но ненец думает о своих оленях, а вы хотите распорядиться не своими, а его оленями. Тут есть разница. Ненцы могут о нас не думать, но мы должны о них думать, ведь у нас все ключевые позиции в экономике этого края: и транспорт, и деньги, и хлеб, и товары, и власть, наконец! А у него — только олени.

— Все это слова, мелкобуржуазная философия. Пора дело делать. Мы должны перестроить у них оленеводство по образцу зырян. У них хозяйство экономично и рационально. Олени приносят им больше дохода, чем ненцам. Зыряне избегают копить большие стада, они много бракуют оленей и продают мясо, оставляя себе самых сильных и выносливых животных. А ненец копит стадо только для себя, не продает никому без нужды, и пользы от него нашей экономике нет.

— Большие стада — это основа тундрового «феодализма». Богатеи-феодалы, главы родов и старшины держат в руках всю бедняцкую массу в тундре. Это не социализм,

когда вассалы находятся в вечной задолженности у своего феодала. Они оплачивают кулацкие подачки не только своим трудом, но и своим мнением. Голосуют за богатеев на выборах в Советы. Можно считать, что революции в тундре еще не было.

— Ну, и что вы предлагаете?

— Я предлагаю перейти от наблюдений к действиям, суровым и скорым. Нечего разглядывать скудную ненецкую жизнь в микроскоп. Надо ломать всю эту патриархальность. Первым делом на богатеев должны быть наложены крупные налоги. По 100 оленей с тысячного хозяйства. Это будет основа совхозов. Если мы будем обладать стадом кредитования, созданным из экспроприированных оленей тундровых богачей, мы начнем диктовать всем туземцам определенные условия ведения хозяйства. Будем заставлять их продавать нам оленей, доведя их оленеводство по уровню товарности хотя бы до зырянского.

— Хорошо, допустим, вы отберете оленей у богатых. Бедняки сейчас зависят от них, потому что те их подкармливают. А если не будет богачей, кто станет подкармливать бедноту? Ведь вы, как я вижу, их подкармливать не собираетесь. Экспроприированных оленей вы не станете отдавать ненецкой бедноте. Значит, их будут пасти, забивать и распределять те, кто близок к власти, к Обдорску — а это здешние русские и зыряне. А если ямальцы, например, единодушно не согласятся с угоном их оленей на потребу еще пока неведомому им социализму и станут сопротивляться? Если будет восстание? Не лучше ли сначала объяснить, и не только на словах, но и делом, путем постепенного привлечения их к социалистическому сектору, чтобы потом они сами признали его преимущество, чем действовать внеэкономическим принуждением.

— Не стоит миндальничать. Нужно выкорчевать «князей тундры», и мероприятие это можно было бы провести быстро и безболезненно.

— Но ведь это будет насилие над всем народом, а не над каким-то эксплуатирующим классом. Ведь их богачи не капиталисты. У многих родственники бедные и кормятся от богатых стад своих братьев и дядей по обычаю, а не из

милости. Вам хочется увидеть плач этого маленького племени?

— Не следует внимать плачу ребенка, не желающего покинуть горящее здание!

— Они не дети, и здание горит не у них. Это у вас срывается план заготовок. Вы не видите возможности объединить их в государственные советские хозяйства, даже не объяснив им, что это такое. Вы сами и раздуваете пожар...

Подумайте:

- Чья позиция вам представляется более разумной — В. П. Евладова или советского чиновника?

- Почему советский чиновник рассуждает подобным образом? Это его личная позиция или так мыслили в те годы многие?

§ 2. Состав, маршрут и задачи экспедиции

Собственно путевые заметки В. П. Евладова посвящены экспедиции из Обдорска через весь полуостров Ямал до самой северной его оконечности, посещению острова Белый и возвращению назад. Эта экспедиция продолжалась с 17 апреля 1928 года по 24 апреля 1929 года. Исследователи проехали по тундре на оленьих упряжках, по самым приблизительным оценкам, не менее двух тысяч километров. Руководил экспедицией сам В. П. Евладов, под его началом было 15 человек: зоолог-охотовед, зоотехник, товаровед, ветфельдшер, переводчики, пастухи-погонщики оленей. Огромную помощь экспедиции оказали ненцы-кочевники, которые предоставляли приют, средства передвижения, пищу, — без них поездка просто не состоялась бы.

Программа работ экспедиции была определена следующим образом:

1. Оленеводство (количественный учет и качественный состав оленьих стад, ветеринарно-санитарные условия оленеводства, продукция оленеводства).

2. Охотничий промысел (инвентарь, способы охоты, экономика).

3. Морской зверобойный промысел.

Однако результаты экспедиции вышли далеко за рамки чисто практических целей. Был собран уникальный географический, этнографический, демографический, социологический и экономический материал, содержащий также сведения о климате, топографии, оленеводстве, охотничьем промысле, обычаях и нравах ненцев, их культуре и верованиях.

Но, может быть, самой важной целью В. П. Евладова было налаживание добрых, доверительных отношений ненцев с новой властью, полномочным представителем которой он был. Начальник экспедиции принадлежал к людям, искренне воспринявшим идеи советской власти, верившим в возможность их осуществления и положившим на это все свои силы. Хотя автор нигде не подчеркивает собственных заслуг, но записи свидетельствуют о его высоких моральных качествах, высоком интеллекте, незаурядных организаторских и дипломатических способностях, практических умениях и даже музыкальном таланте. Следует отметить также, что время экспедиции (1928—1929 годы) было еще достаточно спокойным в политическом отношении, сталинский террор еще не начался, поэтому автор не раз позволяет себе высказывания, за которые позже ему не поздоровилось бы (приведем для примера хотя бы дискуссию, открывающую отчет об экспедиции).

Подумайте:

- Когда состоялась экспедиция под руководством В. П. Евладова, сколько времени она продолжалась?
- Каков был маршрут экспедиции? Найдите эти места на карте.
- Каковы были цели экспедиции?
- Что можно сказать о личных качествах В. П. Евладова, какой это был человек?

§ 3. Описание климата полуострова Ямал

Книга В. П. Евладова, как уже упоминалось, содержит описания климата и природы Ямала. Автор неоднократно отмечает суровость природных условий полуострова. Сразу же уточним: В. П. Евладов описывает именно полуостров Ямал, то есть ту часть Ямало-Ненецкого автономного округа, которая расположена севернее Салехарда (тогда он назывался Обдорском).

Экспедиция началась весной, однако ни весны, ни лета в традиционном понимании на Ямале просто нет. Вот описания погоды в конце мая — начале июня:

21 мая... Утром вышли в каслание...¹ День был теплый. Температура — 1 °С. Метели не было, но сохранялся ровный северо-восточный ветер...

24 мая каслали... Дул сильный северо-восточный ветер, поднялась метель.

25 мая. С утра хотели каслать, но метель мешала...

29—30 мая... Погода была весьма оригинальная — солнце боролось с тучами: то ярко светило, то вдруг среди ясного неба поднималась метель, набегали облака со снегом, но через полчаса все проходило, и опять мирно светило солнце...

12 июня. Немного похолодало, снег стал крепче, но оленя держит лишь на толстых пластах. Туман сильно поредел. Внешне же все выглядело почти по-зимнему... Зимнее впечатление усиливал сильный ветер балла на четыре, который заставлял дрожать от холода и вызывал реплики вроде: «Вот так июнь!»

15 июня... Вероятно, какой-то особой весны и не будет, а сразу пройдет большой дождь, реки вскроются, источат последний снег, и начнется сразу после зимы лето... Лежа в мерзлой песчаной ямке, в заполярной тундре, странно было мне думать, что в наших лесах сейчас травы по пояс, одуряющий запах молодого лета, дачный сезон, поездки

¹ Каслание — строго регламентированный обычаями перегон оленей весной на север, а осенью — на юг.

в лес, на природу после трудовой недели. Здесь же безбрежные безжизненные пространства, зверя добыть трудно, птица пока еще не летит, и что будет — неизвестно... Только здесь видно, какую тяжелую жизнь ведут ненцы.

18 июня... Вышли в каслание в 5 утра, когда, как по заказу, нагрянул легкий морозец. Ензеда говорит, что бывает все лето такая погода, то есть и в июле. Травка немного вылезет, а в августе уже заморозки, а в сентябре — зима...

Уже 3 августа. Картина все та же. Ветер 3—4 балла. Температура -2°C . Хаулы говорит, что в такое холодное лето через две недели могут начаться заморозки, а через три недели озера покроются льдом. Как же без лета?.. Лета мы еще не видели, если не считать 4—5 дней с комарами и оводами, а уж нам на пятки наступает зима.

22 августа... Весь следующий день шел дождь со снегом. Мы мерзли в палатках...

31 августа, последний день лета... Лета мы не увидели и не увидим...

Подумайте:

- Что такое каслание?
- Приходилось ли вам подолгу жить в тундре?
- Изменился ли климат на Ямале со времени экспедиции В. П. Евладова?

§ 4. Жилище ненца — чум

...Кочевая жизнь ненцев протекает в чуме, представляющем собой конус, построенный на длинных (до 4 метров) чумовых палках-жердях (32—40 штук), покрытых летом полотнищами (нюками), сшитыми из бересты, а зимой — из оленьих шкур. В соответствии с покрытием чум называется «летним» или «зимним». Устройство его не предохраняет от непрерывного тока воздуха с боков и снизу к верхнему отверстию, и хотя в зимнее время низ чума подбивается снегом, но при погасшем костре температура внутри быстро уравнивается с окружающей. Чум защищает жителей не столько от холода, сколько от ветра, дождя и снега. Костер обычно располагается в середине чума на железном листе,

вдоль костра укладывают настил из 2—3 досок, за которыми со стороны, противоположной входу, находится «передний угол», там стоят окованные жестью сундуки, коробки с ценной утварью, домашние идолы, иногда иконы. С этой стороны, между идолами и костром, нельзя проходить женщинам. Остальное убранство чума заключается в большем или меньшем количестве набросанных постелей-шкур. На этих шкурах протекает жизнь чума. Ближе к переднему углу лежат и сидят мужчины, ближе ко входу — женщины. Разборка и постройка чума — обязанность женщины, причем мужчины не должны помогать ей в этой работе. Да они и не умеют хорошо поставить чум. Таким образом, неженатый ненец, даже имеющий достаточное количество оленей, но ни одной женщины в семье, не считает себя в состоянии кочевать, так как некому поставить чум. Еще в 1926 году ненец Ермак Няруй, который имел 30—40 оленей, но не был женат, объяснил мне, что кочевать по тундре «не терпит», потому что нет жены, а если взять жену, то нужно отдать всех оленей за нее. Когда стадо увеличится до 60—80 голов, он сможет уже взять хотя бы «плохую жену», оленей за 20—25, и тогда станет настоящим кочевником-оленьеводом.

Вокруг чума располагается на нартах хозяйство кочевника, нарты тщательно закрыты шкурами от дождя и увязаны всегда одинаково двумя концами тонкой веревки со специальными узлами, быстро развязывающимися и в дождь, и в мороз. На остановках нарты развязывают не все, а только потребные — с утварью и одеждой. В чуме всегда стоит небольшой столик (0,5 × 0,75 метра) на ножках (15—20 см). За этим столом все семейство чума, не исключая женщин и детей, пьет чай и ест, сидя на шкурах. Здесь же во время еды вьются собачки и оленята-авки, потерявшие матерей и воспитывающиеся в чуме.

Подумайте:

- Приходилось ли вам бывать в настоящем чуме?
- Почему большинство ненцев предпочитают жить в чуме и не переселяются в благоустроенные дома?

- Возможно ли какое-либо другое жилище в условиях кочевой жизни? Можно ли усовершенствовать чум, сделать его более комфортабельным?
- Почему установкой и разборкой чума занимаются женщины?

§ 5. Питание и рабочий день ненца

Проблема пропитания для ненца — одна из существеннейших в его жизни. Она напрямую связана с проблемой экологии, сохранения окружающей среды. Ненцы очень бережно относятся к природным запасам и никогда не берут больше, чем это необходимо для еды.

День начинается обычно поздно. Спят ненцы много и подолгу. Проснувшись, сразу начинают есть сырое и вареное мясо, сушеную и свежую рыбу. Если мясо иногда еще варят, то рыбу в вареном виде мне не пришлось встретить ни разу. Считается, что рыбу варить нельзя, от этого она теряет вкус. Соли ненцы почти не едят, во всяком случае, в ней как в приправе к пище не нуждаются. Чай кипятят в медных чайниках, купленных на фактории, разливают чай в небольшие чайные чашки с блюдцами крестьянского образца. Обычно чашек на всех не хватает, и дети пьют из блюдца. Чашки часто разбитые и перевиты проволокой, еле держатся и кое-как служат.

Чай кипятят на костре, дровами служит полярная кустарниковая березка, которая легко вытаскивается из грунта с корнем. У пролива Малыгина, где нет и березки, собирают на берегу морской плавник...

В середине дня семьи вновь собираются на обед, который по содержанию не отличается от завтрака: мясо и рыбу подают в разрезанном на небольшие куски виде на плоских деревянных блюдах, потом чай, часто без сахара с жидким рыбьим, гусиным или морского зверя жиром, в который обмакивают кусочки хлеба и баранок, если таковые вообще имеются.

Хлеб в печеном виде ненцы закупают в небольшом количестве осенью на факториях. Его хватает только на вес-

ну, в летнее время хлеб в рационе отсутствует. Иногда женщины делают лепешки из муки пополам с рыбьей икрой и поджаривают их с обеих сторон у огня, насадив на палочку, воткнутую у костра.

...Мы страдали без хлеба. Пудынаси послал свою сестру к зимним нартам за залежавшимися там старыми баранками.

...Вместе с баранками сестра хозяина привезла на нартах два десятка оставленных там когда-то гусей. Весь чум наполнился смрадом. Мы «не терпим» [ненецкий эквивалент «не можем»] есть этих гусей. Спрашиваю у Пудынаси:

— Зачем варишь испорченных гусей?

— Раз убивал — надо есть; если не буду есть — зачем убивал?

По окончании утреннего чаепития принимаются за работы — починка нарт, невода, лодки, сбруи; терпеливо, не торопясь, обдeldывают ножи, трубки, крючки и застёжки к сбруе из оленьего рога и мамонтовой кости. Женщины скоблят шкуры оленей для малиц или выделывают крестоватиков (песцов) на продажу, чинят одежду, пользуясь хомутной иглой, наперстком и оленьими жилами вместо ниток. Ножниц они не знают и употребляют обыкновенно нож, всегда остро отточенный. Нож у мужчин — главное бытовое орудие, оружие и инструмент — всегда висит в ножнах на поясе. У каждого взрослого мужчины есть свой собственный нож, за которым он тщательно ухаживает, следит за остротой. Брусок для точки подвешен тут же, на поясе. Свои ножи имеют и мальчики 5—7-летнего возраста. Ножи на факториях не продаются и изготавливаются самими ненцами из старых плоских напильников (которых, кстати, на факториях тоже нет!).

Часть мужского населения с утра уезжает неводить на окрестные озера...

После еды (обеда) обычно продолжаются дневные занятия, к вечеру идут ловить оленей для запряжки нарт пастухам на ночь.

В ночной караул идут два пастуха на отдельных нартах с собаками. К малому стаду идет один человек. Так проходит день стоянки чума.

Подумайте:

- Почему ненцы столь бережно относятся к пище?
- Потребление рыбы и оленьего мяса в сыром виде — традиция или необходимость?
- Почему хлеб не является обязательным компонентом рациона ненцев?

§ 6. Подготовка к касланию

Сразу после утреннего чая и завтрака мужчины идут с собаками подогнать оленей к чуму. Женщины берутся за укладку вещей на нарты, разборку чума. Оленей никогда не начнут ловить раньше, чем все нарты будут увязаны и полностью подготовлены к движению.

Нарты выставляют полукругом, пастух подгоняет стадо, разбивает его на части и, выделив группу ездовых быков, старается загнать их в небольшой полукруг. Олени этого очень не любят и стремятся ускользнуть из коридора людей. Однако собаки зорко следят за движением оленей и выскочившего гонят с лаем обратно в стадо. За ним кидаются остальные быки, их замыкают в полукруге веревкой, которую держат женщины и дети. Из замкнутого круга олени уже не уходят. Только отдельные «дезертиры» перескакивают нарты и убегают к оставшемуся на свободе стаду.

Старшие мужчины с хозяином во главе входят в круг и выбирают быков в запряжку. Здесь невольно поражает способность пастухов узнавать оленей в тысячных стадах по каким-то одним им известным признакам. Сколько раз я пытался заметить оленя своей нарты по рогам, по шерсти, по экстерьеру и никогда не мог отыскать его в кругу 200—300 голов. Ненцы же безошибочно выбирают оленей для той или иной нарты, причем олени подобраны раз и навсегда в соответствии с нагрузкой нарты и запрягаются в том же постоянном составе пар, троек, четверок, пятерок...

В запряжку олени ставятся по два в нормальную грузовую нарту — без человека, с общей нагрузкой до 10 пудов (160 кг), а летом — не свыше пяти пудов. Каждая пара привязывается к предыдущей нарте и идет за нею. Во главе связанных таким образом в одно звено до 7 грузовых нарт

ставится нарта с тремя оленями и человеком, управляющим всем звеном. Все это и есть «аннас», или, по-зырянски, «аргиш». Весь обоз состоит из 4—5 таких звеньев, и следовательно, из 20—30 нарт. Для удобства движения обоза в трудных местах оленевод при первом появлении признаков болезни забивает таких оленей на мясо. Это препятствует развитию практической ветеринарии в тундре.

Подумайте:

- Почему ненцы безошибочно распознают оленей в стаде, а В. П. Евладову это не удастся?
- Что такое аннас (аргиш)?
- Почему нагрузка на нарту летом меньше, чем зимой?

§ 7. Каслание

Вот каслание... Впереди всего обоза едет хозяин, который держит направление движения, выбирает место переходов через ручьи, речки, овраги, озирает широко горизонт — нет ли где отбившегося или заболевшего оленя, не видно ли объедков оленя после волков, нет ли свежих следов другого чума или обоза. Он определяет дальность кочевков в зависимости от своих намерений: торопиться ли на морской промысел к дальнему концу Ямала, держаться ли вотчины своих сородичей, идти ли по дороге «хребтов» или свалиться к берегам губы или Карского моря. Хозяин все время смотрит на качество ягеля в местах, где проходит, запоминает расположение озер и ищет удобные места для выпаса оленей и промыслов.

Весь обоз движется кильватерной колонной, пересекая иногда глубокие овраги и речки, через которые отстегнутые олени перебираются вплавь, а нарту за нарткой перетягивают к другому берегу на веревках. Параллельно обозу кто-то из пастухов гонит оставшееся свободное стадо. Оно то отстает, то заходит впереди обоза. Большое неудобство представляют больные и хромящие олени, они задерживают общее движение.

Обычно за стадом кочует стая волков, беря регулярно каждую ночь дань. Но с ними не борются. Волк у ненцев

священен. По преданию, это «худой человек», наказанный богом... Считается, что волк не только способен знать все, что совершается на земле вокруг него, он даже знает мысли людей, кто готовится убить его, знает места поставленных капканов, он делает опустошение в стадах своих врагов — людей, готовящих ему смерть. Поэтому оленеводы часто говорят: «Пусть ест наших оленей, ведь ему тоже надо чего-нибудь есть. Пусть только не режет по десяткам в одну ночь. А один-два — мне не жалко».

Ежегодно ямальские ненцы совершают большое волнообразное движение с юга на север — весной и с севера на юг — осенью. Это движение обусловлено требованиями оленеводства: во-первых, сменить пастбища с различающимся составом ягельников и зеленой растительности, во-вторых, уйти от жаркого лета в южной зоне, чтобы спасти оленей от гнуса и эпизоотий, переждать это опасное время на прохладных побережьях Карского моря и Обской губы. Неизбежные кочевки до того прочно вошли в привычку народа, что спокойная, часто безбедная жизнь на рыбных промыслах или в Обдорске тяготит кочевника и заставляет его рано или поздно покинуть оседлое гнездо.

...Каслаем. Опять обоз, тихое медленное движение. Тупые, но здоровые олени. Снова монотонное скольжение нарты, мох, болота, бесконечная тундра и нескончаемая нить мыслей. О чем думают сами ненцы в эти бесконечные часы касланий? Круг представлений их ограничен оленями, работой, песцами и сядаями¹. Немудрено, что все это переплелось у них в какую-то религиозно-бытовую, суеверно-практическую сказку, сочинять которую, напевая унылый двухнотный мотив, так просто и приятно.

Подумайте:

- Каковы функции хозяина стада?
- Почему ненцы терпимо относятся к волкам?
- Почему ненцы регулярно совершают перекочевки весной и осенью?
- Что такое ягель?
- Что такое эпизоотия?

¹ Сядай — идол, олицетворяющий какое-либо божество.

§ 8. Отношения между богатыми и бедными в тундре

В отчете об экспедиции много места уделяется описанию социальных, экономических и хозяйственных проблем оленеводов. Остановимся лишь на самых общих наблюдениях, которые имеют не специальный, а общекультурный характер. Как известно, советская идеология всегда строилась на антагонизме богатых и бедных. В. П. Евладов отмечает, что имущественное неравенство весьма четко прослеживается среди оленеводов, есть богачи, владеющие до 3000 оленей, а есть и бедняки, у которых всего 50—100 оленей. Однако отношения между ними весьма трудно назвать эксплуататорскими. Уровень материального благополучия и в богатом, и в бедном чуме примерно одинаковый. Сами условия жизни кочевников не позволяют обзаводиться лишними вещами, да и где их взять в тундре: в первые годы советской власти снабжение кочевников товарами ухудшилось, частных предпринимателей ликвидировали, а у правительства руки не доходили до снабжения далекого Севера даже самым необходимым. В. П. Евладов рассказывает о случае, когда старый оленевод просил прислать на фактории капканы старого, дореволюционного образца и не присылать новых, советских. Ненцы не понимали, почему «красная фактория» в долг не дает, и вспоминали, что раньше купцы всем давали в долг, и богатым, и бедным.

Зажиточные оленеводы, конечно же, пользовались своим влиянием на бедноту. Автор пишет:

Я стал расспрашивать о выборах в туземный совет, какие там отношения между богатыми и бедными. Олю сказал, что богачи не дают бедным выбирать выборных на собрание, не дают даже говорить. Иногда встречают бедняка, едущего на собрание, и говорят: «Зачем ты едешь, кто тебя будет слушать? Не езди, мы ездим, и достаточно». Бедняк возвращается в стадо.

Многооленный ненец понимал, что от него зачастую зависит само выживание бедняков. В. П. Евладов описывает систему взаимоотношений оленеводов, которая во многом носит семейно-патриархальный характер: более зажиточный хозяин дает оленей в долг, не очень строг в сроках отдачи долга, широко практикуется система подарков — гость в чуме всегда получает что-либо. Исследователь отмечает характерную черту психологии ненцев: для них не типично собственничество, стремление к накоплению:

Многие ненцы, в противоположность русским, меньше надеются на мощь своего личного хозяйства, чем на хозяйства своих родственников. Безоленный ненец не считает себя бедняком, если у него есть богатые родственники. Так и Мяри больше интересуется хорошими отношениями со своей многочисленной родней, чем ростом поголовья собственного стада.

Таким образом, в те годы русский крестьянин действительно был единоличником, индивидуалистом, полагавшимся только на себя. К сожалению, этому доброму крестьянину оставалось привольно жить в России считанные годы. В отличие от него, ненец никогда не стремился к землевладению, и это объясняется кочевым образом жизни, который отложил отпечаток и на его систему ценностей. В. П. Евладов приводит и другое объяснение такого отношения ненца к собственности:

Мотивы этого могут лежать и вне собственно экономики. Ненцы полагают, что жалеть о потерянном нельзя, потому что «это боги берут к себе». Считать оленей нехорошо, и единицы, даже десятки оленей перестают играть роль — богатые раздают оленей тем, кто их просит. Маломощные дают еще более бедным, и даже бедняки, имеющие 100—200 оленей, дают беднейшим, естественно исполняя обычай помощи и надеясь компенсировать свою единичную раздачу получением от более богатых хозяев. «Пусть ходят в твоём стаде, может быть, тебе счастья принесут, а твои — у меня», — рассуждают оленеводы.

Еще один вопрос, который очень интересует В. П. Евладова,— это разделение земли между ненецкими родами, так называемое «вотчинное право». Сами ненцы отвечали на вопрос об этом просто: «от дедов так ведется». Кстати, это право у них имеет очень относительный характер, поскольку никому не возбраняется каслать по всей территории Ямала. Исследователь приходит к выводу, что возникновение вотчинного владения связано не с оленеводством, а с добычей самого ценного пушного зверя на Ямале — песца. Именно добыча песца, который обычно держится постоянных мест, послужила предпосылкой к разделению и закреплению за родами определенных территорий, считает В. П. Евладов, и с ним соглашаются специалисты — члены экспедиции.

Система вотчин, то есть система владения землей еркарами (родами), и до революции носила весьма условный характер, а при советской власти вообще была отменена. Кстати, В. П. Евладов был первым, кто обнаружил разделение всех ненецких родов на две группы:

...Мимоходом рассказчик отметил, что все ненецкие роды на Ямале делятся на «два корня». Самые старинные «корневые роды» — Окатэтта и Вануйто. Это меня крайне заинтересовало. В книге Б. Житкова¹ этого не было, и от ненцев я об этом слышал впервые... Разговор перешел на то, как платили ясак² в старину. Хозяин сказал, что раньше ясак богатые оленеводы платили сразу за весь род. А сейчас такого нет. Теперь богатый ли, бедный ли — сам себе хозяин. Хорошо, если родным и соседям «пособку делают», а за весь народ никто ясак собирать и платить не желает.

¹ Известный исследователь Ямала профессор Б. М. Житков, автор книги «Полуостров Ямал» (1911), предпринял экспедицию на Крайний Север в 1908 году.

² **Ясак** — налог государству.

Подумайте:

- Какое количество оленей было у богатых и у бедных ненцев?
- Можно ли было по внешнему виду человека и убранству чума определить различия в благосостоянии ненцев?
- Кто решал принципиальные вопросы в тундре?
- Каковы были отношения между богатыми и бедными ненцами?
- Чем было обусловлено вотчинное владение землей у ненцев?
- Почему ненцам не свойственно стремление к накоплению?
- Стремились ли ненцы к землевладению?
- Что такое ясак? Как его платили?

§ 9. Отношение к советской власти и переменам

Ненцы-кочевники после революции оказались в ситуации, несколько напоминающей ту, в которой оказались русские крестьяне после отмены крепостного права. Старая система экономических отношений была разрушена, а новая еще не сформировалась. В. П. Евладов приводит факты поразительной наивности ненцев отдаленных северных районов Ямала, их абсолютной неосведомленности о происходящем за пределами тундры. Некоторые из них всерьез считали, что править ими теперь будут фантастические «красные люди». Вот характерный диалог «красного начальника» и старика ненца:

— А как же ты думал, вэйсако? ¹ Неужели ты думал, что руки и лицо у меня красные?

— Да, я так думал. Мы все здесь так думали, что «красные люди» — это другие люди, из другой земли пришли в нашу землю. Повоевали белых людей и сами стали править нашим народом.

¹ Вэйсако — по-ненецки «старик».

Проблему бедных и богатых в тундре В. П. Евладов намерен решать постепенно, он противник резких мер и хочет привлечь на сторону советской власти всех: и богатых, и бедных. Наиболее сообразительные ненцы уже поняли, что советская власть на стороне бедных и что богачи волнуются за свое будущее. Вот показательный разговор, который ведут многооленный оленевод и полпред советской власти:

— Я, конечно, человек плохой, потому что у меня олени есть. Я богатый.

— Почему так говоришь? Богатые не все плохие, и бедные не все хорошие. У всякого есть свои беды в жизни, а у богатого больше всех, — заметил я... — «Большой выборный начальник» (так ненцы называли главу правительства), который послал нас, велел нам посмотреть, как живет твой народ, какие беды у вас есть, и у бедных, и у богатых, чтобы потом помогать...

Идея большевиков переделать мир, «улучшить» его встречается ненцами без особого энтузиазма. Как выясняется, тундровики вовсе не считают свою жизнь плохой и не стремятся к каким-либо кардинальным переменам:

Потом я завел разговор о целях нашей поездки уже сам. Я им говорил, что мы хотим улучшить их жизнь. Ненцы ответили, что их жизнь хорошая и не нужно ничего изменять. «Мы привыкли к чумам и оленям, иначе жить мы не можем», — говорили они. Я тогда пояснил, что мы не хотим «ломать жизнь», а хотим ее облегчить: чтобы олени не болели, чтобы песец не уходил, ружья бы не стреляли назад, как у Пятте (у него лицо было обезображено разорвавшимся затвором винтовки). Выслушав, Пятте сказал: «Да, жизнь нашу можно облегчить, если ты сделаешь так, будет хорошо». Остальные молчали...

При этом В. П. Евладов отмечает в своем отчете, что жизнь ненцев устроена весьма продуманно и возникает логичный вопрос: а нужно ли ее менять? Вот как он пишет об их общественных отношениях:

Родовые подразделения у ненцев сохраняются и сейчас. К общеродовым делам раньше относились выборы родового старшины, родового всенародного суда по некоторым делам, были собрания родов в связи с некоторыми событиями. Наиболее почитаемыми в роде и раньше и сейчас являются богатые оленеводы и старики. Их может быть несколько человек. Из их числа выбирался раньше старшина — вершитель судебно-административных дел. И теперь крупные оленеводы остаются безапелляционными советчиками своих сородичей, хотя и не имеют никаких формальных прав. Авторитет их до сего времени остается непоколебленным. Он, с одной стороны, основывается на обычном праве ненцев, согласно которому на богаче лежит ответственность имущественной защиты своего сородича-родственника от государственного закона, суровой природы, голода, врагов, с другой — постоянно подкрепляется гостеприимством, дарениями, подачками.

Защита от закона требовала внесения богачами ясака сразу за всех сородичей, что обычно и делалось. Потом богатые собирали уплаченное со своих родственников... Не исключено, что в сборах ранее уплаченного ясака богачи эксплуатировали бедноту, но установить формы и размеры такой эксплуатации сейчас весьма трудно. Бедняки объясняли, что отдавали чем случится: если рыба — рыбой, если песцы — песцами, а если нет ничего, то не платили до следующего года. Совсем не платить было нельзя. На следующий год опять будут ясак брать в казну, и лучше задолжать своему богачу, чем страшной «казне». Так считают ненцы и сейчас, помня запугивания царских властей, к которым они очень впечатлительны.

Отдельные роды живут между собой в тесном соприкосновении, никакой родовой вражды у них не происходит... Нам доводилось слышать, что есть жалобы тиутейских Окатэтта на то, что живущие рядом Яптики всегда остаются осенью дольше всех на Ямале, «чтобы осмотреть чужие слопцы»¹. Но это говорит не о межродовой вражде, а лишь об имеющихся нарушениях обычного права...

¹ Слопец — ловушка.

Отметим опять-таки честность и добросовестность В. П. Евладова, который объективно описывает общественное устройство в тундре до революции. В сущности, никакого серьезного социального антагонизма между бедными и богатыми у ненцев не было, а следовательно, и оснований для какой-то кардинальной переделки их жизни не существовало. Русский исследователь, будучи представителем советской власти, конечно, не мог сказать об этом открыто, но все его описания подводят именно к такому выводу.

Убежденный сторонник социалистического переустройства мира, В. П. Евладов пытается подогнать наблюдаемые у ненцев особенности их общественной жизни под классические марксистские схемы, но у него из этого ничего не выходит. Он отмечает в своем отчете:

...Есть отдельные богатые оленеводы, которые никому ничего не дают. Это бывшие хорошие друзья русских купцов и обдорского начальства... Именно их можно назвать «классовый враг» бедноты, если бы не два обстоятельства: во-первых, неясно, является ли общество ямальских тундровых кочевников «классовым» (оно не рабовладельческое, не капиталистическое, не феодальное), и, во-вторых, людей, не дающих в долг или безвозмездно оленей, среди ненцев так немного, что их поведение можно считать индивидуальной манерой. Есть ведь и бедняки довольно замкнутые, неприветливые и скупые, их не меньше, чем жадных богачей...

Мудро пишет свой отчет начальник экспедиции Евладов, но как жаль, что не такие люди вершили дела в то время на Севере и во всей России... В своей книге он избегает революционного пафоса, имя Ленина во всем отчете упоминается 2—3 раза, и это не сопровождается каким-то особенным пиететом. Там же, где автору все же приходится говорить о новой власти, в его записях чувствуется легкая ирония:

Утром к чаю пожаловали гости, им пришлось выслушать от меня длинный рассказ в духе наших весенних политин-

формаций: какие это «красные», почему «красные», откуда советская власть и проч. Суть рассказа — богатые, бедные, царизм, угнетение, восстание против рабства, победа, враги, 1921 год в тундре, гражданская война, победа, наши основные законы.

Показательно, что ответ ненцев на политическую агитацию также представляет собой политический шаблон: «Правильно, что убрали богатых и накормили бедных, теперь мы знаем красных». Складывается впечатление, что обе стороны знают правила, которыми должен предваряться серьезный разговор о насущных проблемах бытия. Когда же В. П. Евладов неосторожно заявляет: «Мы хотим научить ненцев считать своих оленей и научим», то получает резкий отпор: «Мы умеем считать оленей, и учить нас не надо».

Подумайте:

- Кто такие красные?
- Почему многие ненцы в конце 1920-х годов еще ничего не знали о советской власти?
- Хотело ли большинство ненцев что-то менять в своей жизни?
- Почему бедные ненцы относились к своим богачам терпимее, нежели русские — к своим?
- Влияют ли природные условия и климат на социальные, имущественные отношения людей?
- Можно ли говорить о классовом расслоении ненецкого общества в прошлом?
- Жадность свойственна только богатым или же и бедным тоже? Это качество индивидуальное или социальное?

§ 10. В свободное время

Трудная борьба за существование, первобытные верования и страхи не отменяют у ненцев нормальных, естественных человеческих чувств и переживаний — эту мысль автор подчеркивает неоднократно.

Русский путешественник описывает в своей книге развлечения молодых ненцев, их мужские игры.

Но вот касание окончено. В редкое свободное время молодые парни заводят игры, но мне никогда не доводилось видеть игры девушек, я думаю, что они и не имеют их. Мужские игры преимущественно — борьба за пояса, перетягивание палки сидя, прыжки. До прыжков оленеводы большие охотники. Солидный отец семейства Хот Езынги даже во время кочевки, выдвинувшись вперед и остановившись, чтобы подождать наш обоз, начинал прыгать. Эти прыжки очень своеобразны. Обеими ногами вместе... раз прыжок, два, еще один прыжок... и самый большой прыжок (как можно дальше) — три, обеими пятками глубоко в снег, а сам валится на спину и смотрит, куда посадил третий след. Этот прыжок и есть мерило ловкости. Этой игрой увлекаются даже почтенные старцы, которые в игре становятся юными...

Поодаль шла борьба молодежи, слышался задорный смех. Трудно было думать, что это те самые угрюмые и неразговорчивые ненцы, которые на фактории односложно и неприветливо отвечают на ваши вопросы. Сейчас они галдели, как гуси на проталине, здоровый, жизнерадостный смех оглашал тундру. Довольство жизнью, бодрость сейчас бьют ключом, и это заставляет забывать ту упорную каждодневную борьбу с суровой природой, на которую обречены они, не ведая более легкой и удобной жизни в мягком умеренном климате.

Подумайте:

- Что такое фактория?
- Почему на фактории ненцы угрюмы и неразговорчивы?
- Почему у ненецких девушек нет своих игр?
- Какой вид легкой атлетики напоминают прыжки ненцев?

§ 11. Ухаживания, свадьба и брак

Подмечает В. П. Евладов и скромные, незаметные для других знаки внимания, которые оказывают друг другу молодые влюбленные в обществе, где не принято открыто проявлять чувства. Однако брачные обычаи и сама свадебная церемония, на которой автору удалось побывать, вызывают у него внутреннее сопротивление.

...Я заметил, что у ненцев, как и у всех народов мира, есть любовная симпатия и влечение молодых людей друг к другу. Пока за чумом все собравшиеся ели на завтрак сырую пешку¹, я сидел и наблюдал за женщинами. Девушка завела лепешки и поджаривала их на обломке сковороды, переворачивая над углями. Тенька несколько раз заходил в чум по пустяковым делам. В последний раз он пришел раскурить трубку, попросил у девицы лучинку, она зажгла и дала ему. Он закурил, что-то сказал, и она улыбнулась ему широкой, открытой улыбкой. Заметив меня, Тенька смущенный вышел. Явно у них было взаимное влечение, и, конечно же, представление о грубых нравах среди ненцев неверно.

...Несколько слов о том, что такое брак, женитьба в жизни ямальских ненцев. Брак подчинен экономическим условиям жизни кочевого хозяйства. Наименьшее число работниц в чуме — две. Когда хозяйство разрастается до такой степени, что две женщины перестают справляться с работой, нужно приобретать вторую жену. Если к тому времени в чуме есть сын подходящего возраста, то родители женят его. Если же нет никого, то думают, как поступить. Инициатива второго брака исходит часто от жены-хозяйки. Она может сказать мужу:

— Тяжело мне стало работать, дочь еще маленькая, плохо помогает. Ты бы взял еще одну жену — олени ведь у нас есть.

Муж подумает и ответит:

— Как возьму вторую жену, ведь я уже старый становлюсь?

— Тогда давай женим старшего (ему, например, 12 лет).

¹ Сырая пешка — только что забитый олененок.

— А что худого? — ответит муж сакраментальной фразой. — Давай будем девку смотреть.

И смотрят, ищут полгода, годы. Наконец находят и посылают сватов.

Калым имеет две, примерно определенные, величины. Один калым от 20 до 40 оленей, другой — от 70 до 100. Есть и другие варианты...

Когда невеста высмотрена, отец жениха, жених и сват едут в чум невесты. Сын с отцом сначала не заходят в чум, посылают свата узнать — будут ли им отдавать дочь. При благоприятном ответе сват берет палочку и дает ее отцу невесты, который вырезает на ней зарубки требуемого калыма. Отец невесты выходит из чума к отцу жениха, и начинаются переговоры через свата. Наконец на цифре калыма сходятся, и приезжие гости заходят в чум выпить чаю. Невеста к ним не выходит...

С момента отбора и отгона калыма свадьба считается состоявшейся, остается поехать в чум невесты и привезти ее на новое место жительства. Этот момент как раз и является самым торжественным в свадебном обряде...

Чум не вмещал всех гостей, многие толпились у нарт, весело разговаривали. Я заглянул в чум. Мне, как «почетному гостю», уступили место... Отец невесты, видимо желая меня втянуть в общий разговор, спросил:

— Вот я — ненец, а свою дочь отдаю в чум ханта Салиндера. Хорошо ли это?

— А что худого, — ответил я, — разве ханты не такие же люди, как и все? Плохо только, что у них остался обычай закрывать лицо платком. Твоя дочь не привыкла к этому, у вас, ненцев, этого нет. А теперь она должна будет к этому привыкнуть.

— У нас иначе нельзя, — согласился отец жениха.

— Как нельзя? Можно! Наши русские женщины тоже когда-то закрывали лицо, а теперь этого нет. Зачем это? И еще плохо, что вот вы жените парня и девушку, а почему их не спросили, хотят ли они друг с другом жить.

Дружный хохот встретил мои слова. Даже женщины захихикали — какой чудак, чего говорит! Отец невесты покровительственно разъяснил мне:

— Что же их спрашивать, ведь они же молодые, еще ничего не знают, что могут сказать?..

К ночи мы были в чуме жениха. По хантыйским обычаям жених должен быть в это время вне чума... Девушки подхватили невесту под руки и внесли, закутанную, с закрытым лицом, в чум. Там она и сидела, пока мы пили чай. День свадьбы был закончен. Молодой жене показали место в чуме, на котором она будет жить до конца своих дней.

Подумайте:

- Почему у молодых ненцев было не принято открыто выражать симпатию друг к другу? Изменилась ли ситуация в наше время?

- Чем объясняется практический подход к браку у ненцев?

- Существует ли многоженство у других народов мира?

- Как вы относитесь к способу заключения браков у ненцев, к тому, что подбор невесты осуществляется родителями? Есть ли в этом свои положительные стороны?

- Что такое калым? Каково ваше отношение к этому обычаю?

- Почему предложение В. П. Евладова о самостоятельном выборе молодых вызвало смех?

§ 12. Отношение к детям

Некоторые бытовые обычаи ненцев русскому человеку кажутся неприемлемыми. Русские неодобрительно относятся, например, к тому, что совсем маленькие дети присутствуют при забое оленя. С другой стороны, приезжие с удовлетворением отмечают, что у ненцев нет беспризорных детей.

Утром я наблюдал, как давили пешку на завтрак. Два парня, затянув шею животного с двух концов «мертвым узлом», быстро сделали свое дело. Рядом стоял мальчик лет трех и с интересом наблюдал эту жестокую, на мой взгляд,

картину. Потом я не раз видел, как ненецкие ребяташки со всей серьезностью играли во взрослых: поймав щенка или взрослую собаку, они «душили» ее веревочной петлей «на мясо». Обычно лайка, огрызнувшись и разбросав малышей, убегала...

...Приехали в чум Някоче Вэненга... Хозяин сразу же взял своего маленького сына и стал его целовать. Видно было, как он соскучился по нему за день отлучки из дому. Это хозяйство произвело на меня прекрасное впечатление. Жена и старшая дочь Някоче были весьма ласковы с маленькими детьми. Младший сын, мальчик трех-четырех лет, чистый, ласковый, дружелюбный и доверчивый.

В этой семье был приемыш-сирота. После смерти родителей он остался без оленей. Някоче взял его к себе, теперь у приемыша 50 своих оленей. Его имя Тенька Тусида...

Я спросил у Някоче о беспризорности детей, что с ними бывает, когда они осиротеют. Оказывается, беспризорности у ненцев нет. Непременно сироту кто-нибудь подберет и растит независимо от того, есть ли у ребенка олени или нет. Так и Тенька Тусида, как члену семьи, ему положен ежегодно комплект одежды, обуви, он участвует в промысле, получая треть всех добытых хозяйством песцов, оленей и пр.

Подумайте:

- Как вы считаете, должен ли маленький ребенок наблюдать жестокие сцены забоя оленя? Почему в тундре относятся к этому спокойно?

- Почему у ненцев не допускается беспризорность? Это объясняется особым вниманием к детям или практической необходимостью?

§ 13. Человеческие отношения

Владимира Петровича Евладова восхищает гостеприимство ненцев. В тундре каждый делится имеющимся у него. Отказаться от подарка невозможно — тем самым нанесешь хозяину неизгладимую обиду. Подарком может быть и дорогая песцовая шкурка, хотя в чуме в это время нет ни сахара, ни хлеба. Толь-

ко чай есть всегда, видимо, этот напиток, привнесённый в их быт русскими, очень полюбился ненцам. Контрастно противоположными оказываются взаимоотношения прибывших на Ямал «красных начальников». В. П. Евладову это было вдвойне неприятно, поскольку свидетелем его конфликта с руководством советской морской экспедиции, которое не захотело поделиться с соотечественниками хлебом, оказались ненцы. С горечью он пишет:

Было очень неудобно перед ненцами, которые живо обсуждали этот случай и качали головой: «Красные начальники не дают друг другу хлеба, не помогают». Чудаки, они не знали отношений людей «в культурном обществе»: у нас это так обыкновенно — остаться глухим к нужде другого. Мы постарались найти подходящее объяснение отказу.

Наблюдательный путешественник не мог не заметить, что среди ненцев, как и во всем мире, есть люди деловитые и аккуратные, а есть безалаберные и неорганизованные, причем это вовсе не зависит от уровня достатка, то есть от количества принадлежащих им оленей. Вот одна из бытовых зарисовок:

Не все обитатели тундры одинаковы. Майма Яунгад — вот образец беспорядочного хозяйства. Все было разбросано вокруг чума, рыба недочищена, масса уток лежала грудой на нарте. Вышла жена хозяина, сам он долго не выходил к нам, потом соблаговолит. Это был толстый крупный человек лет 50 с черными кудрявыми волосами. Мы зашли в чум — маленький, дырявый, замусоренный. Вот так богач!..

Не лишены тундровики и такой общечеловеческой слабости, как тщеславие. В. П. Евладов рассказывает о нескольких уважаемых в своем кругу ненцах, которые были очень довольны тем, что о них знают в Обдорске, а Хаулы Окатэтта вообще просил сделать его «главным среди самоедов».

Интересны наблюдения В. П. Евладова о взаимоотношениях ненецких женщин. У Лямби Вэненга

три жены, и вот что замечает русский путешественник:

У Лямби три жены, и все они живут здесь, рядом с ним. Последняя — самая молодая (видимо, любимая) — живет барыней. Она не разливала чай, а сидела и пила его вместе с нами. Такой «эмансипированности» я еще на Ямале не встречал. При кочевке она ездит на легкой нарте и не ведет грузовой аннас. С ней на нарте ездят два щенка. Ночью ей высушили и размяли кисы две другие жены.

Но не только русские наблюдают ненцев, последние также делают свои выводы. Во время чаепития с В. П. Евладовым в чуме старушка-ненка говорит, что в Обдорске русские брезгают пить чай с женщинами и никогда не сажают с собой есть, особенно так, как сейчас, — они вместе макали баранки в банку консервов.

Заключение

В целом В. П. Евладов считает экспедицию удавшейся. В конце своего отчета он пишет:

Если подбить баланс... то у меня в активе: полное доверие ненцев, знакомство с влиятельнейшими людьми Ямальской тундры, закрепление доброжелательного отношения взаимными подарками. Это очень важно для всей дальнейшей общественно-агитационной работы, переустройства здесь жизни к лучшему, перевода на новые, «социалистические рельсы».

Кроме того, успешно проведен сбор коллекций, имеется статистическое описание и бюджетные таблицы на десятки хозяйств, записи опросов о промыслах в Карском море, оленеводстве, охоте, ремесле, судебные тяжбы и «обычное» право, схемы для создания карты Ямала, гербарий, материал о вотчинах, 250—300 фотоснимков.

В последней части своего отчета В. П. Евладов сообщает о встрече с членами другой экспедиции, которую возглавляла Наталья Александровна Котовщикова. В состав экспедиции входили Валерий Никола-

евич Чернецов и Константин Яковлевич Ратнер. Н. А. Котовщикова вскоре после этого трагически погибла на северной оконечности Ямала, а В. Н. Чернецов стал впоследствии одним из известнейших исследователей материальной и духовной культуры народов Севера.

24 апреля 1929 года В. П. Евладов вернулся в Обдорск, проведя в Ямальской тундре больше года.

Глава 2. Религия северных народов и шаманизм

§ 1. Введение

Религию северных народов нередко называют шаманизмом. Это не совсем верно. Правильнее называть ее **язычеством** (многобожием, политеизмом), поскольку в ней присутствует огромное количество божеств и духов, определяющих все явления природы и все происходящее в жизни человека. В этом ее главное отличие от великих мировых религий (буддизма, христианства, ислама), в которых за все мироздание отвечает один верховный Бог — будь то Будда, Иисус или Аллах. Различает эти системы верований и то, что мировые религии имеют записанный свод принципов и правил (Библия, Коран), а в язычестве они существуют в устной традиции.

В научно-популярной литературе северные народы называют еще **идолопоклонниками**, поскольку их божества олицетворяются и материализуются в идолах — деревянных, каменных или костяных изображениях. Другой важной характерной чертой религии северных народов является наличие у них особых **сакральных** (священных) мест, которые заменяют им храмы. Это может быть берег реки, озеро, сопка, место в лесу или тундре, обладающее, с точки зрения этих народов, некими сверхъестественными свойствами. Так, например, одно из главных священ-

ных мест ненцев находится на самой северной оконечности Ямала, рядом с островом Белый (посмотрите на карте). Называется оно Си"ив Мя" — Семь Чумов. Даже сами ненцы там бывают очень редко, поскольку они считают, что не следует слишком часто беспокоить своих богов.

Кто же такие шаманы и какую роль они играют в жизни аборигенов Севера?

Следует отметить, что слово «шаман» эвенкийского происхождения (эвенки — малочисленный народ Крайнего Севера, раньше их называли тунгусами). «Шаман» буквально означает «человек, находящийся в транс». Транс — это научное определение особого психического состояния человека, когда он может контактировать с так называемым потусторонним миром. Слово «шаман» вошло в научный обиход в XVIII веке и заменило ранее употреблявшиеся слова «волхв», «ворожей», «колдун». Необходимо также знать, что шаманы существуют не только в Сибири, они есть у всех народов, находящихся на ранних стадиях духовного развития, например у индейцев Северной и Южной Америки, у народов Африки и Австралии. Таким образом, шаман — это человек, обладающий особыми качествами, позволяющими ему входить в иной, потусторонний мир.

Многие родители, да, возможно, и учителя, воспитанные в советскую эпоху, могут сказать, что никакого другого мира не существует, что вся наша жизнь ограничена осязаемым материальным бытием, а остальное есть лишь выдумки людей, не вполне нормальных. Однако никто не будет отрицать того, что есть в нашей жизни явления, казалось бы, необъяснимые. Это в первую очередь сны, предчувствия и интуитивные прозрения, странные совпадения и просто то, что в обыденной жизни мы называем чудом, фантастикой и т. п.

Так вот, то, что, с нашей точки зрения, кажется невероятным и фантастическим, для многих людей и даже народов — вполне осязаемая реальность. Однако

ощутить ее, прикоснуться к ней дано не каждому. Для этого и нужны шаманы. Они обладают такой способностью. Опять же возникает вопрос: а почему именно они? Да потому, что, чтобы стать шаманом, нужно, во-первых, от рождения обладать некоторыми особыми качествами, а во-вторых, необходимо пройти серьезную подготовку, обучение у старого шамана. Задатки шамана можно сравнить с музыкальными способностями — ведь далеко не каждый обладает абсолютным музыкальным слухом и талантом сочинять музыку.

Будущих шаманов отбирают из числа мальчиков (реже девочек), которые с детства проявляют себя несколько иначе, чем остальные дети. Они почти не участвуют в обычных детских шалостях, предпочитают одиночество, иногда у них наблюдаются симптомы болезней (головные боли, припадки и т. п.). Исследователи этого вопроса отмечают, что нередко на голове у этих детей бывают особые отметины (выпуклости, вмятины).

Именно таких подростков приближают к себе старые шаманы и начинают серьезно готовить их к своей сфере деятельности. Они прежде всего обучают мальчика отличному знанию окружающего мира и природы — ведь шаман должен уметь предсказать погоду, вылечить больного с помощью трав и других средств народной медицины, знать тонкости обрядов, обычаи и еще многое-многое другое. Это, так сказать, первая стадия подготовки. Многие на этом и останавливаются и, используя полученные знания, помогают своим соплеменникам.

Но есть и вторая, высшая стадия подготовки шамана, которая предполагает умение волевым усилием вводить себя в состояние транса. В этом состоянии шаману доступно все, начиная с хождения по раскаленным углям и бескровного протыкания собственного тела острым ножом до предсказания будущего и контакта с другими мирами.

О чудесах, демонстрируемых шаманами, сегодня пишут очень много, об этом в последнее время постав-

лено немало фильмов, как художественных, так и документальных. Повальное увлечение в нашей стране целителями и экстрасенсами и повышенный интерес к шаманизму имеют общие корни.

Вот как пишет о шамане немецкий исследователь Хольгер Кальвайт:

Шаман — человек двух миров. Он обладает двойным зрением. Мир его чувств раздвоен, его мысль движется по двум колеям. Первое рождение дает ему мать; во втором его рождении участвуют высшие силы — вселенский Творец жизни или божество, становящееся крестным отцом. Эти высшие существа призывают его без права не подчиниться; они дают ему силу для ведения новой жизни в качестве шамана, который может смотреть за кулисы жизни. Эти космические, потусторонние или сверхъестественные родители являются лишь одними из учителей и наставников шамана, другими могут быть старшие опытные шаманы, которые поддерживают и показывают, как подчинить своей власти видения и духов-союзников, и которые сообщают ему представления трансцендентной [то есть запредельной] культуры.

Верить или не верить всему тому, что пишется и говорится о шаманах, есть личное дело каждого. Так же, как отношение к существованию Бога: для тех, кто в него верит, он есть, для тех, кто не верит, — его нет. Но следует признать, что шаман играл большую положительную роль в роде или племени: он лечил, он направлял хозяйственную деятельность людей, он следил за сохранением традиций и поддерживал нормальный психологический климат в сообществе. Он также был хранителем религиозных представлений и неписаных законов язычества, осуществлял связь с Верхним и Нижним мирами (вспомним, что, по представлениям северных народов, мироздание состоит из трех миров — Верхнего, Среднего и Нижнего).

Целенаправленно формируемые в советскую эпоху представления о шаманах как о шарлатанах и обман-

щиках, наживающихся на несчастьях людей, стали результатом идеологической пропаганды: атеистическое государство было противником любой религии, будь то православие или язычество.

С другой стороны, не следует идеализировать шаманов — за определенные ритуальные и иные услуги они брали полагающееся им вознаграждение, не исключено, что некоторые злоупотребляли этим. Не всегда предсказания и пророчества шаманов сбывались, хотя это тоже можно понять — в столь тонкой и сложной сфере бытия возможны всяческие неувязки. Но в целом, еще раз повторим, шаманы играли огромную роль в своем сообществе. Более того, целый ряд современных исследователей настаивает на том, что наука сегодня просто еще не достигла такого уровня развития, чтобы сделать объективное и доказательное научное описание понимания мира шаманами, наука лишь приближается к тому, что уже давно интуитивно знали эти незаурядные люди.

Подумайте:

- В чем главное различие между христианством и язычеством? Что еще их различает?

- Как называется священная книга христиан?

- Что такое идол?

- Что такое сакральное место?

- Как называется и где находится главное священное место ненцев?

- Почему ненцы редко появляются на своих святилищах?

- Почему они не пускают туда посторонних?

- Откуда и когда пришло к нам слово «шаман»? Что оно означает?

- Что такое транс?

- Как называется шаман у ненцев?

- Согласны ли вы с тем, что помимо материального мира существуют и другие, параллельные миры? Обоснуйте свой ответ.

- Сталкивались ли вы с необъяснимыми явлениями в своей жизни? Если да, опишите их.

- Любой ли человек может проникнуть за кулисы нашей реальной жизни?
- Как отбирают будущих шаманов?
- Что должен знать шаман?
- Какие две стадии обучения шамана существуют?
- Приходилось ли вам читать описания сверхъестественных возможностей шамана? Если да, то расскажите о них.
- Верите ли лично вы в чудодейственные способности шамана?
- Какова роль шамана в жизни северных народов?
- Кем считали шаманов в советскую эпоху? Почему?
- Согласны ли вы с тем, что шаманы обладают знаниями, которые еще не доступны современной науке?

§ 2. Верования и жертвенники ненцев

(По книге В. П. Евладова
«По тундрам Ямала к Белому острову»)

Владимир Петрович Евладов в своем отчете останавливается на верованиях и культовых местах ненцев. Будучи руководящим советским работником, он оказывается в сложной ситуации: следовать или не следовать тем обычаям, на соблюдении которых настаивают ненцы. С одной стороны, исследовательский азарт подталкивает его к познанию новых, незнакомых вещей и явлений, с другой — он не хочет уронить авторитет новой, атеистической власти. Чаще всего начальник экспедиции находит компромиссные решения, удовлетворяющие и тех и других. Для себя же (а может быть, и для вышестоящих начальников) он записывает в отчете:

...Только так мы сможем изучить эти обычаи и познакомиться с религиозными культами, чтобы на обратном пути уже развернуть энергичную антирелигиозную пропаганду.

...Религия ненцев состоит в поклонении высшему боже-
ству, носящему название «Нум». Это божество живет на
небесах в семи чумах. Нум имеет шестерых детей, сам —
седьмой. Кроме него, имеется еще множество богов и мест-
ных духов-покровителей. Могучий Нгэрм (Север) живет
где-то посреди моря. Временами он дует страшными ледя-
нящими ветрами, гонит перед собой большой мороз. Духов
много в небе, в воздухе, в воде. Все они недоступны для
соприкосновения с живыми людьми.

Из местных духов — покровителей Ямала — главными
считаются Сэру Ирику на Белом острове и Яумал-хэ на
мысе Хаэн-сале. Эти святыни известны далеко за предела-
ми Ямала и в ненецком культурном мире могут по своей
значительности равняться только с общеизвестными святы-
нями Вайгача.

Вдоль побережья Карского моря раскиданы многочис-
ленные жертвенники. Их мы встречали на пути: бог мор-
жей — на Тиутей-сале, «Тюленьей головы дух» — на реке
Пясадай, два святых мыса — на Белом острове. Каждый
жертвенник представляет собой нагромождение рогов
жертвенных оленей, черепов моржей, белых медведей, из
которых торчат палки-жерди разной величины. На концах
их грубо насечены зарубки — глаза, нос, рот. Это — сядаи.
У всех идолов зарубка, изображающая рот, всегда вымаза-
на кровью, жиром и вообще всякими лакомствами. Время
от времени кочевники подъезжают к святыням, приносят
жертвы, берут несколько малых идолов с собой и уезжают,
оставляя на жертвенном месте привезенных идолов-сядаев.
Такой обмен идет два-три раза в год между людьми и жерт-
венниками. Идолы путешествуют с оленеводами на особой,
«святой нарте», у них есть свои орудия лова и шкуры уби-
тых зверей.

Следует пояснить, что местные духи и священные
места играли и сегодня играют в жизни коренных
народов Ямала роль даже бо́льшую, чем те общие бо-
жества, о которых рассказывалось в предыдущих кур-
сах культуры и литературы Ямала (Нум, Нга, Я' Ми-
ня и др.). Те божества носят несколько абстрактный
характер для ненцев, в то время как священные ме-

ста, о которых пишет В. П. Евладов, обладают для них огромной мистической силой. До сих пор ненцы очень неохотно допускают туда чужих, запрещают фотографировать. Сопротивление аборигенов ощутил на себе В. П. Евладов в конце 1920-х годов, о том же писал А. В. Головнев в 1990-е годы ¹:

Вот Белый остров, тот остров, на который так трудно попадать нам, русским людям. Его флора, фауна, рельеф никем еще не описаны. Какие препятствия чинили ненцы нашим предшественникам и почему мне довольно просто удалось перешагнуть через все «белоостровские заставы»?

Посещение и научное описание Белого острова в конце августа 1928 года следует считать кульминацией и наивысшим достижением экспедиции В. П. Евладова. Причины нежелания пускаться на остров русских очевидны: там находится одно из главных святилищ ямальских ненцев — Сэру Ирику (Белый Дедушка). Вот как описывает этот жертвенник В. П. Евладов:

Наконец в тумане на одном мысу мелькнул жертвенник. Мы взобрались на высокий холм и подошли к этому месту. Вокруг были разбросаны оленье рога, но не очень много. Посередине стоял идол высотой не более полутора метров из круглого дерева. Фигура была выполнена лучше обыкновенного в том отношении, что там, где должна быть шея, сделаны две глубокие зарубки. Кроме того, два сучка, удачно подобранные по длине и форме, образовывали руки. Кругом идола было поставлено несколько лиственниц, очень тонких и низких, и на них привязаны короткие красные шнурки, но не много. Вокруг лиственниц были воткнуты в землю маленькие сядай, очень небрежно сделанные и совсем новые. Видимо, кто-то недавно посетил это место. Поодаль от жертвенника стоял столб с поперечной доской, как бы небольшой столик.

Никакого грандиозного впечатления (как на Сидя-хаэн-сале) не было. Видимо, место это посещается крайне редко.

¹ См.: Головнев А. В. Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. С. 208—236.

Спицин усомнился было, что это Вэйсако хэге [второе название жертвенника], предположил, что главная святыня отнесена глубже в тундру. Я же был уверен, что это и есть жертвенник Сэру Ирику. Да и не мог он быть большим, так как стоит далеко в стороне от обычных охотничьих маршрутов ненцев, к тому же они не гоняют сюда стада своих оленей, бывают тут всего несколько дней в году и слишком дорожат шкурами диких оленей, чтобы приносить их в жертву духам в большом количестве. Так что культ Белого Дедушки носил скорее духовный, чем материальный характер.

Однако наибольшее впечатление на В. П. Евладова произвел другой жертвенник — Яумал-хэ на мысе Хаэн-сале, который он посетил на обратном пути с Белого острова:

На возвышенном берегу стоял огромный жертвенник. Первое впечатление от него — вал из кучи оленьих рогов, тут и там возвышались отдельные кучи. Одна из них была особенно велика, ее высота достигала 2—2,5 человеческих роста. Весь вал из оленьих рогов был вытянут вдоль пролива с запада на восток. Справа от центральной, самой большой кучи рогов располагались еще 3 — поменьше, крайняя из них была особенно обильна жертвоприношениями. Слева от главного шайтана — также 3 кучи рогов, самая левая — поодаль — почти без жертвоприношений.

В середине каждой кучи рогов стояли несколько лиственниц, ветви которых были увешаны полосками ткани, кольцами, монетками, завернутыми в лоскутки, железными цепочками и пр. Из костяных куч торчали сядай, грубо вырезанные из мелкого плавного леса. Редко можно было найти хорошее изображение. Никакой художественности и стремления создать и улучшить «образ и подобие» божества. А ведь ненцы хорошо могут резать по дереву топором и ножом. В крайней левой группе был корень плавника, согнувшийся под прямым углом, — это изображение сидящего бога. В середине главной кучи рогов торчало довольно толстое бревно «с глазами» и зарубкой, где должен был быть рот. Это — главный шайтан.

Как выяснил В. П. Евладов, число «семь» у ненцев священо, поскольку у главного божества было шестеро детей, а седьмым был он сам, он сотворил шесть земель, а седьмую не стал делать — «седьмой (землей) буду сам». Здесь явно прослеживается мифологическое смешение причин и следствий, однако несомненно одно: как и у большинства народов мира, число «семь» у ненцев сакрально. Исследователь приводит также легенду-миф о двух святилищах:

...Задолго до основания святого места Хаэн-сале жил один самоед на Ямале. Он поехал как-то на промыслы и в тумане заблудился. Поднялась страшная буря и унесла человека на небо. Там он пришел в «Божий чум». У этого божества была дочь. Потом этот человек и сам стал богом, спустился на землю, а с ним и дочь божья. На земле этот человек сказал божьей дочери: «Я возьму себе Белый остров и буду жить там, тебе даю Ямал. Сядь у Хаэн-сале напротив меня, и будем жить так. И долго эта женщина стояла одна на Ямале, а сам он сел на острове — это и был Сэру Ирику (Белый Дедушка). Потом стали у них сын и дочь. Их дочь околдовал сильный Нгэрм (Север), что живет посреди моря. Он превратил ее в Белую важенку, из-за которой между самоедскими родами была война. Белая важенка попала под стрелу и при разделе досталась роду Вэненга. Когда была найдена священная пряжка, молва об этом месте стала расти, и теперь это главный жертвенник Ямала — Яумал-хэ...

В. П. Евладов называет и другие ямальские божества:

...Сэру Ирику — главный, потом Яумал-хэ, чьи жертвенники поставлены на мысе Хаэн-сале. Это общеямальские святыни. Тиутей-сале, Няк-гайус-хэге и другие — это местные божества. Состоят ли боги в родстве между собой, неизвестно. Сядаи есть только изображения божеств, сами же они на небе и в тех чумах, где есть их изображения. Солнце, луна — тоже божества, им поклоняются: когда солнцу — выяснить не удалось, а луне при полнолунии каждый месяц приносят жертвы. Так должен поступать каждый ненец-оленовод.

Исследователь продолжает рассказ о верованиях ненцев:

В семейном быту есть божки — караульщики оленей, находящиеся всегда при чуме. Природные явления ненцами обожествляются — это остатки анимизма, при котором одухотворяется все окружающее. Солнце и луна также являются богами. Им приносятся жертвы 13 раз в году, по числу 13-ти лунных месяцев. Громы и молнии, 2—3 раза посещающие тундру, тоже обожествляются. Вода населена водными чудовищами, земля — подземными людьми «сиртя». [Речь идет о народе сихиртя, о котором также рассказывалось в предыдущих курсах.] Среди ненцев есть люди, которые еще видели настоящих живых «сиртя», но последние лет 30 их уже никто не встречал. Ненцы иногда проводят неглубокие раскопки на курганчиках «сиртя», копают рогами оленей и достают медные отливки, украшения довольно своеобразной тематики. Такие находки считаются талисманами и источниками счастья на промысле.

Помимо остатков анимизма и фетишизма, В. П. Евладов отмечает элементы культа огня:

Женщины поклоняются и служат своим духам очага и огня. Культ огня у ненцев еще сохранился. Женщины часто окуривают оленьим салом шест, к которому привязан котел. Этот шест олицетворяет божество домашнего очага. Когда мы жили в ненецких чумах подолгу, то, сделав вид, что спим, имели возможность наблюдать каждую ночь перед сном окуривание очага, которое заключается в подбрасывании в плошку с горящими углями кусочков оленьего сала и подкуривании дымом священного шеста. Во время окуривания женщина издает какие-то глубоко гортанные звуки, хоркая наподобие оленя. Эти звуки едва слышны.

Исследователь отмечает и бытование у ненцев множества охотничьих ритуалов. Следует отдать автору должное — к этим элементам культуры он относится очень уважительно как во время прямых контактов с кочевниками, так и в своих записях:

Целый ряд суеверий сопровождает на каждом шагу жизнь кочевника. Поехал на промысел — необходимо за-

хватить с собой идолов, приносящих счастье. Они у него на поясе. Выходит в море — нужно принести жертву морскому божеству, а также вымазать кровью жертвенных оленей руль лодки, киль и борта — чтобы вода не прошла в лодку. Отвалил от берега — брось серебряную монетку в море, будет добрее. Проезжая по тундре и видя впервые за год жертвенник Тиутей-сале, нужно прикрыть глаза и перевернуть наоборот малицу — иначе бог Тиутей ослепит дерзкого пришельца.

Евладов с некоторым смущением рассказывает, как перед выходом в море к Белому острову ему пришлось повернуть козырек своей фуражки назад: на этом настоял сопровождавший его старый ненец:

Много суеверий и ритуалов сопровождает убой белого медведя, а также волка. Охотник извиняется, говорит, что хотел сделать медведю лучше, что ему пришла смерть и охотник лишь облегчит ее... Когда ненец убивает белого медведя, он ему кланяется — медведь считается священным зверем. Затем охотник обязательно проводит рукой от носа к ушам. Потом стреляют. На другой день после добычи медведя бьют в жертву оленя. С белым медведем у ненцев связан ряд ритуалов — шкура зверя считается священной, ее не может брать в руки женщина. После того как медведь убит, в чум заносят головы медведя и жертвенного оленя, ставят в «священном углу», заносят сядав и мажут им губы кровью. Из первого котла, в котором варятся части головы, язык и проч., женщины не едят и даже не дотрагиваются до него. Голова убитого медведя считается священной — в нее нельзя стрелять, как и нельзя бросить где попало. Все медвежьи черепа обязательно сносят на священные места — «хэге» (хэхэ). Зуб белого медведя является талисманом, он носится на поясе для предупреждения боли в пояснице. Если заболят зубы, то, по поверью ненцев, необходимо поскоблить немножко медвежий зуб, положить на больное место, и боль прекратится...

...Собираясь убить волка, его не беспокоят, пока он ест. Необходимо выждать насыщения.

В туманах и вьюгах, в темные зимние дни, осенними ненастными ночами за людьми в тундре могут гнаться злые

духи. Кочевник останавливается, откланивается, зарывает деньги в снег и поспешно гонит к чуму. Первобытная, девственная душа тундрового оленевода дрожит по каждому пустяковому поводу. Понятно, какой страх нагоняет на них падеж скота или болезнь людей...

Показателен в этом отношении еще один эпизод из путешествия по Ямалу, описанный в книге. После посещения главного ненецкого святилища полуострова — Яумал-хэ — ненцы мчатся от него обратно во весь опор, не жалея оленей. Оказавшись в этой ситуации, В. П. Евладов так потом описал ее:

Я большой любитель быстрой езды, но эта скачка в течение полутора часов без отдыха и передышки оленям мне уже не нравилась. Лишь потом я узнал, что от «святого места» ненцы всегда гонят так, до полного истощения сил оленей. Есть поверье: у кого олени пристанут и не пойдут, тому скоро помирать. «Даже лучшие олени остановятся и не пойдут, если на них сидит такой человек», — сказал Няю Вэненга. Тут мне стало понятно и то, почему ненцы неохотно и нечасто посещают свои святыни, — кому хочется испытывать судьбу и узнать правду до времени?

§ 3. Камлание

Кульминацией, вершиной потаенной жизни ненцев является камлание — процесс общения шамана с духами. Об удивительных способностях шаманов много писалось и говорилось, причем одни исследователи безоговорочно верили в их возможности и даже восхищались ими, другие — также безапелляционно отрицали, называли шаманов мошенниками и обманщиками. В те годы, когда работала экспедиция В. П. Евладова, борьба с шаманами в СССР еще не развернулась, поэтому исследователь мог достаточно объективно описать свои впечатления об увиденном:

С утра в чуме стали готовиться к камланию. Увидеть все это для меня было очень важно. Я уже был наслышан о необыкновенных чудесах, которые якобы проделывают не-

нецкие шаманы: они могут перерезать человека тынзяном¹ и вновь соединить половинки, вытащить железную цепь из живота, проткнуть себя тюр². Что-нибудь из этих фокусов я и надеялся увидеть.

...Разожгли в чуме костер. Сэйко велел принести бубен и свою священную шаманскую одежду...

Бубен прогрелся, кожа на нем натянулась... Я стал спрашивать шамана о «сиртя», какие они? Сэйко рассказал такую историю: «Сиртя вроде людей. Я сам видел. Один раз догонял оленей, подъехал к высокой сопке — далеко от всяких чумов, гляжу — сидит девушка и что-то шьет из лоскутков. Я спросил, что шьет. „Одежду“, — она ответила. Я поехал дальше и думаю, что же это за девушка, почему же я с ней ничего не совершил? Думаю — поеду обратно, вернусь. Приехал назад, а на этом месте уже никого не было. Я стал смотреть, где же лоскутки, — ничего нет, никаких следов не осталось. Это было 20 лет назад...»

...Сэйко начал одеваться для камлания. Сначала сбросил ягушку, остался в одних штанах, потом надел сорочку от малицы на голое тело, повязал белый платок вокруг шеи... помазал лицо, лоб, нос, подбородок сажей и попросил бубен.

...Шаман держал огромный бубен левой рукой за внутреннюю перегородку, правой колотил с внешней стороны в центр бубна. Его лицо с закрытыми глазами слабо освещалось просвечивающими через бубен желтыми лучами костра. Все смотрели на него. На лице жены Сэйко были написаны забота и напряжение. На лицах сыновей как будто безразличие, привычка...

...Сэйко обращается ко всем собравшимся:

— Сегодня день хороший, на меня ни один дух не сердится. Сегодня можно попробовать шомпол...

Сэйко правой рукой впустил шомпол как бы в живот, приподняв полу ягушки. Шомпол вылез с другой стороны. Максим нащупал сзади длинно торчащий конец. Шомпол

¹ **Тынзян** — кожаный аркан у ненцев для поимки оленей. Уметь ловко заарканить оленя — едва ли не главное достоинство настоящего оленевода.

² **Тюр** — хорей, шест, которым погоняют оленью упряжку.

прошел вершка¹ на два выше уровня коленей сидящего на полу человека, так что думать, будто он всунут между ног, было невозможно. Быть может, живот Сэйко имеет складки кожи, и в одной из них шомпол держится? Я стал приглядываться, но трудно было поверить в это, так как шомпол был посажен вершка на два ниже диафрагмы и держался крепко все в одном и том же положении, несмотря на резкие телодвижения старика. Непонятная история! Судя по торчащим концам шомпола, невозможно было вообразить корпус без пересечения его, или надо считать, что тело изогнулось вокруг шомпола в совершенно немыслимых линиях. А между тем верить, что шомпол прошел через живот, — нелепо!

...Сэйко позвал старшего сына и велел ему подвигать шомпол. Тот исполнил. Шомпол двигался туда и обратно свободно, хотя хозяин морщился, как бы от боли. Подошли и другие сыновья Сэйко, потом младший мальчик лет 8. Он только двинул шомпол, старик закричал, задержался...

Бум, бум, бум, бум... Пока двигали шомпол, я с правой стороны подполз к костру, чтобы посмотреть входной конец шомпола. Сэйко меня остановил: «Нельзя, большой грех так смотреть». Это замечание подкрепило мой скептицизм. Здесь какая-то уловка. Но какая — это я не мог разгадать.

...Что-то пели про меня. Сэйко позвал меня. Бубен смолк. Я подошел и взялся за шомпол. Он был выдвинут далеко наружу. Сэйко сказал, чтобы я задвинул его внутрь. Я слегка нажал на шомпол, следя за своими ощущениями. Впечатление было такое, как если бы тонкую палочку вдвигать в вязкую глину — она слегка отжимает палочку назад, но не сопротивляется движению, чувствовалось как бы легкое присасывание среды к шомполу.

Непонятная история... Конечно, осязание — такое чувство, которому доверять приходится меньше всего, но, во всяком случае, дурачить суеверных ненцев у Сэйко умения хватает... Я спросил его, почему он не дал мне посмотреть шомпол в теле. Он сказал: «Некоторые смотрят, хотя это

¹ Вершок — 4,45 см.

большой грех». «Что же, у тебя сейчас на теле дыра?» — наивно спросил я. Вместо ответа он отвернул свою ягушку и показал гладкий, ровный, без складок живот, на нем выше пупка и левее его на расстоянии одного вершка была ямка, как от входа пульки. «Вот, посмотри, через три дня ничего не будет», — ответил он.

Потом Сэйко рассказал о своей встрече на Урале с шаманом Яхачи Хатанзеевым, который на глазах Сэйко отрезал голову мальчику и снова приставил. Сыновья Сэйко с разрешения Хатанзеева «изрезали его в куски» ножами и вынесли на улицу, а через некоторое время он пришел в чум как ни в чем не бывало. Это, конечно, выдуманные истории. Их выдумывает сам Сэйко для поддержки своего авторитета, и его часто зовут шаманить над больными и за это платят: за взрослого — оленя, за ребенка — пешку.

Поздно ночью мы легли спать, а проснувшись, я уже не застал Сэйко в чуме. Он уехал так же неожиданно, как и появился. Больше я его никогда не видел.

По рассказу В. П. Евладова чувствуется, что он в затруднении: его рациональный ум, европейское образование вступают в противоречие со свидетельствами собственных органов чувств — зрения и осязания. Он как бы пытается уверить самого себя и читателя, что все увиденное и прочувствованное им — лишь обман, фокус, для этого он и приводит заключительные, совершенно невероятные примеры. Однако они не убеждают: ведь если можно бескровно проткнуть свой живот шомполом, после чего кожа тотчас затягивается, то почему нельзя отрезать голову и снова ее приставить? Не так давно в печати появились рассказы об удивительных способностях филиппинских хилеров — народных целителях, которые без повреждения внешних тканей делали бескровные операции на внутренних органах людей путем манипуляций рук. Так или иначе, надо отдать должное объективности и скромности автора: он рассказал все так, как видел, и не скрыл своего замешательства...

§ 4. Погребальные ритуалы

...Гуляя по тундре, наткнулся на хальмеры — ненецкие захоронения. Мы пошли смотреть. Некоторые склепы были разрушены, в одном лежала женщина, судя по головному убору с бисером. У захоронений валялась утварь: котлы, чайники, кувшины, деревянные чашки, плоские блюда. Погребения расположились на вершине мыса, всего из было 30—40. Сфотографировать этот «город мертвых» мне не удалось, так как спустился густой туман.

По предыдущим расспросам я знал ненецкие погребальные обычаи. Когда кто-то умирает в чуме, то его обмывают и обтирают паклей, длинными, тонкими стружечками, намотанными на палку. Затем покойника одевают в хорошую одежду и оставляют в чуме на день-другой. Если имеется икона, то кладут под голову покойника. Обычно в соседних чумах уже все знают, что есть покойник, и приезжают помогать. Гости не разъезжаются до конца похорон. Когда приходит время, тело везут на хальмер. При погребении колют оленей, кладут покойника в деревянный ящик, с ним оставляют разные вещи, ему принадлежавшие. Если это мужчина, то в хальмер могут положить нож, капканы, малицу; если женщина — то чайник, стол, чашки. Затем тут же справляют тризну. Кости забитого оленя непременно оставляют у захоронения. Вещи покойника намеренно портят: котел, чайник пробивают; малицу, рукавицы с чижками и пимы до половины разрезают¹. По возвращении с хальмера в чуме устраивают шаманские пляски. Шаман бьет в бубен, гадает на оленьей лопатке, поминает всех животных, наземных и морских, птиц, насекомых, известных ему. За это отпевание и гадание платят шаману два быка-оленя, а у зажиточных хозяев похороны обходятся и в 10 оленей.

¹ Этому обычаю есть ряд объяснений: во-первых, чтобы вещами не могли воспользоваться злые духи, во-вторых, по представлениям ненцев, загробный мир — это зеркально перевернутый земной мир, поэтому то, что здесь испорчено, будет целым там.

Подумайте:

- Назовите главное божество ненцев и божество Севера.
- Назовите местных духов — покровителей Ямала.
- Почему ненцы очень неохотно пускают русских исследователей к своим жертвенникам?
- Перечислите культы и ритуалы ненцев.
- Что такое фетишизм? Анимизм?
- Что такое камлание?
- Как называется ненецкое кладбище?
- Опишите погребальный ритуал ненцев.
- Что такое малица? Ягушка? Пешка? Чижи? Пимы?

§ 5. Способности шамана

(Отрывок из романа Е. Д. Айпина
«Ханты, или Звезда Утренней Зари»)

В романе известного хантыйского писателя Еремея Даниловича Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» есть эпизод, в котором автор описывает сверхъестественные способности шамана. Он рассказывает о том, как жестокий сотрудник НКВД, по прозвищу Кровавый Глаз, решил испытать возможности шамана. Вот что из этого вышло.

...Сэм-ики молча приподнял руки на уровень груди, локти прижал к туловищу и начал перебирать ногами, начал пританцовывать на месте. И смотрим — из ножен на правом боку Сэм-ики вышел нож.

Сам собой.

И нож поплыл по воздуху острием вперед. Нож пошел к Кровавому Глазу. И лицо его стало белое, как береста. Потом лицо его стало белое как снег. На лице не стало ни кровинки. Это я хорошо видел. Он стоял напротив меня.

Нож медленно шел вокруг него.

Я видел это собственными глазами. Вот этими глазами. Нож обошел его и вернулся в ножны. Сам собой.

Нож вернулся к хозяину с другой стороны. Они остались в незримом кругу, который очертил нож. Оба застыли. Не шелохнутся.

Я во все глаза смотрел на рукоятку ножа и Сэм-ики. Руки у него вверху, как были, к ножу он не прикоснулся. Такое я видел впервые.

Кровавый Глаз стоял неподвижно и молчал...

Подумайте:

- Что такое НКВД?
- Почему советская власть преследовала шаманов?
- Почему у сотрудника НКВД было прозвище Кровавый глаз?
- Как называется перемещение вещей усилием мысли?
- Возможно ли это с точки зрения современной физики?

§ 6. Посещение святилища

(Отрывок из статьи А. В. Головнева
«Путь к Семи Чумам»)

Главное святилище ямальских ненцев называется Си"ив Мя" (Семь Чумов). Оно расположено на самом северном мысе Ямала, Хэхэм Саля (Мыс Духов), обозначенном на географических картах как Хазн Сале.

В отличие от мировых религий, в ненецком язычестве главным храмом считается не тот, что чаще других посещается людьми, а тот, что почти недоступен или доступен только посвященным. На Мыс Духов закрыт вход женщинам, а также ведущим происхождение от хантов представителям родов *хаби* (Салиндер, Нядангы, Пандо, Поронгуй, Неркыгы, Тибичи, Лар). Однако даже *ненэй неннэче* («настоящие ненцы») совершают паломничество к Семи Чумам только в случае крайней нужды. Как рассказывал мне уроженец северной тундры Хабэча Яунгад, его не раз одолевало желание побывать на знаменитом святилище, но старики, к которым он обращался за советом, всякий раз отвечали при-

*Андрей Владимирович
Головнев*

мерно одно и то же: «Ты тяжело болен или что-то серьезное у тебя стряслось? Если нет, то и ехать ни к чему».

Утро, когда мы наконец собрались в поездку, было хмурым... Перед отправкой следовало обстричь ногти, побриться, тщательно умыться. Когда олени были уже запряжены, жена Едэйко провела короткий обряд нибтара (очищения) — бросила в чашку с раскаленными углями лоскут бобровой шкуры и кусок жира дикого оленя (здесь, на севере Ямала, для очищения используют жир только дикого оленя, притом самца). Каждый из отправлявшихся в путь сел на свою нарту, взяв в правую руку вожжу, в левую хорей. Ноги должны были стоять на полозьях нарт, не касаясь земли. В этой позе мы и наши олени прошли обряд окуривания, избавившись от «нечистоты стойбища».

Проглотив утренний чай, мы запрягли оленей и двинулись к маячившим вдали Семи Чумам. Как и полагалось, приблизились к святилищу с южной (солнечной) стороны. Едэйко первым въехал на священную сопку и остановил упряжку. Мы с Мишкой вторили движениям старика.

Подойдя к хэхэ (идолам), мы приветствовали их кивками. Затем Мишка сходил к ручью и принес в котелке воды, старик достал из нарт привезенные для костра дрова — здесь нельзя трогать ни щепки. Все, что хоть день пролежало на святилище, перестает быть просто вещью.

Если к Семи Чумам приводят живую жертву, ее душат с криком: *Тэврава ханрати сувона илехова!* — «Привезли жертву для хорошей жизни!» Едэйко ограничился приглушенным речитативом, и мы вместе стали извлекать из нарт привезенные дары: семь красных и семь голубых ленточек с кольцами, семь сядаяев, три желудка с кровью, две головы жертвенных оленей, две шкуры, два сердца, жир дикого оленя, пояс, изображение домашнего духа в меховом одеянии, фигурку двуликой совы, монеты. Все это предстояло развесить, размазать, разложить, расставить на святилище.

Обмен — неперемнная часть ритуала. Люди привозят на святилище жертвенных оленей, шкурки песцов и металлические украшения, старые священные шесты (симсы) и нарты (хэхэ хан), бубны и колотушки умерших шаманов. В ответ боги одаривают людей промысловой добычей и пополнением стада, священной силой, которой, по представлениям ненцев, наполнен каждый лежащий здесь предмет. Паломник не может приехать к Семи Чумам без подарка и не может уехать отсюда без отдарка.

После вручения даров началось кормление духов. Едэйко мазал рты хэхэ жиром дикого оленя, мы с Мишкой — кровью из оленьих желудков. Если на святилище происходит заклание живого оленя, сразу после разделки паломники кладут на землю ножи — «боги едят первыми». Хозяин отрезает у жертвенного оленя ухо (разрезом наискосок) и, макая его в чашку с кровью, мажет рты всем хэхэ, «не жалея крови». Последней угощение получает богиня Ямал Хада, а затем теплое мясо с кровью едят паломники.

Насколько обильны бывают ритуальные трапезы на стойбищах, настолько же скудным выглядело наше застолье у Семи Чумов, будто с намерением показать, что не для самонасыщения мы привезли сюда жертву. Не было здесь и хождения по кругу стопки с водкой. Еще перед поездкой

Едэйко сказал, что Старуха Края Земли не чтит водку. К тому же, добавил он, если ей поднести чарку, она забудет, кто к ней приезжал и зачем.

На святилище, куда открыт доступ только мужчинам, все предметы наделены женским полом, все они являются воплощением своей хозяйки — богини Ямал Хада.

Совершая вместе с Едэйко и Мишкой ритуал на святилище Семи Чумов, я не задумывался над тем, что происходит. Просто всматривался и вслушивался. После бессонной ночи в голове назойливо чеканилась фраза: «Это уже было...» Над нами кружат морские чайки. Поодаль топчутся олени, на краю сопки горит костер — все это было. Мы повторяем то, что много раз делали паломники до нас. И все, в том числе деревянные хэхэ, играют здесь некую древнюю сцену, в которой участвуют люди и олени, льется жертвенная кровь и идет счет таинственными «семерками».

Ненецкие легенды рассказывают так, будто события происходят здесь и сейчас. Иногда и обряды выглядят так, будто в них здесь и сейчас воспроизводятся древние мифы. В преданиях о Семи Чумах нет грани между случившимся давно и недавно, герои легко меняются ролями, на месте одних имен вдруг оказываются другие. От преданий этих остается впечатление недосказанности, будто где-то в тайнике народной памяти лежит целая глыба-легенда о святилище, но сказитель всякий раз скалывает с нее лишь чешуйку.

Нынешним летом я услышал еще одну версию истории о Белой Важенке — предание, некогда считавшееся сокровенным достоянием шаманов. В нем героиня также предстает то оленухой, то женщиной. Только очередность ее воплощений не совсем обычна.

Когда-то давно на мыс Хаэн Сале приехали шаманы рода Многооленных (Нгокатэтто), поставили большой чум и начали камлать. Духи сказали им, что богиня Ямал Хада желает воплотиться в тело женщины. Шаманы взяли женщину, затянули на ее шее аркан, а Вэхэля-тадибе [шаман] держал веревку, привязанную к ее ноге. Жертву, как важенку, разрезали на две части. Снятую с нее кожу постелили в *си*, у священного шеста *симсы*. Там же вылили на землю

остатки варева из котла. Прошла ночь, а утром люди увидели, что от *си* уходят вдаль следы оленухи и шести оленят.

Однажды охотники заметили семь диких оленей — низкорослую старую важенку и шесть молодых высоких оленей. Их убили и поделили между собой. Старая важенка досталась самому бедному из охотников, тому, что пришел к Многооленным подкормиться. Его звали Тахана Вэнга. Только начал он надрезать живот важенки, как его нож ткнулся в металлическую пряжку. Он спрятал ее и увез с собой. Жена охотника зашила пряжку в женскую шапку (*не сава*).

Однажды камлал шаман с *пензером* (бубном). Он узнал, где находится пряжка, и рассказал людям. Услышав об этом, Лямби Вэнга отобрал у Таханы шапку вместе с пряжкой. Положил ее в изголовье (*тёндер*) своей священной нарты. Сейчас «поясное железо» (*ни еся*) хранится у Тусида. А на месте, где когда-то стоял чум шаманов, появилось святилище *Си"ив Мя"* (Семь Чумов)...

Была ли жертва добровольной? Ощутила ли обреченная на священную смерть женщина, как с последним выдохом в ее плоть входил дух всемогущей богини? В легендах о Ямал Хаде постоянно звучит тема мученичества и жертвенности. Мотив всеискупления жертвенностью, смерти ради божественного воскрешения, един для религий многих народов. И шаманом, по преданиям, становится не тот, кто благостно чтит небеса, а тот, кто познал преисподнюю, кто умер в человеческом облике и возродился посвященным. И самые страшные жертвенные ритуалы отвечают самой смелой идее — единения человеческой плоти и высшего духа. Нет бога, не прошедшего все муки ада — тем большие, чем выше его призвание. Дорога эта выстлана человеческими страданиями, а миг их превосхождения и нарекается именем бога. Старухе Края Земли выпала власть над муками рождения, жизни и смерти — столько власти, сколько досталось ей людских жертв...

Старуха Края Земли связала в своем образе и ритуале людей и оленей, людей и богов. В шаманской версии преда-

ния уже видны нити, ведущие от исторического рассказа к мифу.

Почему не бог, а богиня вела за собой Многооленных? Как во главе движения оказалась женщина, место которой, как будто, в обозе?

По старому обычаю, освоенной земля считается не тогда, когда по ней пронесется упряжка с оленями, а когда на ней встанет чум. Охраняющие свои пастбища оленеводы говорят чужакам: «Ходить-то ходи, а чум не ставь». В ненецких преданиях покорение земли рисуется не как изгнание с нее врагов, а как захват их женщин. Картиной окончательной победы служит чум, где после долгих скитаний разжигает огонь мать, сестра или жена героя.

Землю-жизнь творит богиня-женщина. Вернее, она и есть жизнь — седьмая, все-рождающая земля. Только покрытая женскими «метками», тундра становится обжитой. А мужчине остается лишь владеть этой живой тундрой и, пересекая ее от края до края, играть роль то охотника, то пастуха, то воина, то паломника.

Подумайте:

- Где находится главное святилище ямальских ненцев? Как оно называется?

- В чем различие священных мест в язычестве и в мировых религиях?

- Кому посвящено святилище Семь Чумов? Как связано имя богини с названием полуострова?

- Как называется обряд очищения у ненцев? В чем он заключается? Есть ли что-либо подобное в христианстве? Каковы правила посещения храма?

- В чем смысл обмена подарками на святилище?

- В чем заключается сакральный смысл кормления духов и скромной трапезы на святилище? Есть ли что-либо подобное в христианском храме?

- Почему к святилищу не допускаются женщины, но все предметы там относят к женскому роду? Сравните с христианскими обрядами.

- Почему автору казалось, что все происходящее на святилище уже было?

- В чем смысл легенды о Белой Важенке?
- Какой идее отвечают, по мысли автора, страшные жертвенные ритуалы? Как эта идея подтверждается в христианстве?

Глава 3. Ненцы о самих себе

(По книге Е. Г. Сусой «Из глубины веков»)

Елена Григорьевна Сусой — первая из ненецких женщин Ямала, ставшая ученым, кандидатом педагогических наук. Она является автором учебников по ненецкой литературе для 2—9-х классов. Елена Григорьевна — вдова выдающегося ненецкого поэта Леонида Лапцуя, популяризатор и пропагандист его творчества. Она и сама обладает литературными способностями — ей принадлежит книга об обычаях ненцев «Из глубины веков».

§ 1. Психологический портрет ненца

Жизнь в условиях Крайнего Севера выработала в ненцах такие качества, как осторожность, неторопливость, наблюдательность, умение принимать тщательно продуманные решения.

Благодаря такому складу характера, человек тундры в далеком прошлом создал чум, удобный при кочевом образе жизни; нарты, которые в арктических условиях надежнее и прочнее любой техники; одежду — индивидуальное мини-жилище под открытым небом.

Такие привычки северянина, рожденного в тундре, как медлительность, умение выжидать, ни в коем случае нельзя объяснять ленью, нельзя видеть в этом и признаков психических отклонений. Ведь только в результате тщательно и вдумчиво выполненной работы, требующей большого терпения, рождаются долговечные, прочные и красивые вещи.

В связи с кочевым образом жизни у ненцев сложились традиции, которые исключают хищническое отношение к природе. Эти традиции просты, понятны и убедительны. Например, ненцы никогда не употребляли в пищу грибов.

Елена Григорьевна
Сусой

Объяснение надо искать в самом названии грибов: *туда-ко* — жирок. По-видимому, заметив когда-то, что олени очень любят грибы, ненцы сочли, что разумнее не отнимать у них этот деликатес. Лучше получить «жирок» от оленя в виде вкусной пищи и теплой шкуры.

Велика сила любви человека тундры к оленю. Забота о нем закрепила у ненцев многие привычки природопользования. Например, ненец зря не сорвет ни одной травинки, поэтому мы никогда не увидим тундровика с букетом полевых цветов. И это объясняется вовсе не отсутствием у ненцев чувства прекрасного, а лишь особым, бережным отношением к природе, боязнью разрушить первозданную красоту окружающего мира.

С детства воспитываемая сдержанность помогает человеку перенести и боль утраты родных и близких. Вот почему у ненцев тягостные события, сложные жизненные ситуации не сопровождаются бурными эмоциями. Проводы усопших и поминки проходят без слез и причитаний, чтобы не ослаблять волю живущих, чтобы утверждать веру людей в благополучие бытия. Такой подход давно оправдал себя

в сложных условиях жизни в тундре. Из всего этого не следует делать вывод о том, что северяне не умеют переживать, страдать и горько плакать. Внешнее проявление чувств ненцы позволяют себе только наедине с природой. Душевная боль может быть открыто высказана в присутствии других только тогда, когда у человека не осталось сил переносить ее в одиночку.

Подумайте:

- Почему северян отличает некоторая медлительность?
- По каким особенностям поведения можно отличить коренного северянина?
- Почему ненцы не собирают цветов и не едят грибов?

§ 2. Ненец и олень

Жизнь ненцев в тундре была бы невозможна без оленей. Не случайно буквальный перевод с ненецкого языка названия дикого оленя *илебць* — средство для жизни. Олень дает человеку все: пищу, материал для одежды, обуви и жилища, используется как транспортное средство¹.

Оленье стадо является разнородным не только по своему многоголосому хорканью, но и по масти: *сэр* — белый; *хатар* — дымчато-белый; *падвы* — пестрый; *париденя* — черный; *хорха* — серебристый и т. д.

Олени различаются и по рогам: *малк* — комолый (то есть безрогий); *ваянгуй* — однорогий; *нямдриска* — с большими, высокими рогами.

По половой принадлежности олени именуются: *яхадей* — важенка; *хабтарка* — бесплодная важенка; *хора* — бык-производитель; *хабт* — ездовой кастрированный олень.

¹ О протяженности кочевий пишет в своей книге «Ненцы» известный ученый-этнограф Л. В. Хомич: «Кочевать начинали обычно небольшими переходами по 10—15 км... Кочевья ямальских и большеземельских ненцев достигали значительной протяженности — от 500 до 800 км. На преодоление этого расстояния требовалось от 15 до 25 переходов».

Различают оленей и по возрасту: *нгарка-ты* — взрослый олень; *няхара' хора* — бычок, три раза давший потомство.

По степени прирученности их называют: *нгавка (авка)* — прирученный олень; *яна ты* — олень, приученный к упряжке; *хэхэдана* — строптивый, трудно поддающийся поимке, но приученный к упряжке.

Почти у каждого оленевода в стаде имеется не используемый в упряжке крупный, сильный кастрированный бык, который называется *менаруй*. Он служит украшением стада. Его присутствие в стаде вызывает ощущение защищенности у всех оленей. Разрывая сильными копытами твердый наст или глубокий снег на пастбище, он помогает слабым оленям добывать ягель. Это вожак стада. Ненцы рассказывали много случаев, когда такой олень спасал хозяина от беды.

Подумайте:

- Почему в ненецком языке много названий оленя, а в русском только одно?
- Чем питается олень?
- Почему ненцы каждый год весной совершают перекочевку на север Ямала?
- Как по-ненецки называется кочевка?

§ 3. Воспитание детей у ненцев

Качества подлинного хозяина тундры ненцы начинают развивать в ребенке с малых лет через игры и выполнение несложных трудовых операций. Мальчики и девочки учатся строить свой маленький чум, распределяют обязанности между членами воображаемой семьи.

Занятиями мальчиков являются охота, рыбная ловля и оленеводство. В семи-восьмилетнем возрасте мальчику вручают настоящий аркан, и он уже может заарканить смиренного оленя или своего послушного авку. В этом же возрасте некоторым детям уже доверяют вести упряжку.

Девочки в процессе игры учатся элементам трудовых операций, выполняемых женщиной-хозяйкой, женщиной-

матерью, привыкают к соблюдению определенных правил поведения. Так, например, они приобретают навыки ухода за младшими братьями и сестрами, изготовления нитей из сухожилий оленя, выделки шкур, шитья одежды и обуви, сушки меховых изделий.

В тундре не живут по принципу «Все лучшее — детям!», хотя заботятся о малышах не меньше, чем где-либо еще.

Аборигенами Севера выработан своеобразный устав, согласно которому детей не приучают к ощущению недостатка в семье: ребенок должен усвоить, что все есть результат труда. Главный смысл отношения к детям в тундре, пожалуй, можно выразить следующими словами: «Пусть ребенок одевается в то, что имеется в семье, пусть ест то, что едят взрослые. Хорошую одежду он успеет поносить, ведь век его только начинается. Красивую одежду и лакомую пищу он когда-нибудь заработает сам, своим трудом». Мудрое ученье? По-моему, да, очень мудрое...

Подумайте:

- К чему ненцы приучают детей с самого раннего возраста?
- Почему ненцы не балуют своих детей?

§ 4. Распределение обязанностей в ненецкой семье

В тундре существует строгое распределение обязанностей. Традиционные занятия мужчины — оленеводство, охота, рыболовство. Только в исключительных случаях он может взяться за работу, которую испокон веков исполняет женщина (поставить чум, сварить пищу, заготовить топливо, починить одежду).

Женщина является хранительницей семейного очага. О ней судят по убранству чума, одежде ее мужа и детей. Мужчина оберегает женщину в знак глубокой признательности за заботу о нем и семье. Оба они открыто не выражают свою любовь, она проявляется в их практических делах, выполняемых друг для друга.

Подумайте:

- Почему у ненцев женщины, а не мужчины выполняют такую нелегкую работу, как установка чума?

§ 5. Этикет ненцев

Обращение к людям старшего поколения по имени считается у ненцев оскорбительным, унижающим достоинство человека. Поэтому у них приняты иносказательные формы обращения, например: отец Тэтаки, мать Сэрне, дедушка Хасаваки. Обращаясь к мужу, жена говорит обычно: «Отец моих детей...»

Запрещение при достижении определенного возраста имени, данного при рождении, — это общепринятый закон у ненцев. Иносказательное обращение демонстрирует уважительное отношение к человеку. Поэтому при регистрации ребенка ненцы легко соглашались давать своим детям второе имя — русское. Обратиться по имени к человеку, уже достигшему возраста запрета имени, равносильно нетактичному обращению на «ты» к старшим или незнакомым людям у других народов, а порой это может рассматриваться как непризнание собеседника человеком.

В обыденной жизни ненцев существует много правил, выполнение которых считается хорошим тоном. Так, например, если кто-то решил угостить чем-либо соседей, то во время трапезы он не должен есть то, что принес. Запрет объясняется так: если человек ест подаренное им же, значит, он жадный и, как говорят в народе, у него может «сгореть подол». Это правило несет в себе и второй смысл: у хозяев всегда должен быть запас продуктов, которыми они могли бы попотчевать любого гостя.

Гостеприимству, сердечному отношению друг к другу, умению выражать признательность детей в тундре учат с раннего возраста, хотя слов со значением «спасибо», «благодарю» в ненецком языке нет. Их заменяют поступки людей. Например, соседи поделились частью своей добычи. В таком случае не принято возвращать посуду, в которой принесли дар, пустой. Получившие приношение должны положить в нее какой-нибудь продукт (хлеб, мясо, рыбу и др.),

по количеству и качеству не обязательно равноценный тому, которым их угостили. Новое содержимое посуды заменяет слова благодарности.

По обычаю ненцев при передвижении мужчина всегда должен идти впереди женщин и детей. Такой образ действий, кажущийся представителям других народов проявлением бескультурья и неуважительного отношения к женщине, для ненцев вполне закономерен, и целесообразность его диктуется особыми условиями жизни в тундре: в пути могут возникнуть неожиданные ситуации, и именно мужчина должен встретить опасность первым.

Подумайте:

- Почему обращение по имени к взрослым людям у ненцев считается оскорбительным?
- Почему у ненцев не принято говорить «спасибо»?
- Почему при передвижении ненецкий мужчина всегда идет впереди женщины?
- Зависят ли правила этикета от условий жизни людей?

§ 6. Ненецкие праздники

Как известно, у ненцев нет традиционных народных праздников, но есть дни большой радости. Это день рождения ребенка, приезд желанных гостей и родных, наконец, создание новой семьи — свадьба.

День рождения человека отмечается всего один раз в жизни — после того, как у младенца отпадет пуповина. Это праздник только для взрослых, и сам виновник торжества никогда не узнает, как он проходил. По случаю появления ребенка на свет забивают олененка, одаривают пожилых женщин, принимавших роды. Как правило, это небольшие подарки, например плетеная тесьма для кос, кусочки сукна, предметы для гигиенических процедур и т. п.; повивальной бабке вручают нож, которым перерезали пуповину.

Здесь уместно остановиться на вопросе, который может возникнуть у многих читателей: как определялся возраст человека? На количество прожитых лет меньше всего обра-

щали внимание. Возраст могли учитывать с момента рождения до четырех-пяти лет. Затем главным для членов сообщества становились жизнеспособность и самостоятельность человека: для мальчиков крайне важна сноровка в поимке оленей, умение их запрягать, вести упряжку; для девочек — мастерство при изготовлении нитей из оленьих сухожилий, при шитье одежды для кукол, обуви для маленьких детей, активность в хозяйственной деятельности семьи и т. д.

Долгожданный или случайный гость — источник новостей, приятный собеседник и советчик. По своей инициативе или по просьбе хозяев он может исполнить неизвестные или давно забытые фольклорные произведения. По установившимся традициям гость посещает все чумы в стойбище, а хозяева не должны отпускать его без угощения. Кто-либо из членов семьи обязательно преподносит ему подарок. Об уважительном отношении к гостю свидетельствует и то, что в честь его приезда забивают оленя. Если гость остается ночевать, то вечером из отборных кусков мяса варят суп. К столу подают вино, лучшие из блюд — олений язык, вареную аорту, костный мозг, брюшко и спинку рыбы, гусиный и рыбий жир и др. — ставят ближе к гостю.

Замечательным, радостным днем является создание новой семьи — свадьба. При выборе невесты учитывается ее подготовленность к самостоятельной жизни. Девушку или женщину, не обладающую необходимыми в тундре качествами, брали в жены только в крайних случаях.

Редкие супружеские пары у ненцев сходились по любви, без сватовства и разрешения родителей. В брак без согласия родителей вступали так: жених увозил девушку или чужую жену тайком. В таком браке плата за невесту (возмещение приданого) не производилась и женщина не получала от родителей ни оленей, ни одежды, ни предметов быта. Но со временем, с установлением мира между семьями, женщина могла получать подарки из родительского дома.

Следует отметить, что в любом случае при создании новой семьи молодые должны жить в чуме мужа или поставить свой (как уже говорилось, женщина должна быть храни-

тельницей огня рода мужа), поэтому проживание супружеской пары у родителей жены не одобряется.

Подумайте:

- Почему у ненцев не принято отмечать дни рождения?
- Почему для ненца приезд гостя — праздник?
- Почему браки у ненцев заключаются преимущественно с согласия родителей?
- Почему ненецкая девушка должна многое уметь?

§ 7. Отношение к женщине у ненцев и понятие *сямэй*

По обычаю ненцев женщину относят к числу «нечистых» людей, часто в литературе можно встретить слово «поганая», хотя перевод ненецкого слова *сямэй* не соответствует тому смыслу, который вкладывается в этот термин. С представлениями о «нечистоте» женщины связан целый ряд правил-ограничений, которые она должна строго выполнять.

Женщине запрещается: прикасаться к нарте с культовыми принадлежностями; обходить чум со священной стороны; класть свою обувь рядом с мужскими и детскими вещами (для нее определено специальное место во время стоянки и каслания); перешагивать через предметы быта и наступать на них (кроме пола в чуме, циновок и кисов; если на пути девочек-подростков и женщин оказываются какие-либо длинные предметы, например аркан, веревка, они должны остановиться и перебросить их через голову, короткие предметы, например колотушку, топорище и т. п., — обойти стороной); разделять и резать поперек некоторые виды рыб, такие, как осетр, налим, щука.

Понятие *сямэй* способствовало выработке правил, устанавливающих определенные гигиенические нормы для девушек и женщин, а также соблюдению пристойности в отношениях супругов в своеобразных условиях чума, где могут одновременно жить от одной до четырех семей, более десяти человек вместе с детьми.

Со словом *сямэй* — нечистый, греховный, — вполне вероятно, связано появление старого русского названия ненцев — самоеды. Ненцы, запрещая приезжим (путешественникам, исследователям, этнографам) осматривать предметы культа, могли сказать: «Сямэйда!» — «Вы не прошли очищение!» По обычаю ненцев, людям, не совершившим этого обряда, нельзя подходить к священной нарте. *Сямейда*, перегласованное в «самоеды», позже могло закрепиться в качестве русского названия ненцев.

Подумайте:

- Почему у ненцев существует много запретов для женщин?
- Изложите версию Е. Сусой о происхождении названия «самоеды».

§ 8. Роль металлических украшений в тундре

Звонящие металлические предметы оказывают сильное психологическое воздействие на человека в тундре. Используемые как элементы одежды, в качестве украшений упряжи оленей, они не только отвечают эстетическим вкусам ненцев, но и ценятся как средство, бодрящее дух человека. Они особенно хорошо помогают, когда он один идет или едет по пустынной тундре. Звон колокольчиков, бубенцов, металлических колец на упряжи отводит навязчивые, тревожные мысли, помогает побороть страх, перенести стужу и боль, создает хорошее настроение, придает уверенность в себе.

Подумайте:

- Почему русские ямщики всегда вешали под дугу колокольчик?

§ 9. Экологический календарь ненцев

Свой календарь ненцы составили в далекие времена, руководствуясь в общении с природой прежде всего принципами целесообразности и сохранения ее богатств для последующих поколений.

Какие бы названия ни имели месяцы ненецкого календаря, они точно определяют виды трудовой деятельности северян. Традиционно началом календарного года считается зима.

Вторая половина ноября и начало декабря носит название *Нюдя пэвдей* — Месяц малой темноты. Далее идет *Нгарка пэвдей* — Месяц большой темноты (декабрь и январь).

Следующий месяц — *Лимбя' иры* — Месяц орла (февраль). Давая такое название месяцу, ненцы, видимо, рассуждали так: после долгой спячки солнце порхает над верхушками деревьев и сопок, садится на конец вертикально поставленного хорея, как орел.

Март ненцы называют *Яра' иры* — Месяц поворота года. Затем идут *Сие ниць'* — Месяц обманного отела (апрель), *Ты" ниць'* — Месяц массового отела оленей (май), *Мангты" иры* — Месяц гнездования птиц (июнь), *Ненянг" иры* — Комариный месяц (июль), *Пилю" иры* — Месяц оводов (август), *Вэба' иры* — Месяц листопада (сентябрь), *Хор" иры* — Месяц быков (октябрь). Это месяц брачных игр оленей.

Подумайте:

- Вспомните, у какого еще народа названия месяцев связаны с явлениями природы.

§ 10. Почему ненцы живут в чуме

Хорошо жить в тундре и тайге, когда человек не изменяет своим привычкам, когда он пребывает в согласии с природой и самим собой. Мудрые правила выработал народ для жизни в тундре. Это подтверждается опытом многих поколений и не расходится с теоретически обоснованными

научными выводами. Ненецкий чум и ныне не получил более разумной и удобной в кочевых условиях замены, хотя было немало попыток создать для оленеводов жилище лучше, чем его старинная модель. Новый вид жилища, с электричеством, радио, телевизором, телефоном, для некоторых действительно решит проблему комфорта, которого кочующее население лишено. Но для большинства ненцев это неприемлемо: их жизнь лишается смысла, если не будет чума, оленей, возможности заниматься промыслом. В решении такого важного вопроса, как переход на оседлый образ жизни, очень полезно было бы прислушаться к мнению ученых, писателей, социологов, работников просвещения и культуры, утверждающих, что народ не может быть таким, каким его хотят видеть, — он такой, какой есть.

Подумайте:

- Почему при советской власти ненцев хотели сделать оседлым народом?
- Может ли современный комфорт сосуществовать с вековыми традициями народа?
- Что бы вы предприняли, чтобы улучшить быт кочевых народов, не изменяя кардинально их образа жизни?

§ 11. О языке ненцев

Деятельность человека, гармонично связанная с природными явлениями, требовала и определенного словесного выражения. В ненецком языке много фразеологизмов, отражающих образ мыслей народа. Например, о первых снежинках говорят: «Полетели белые комары»; перед ненастной погодой замечают: «Облака начали долгие кочевья»; наблюдая весну, могут сказать: «Бурные речки и ручейки бегут, словно дети спешат навстречу отцу и матери».

О людях говорят: «Ему есть что прятать» (об уме, таланте и силе); «У нас две головы, но душа и сердце едины» (о дружбе и товариществе); «Она словно носит с собой солнце» (о внешне и душевно красивой женщине); «Обиду он носит на кончике носа» (об обидчивом человеке); «Он как

обоюдоострый нож» (о неискреннем человеке, которого следует опасаться).

Подумайте:

- Какой литературный прием прослеживается в ненецких образных выражениях?
- Приведите примеры аналогичных фразеологизмов в русском языке.

§ 12. Нужно ли учить родной язык?

До недавнего времени по отношению к родному языку существовала тенденция, которую я бы сформулировала так: переход от «языка молчания» (то есть замалчивания проблемы) к открытому высказыванию мнений о ненужности и даже вредности общения на нем. При этом приводились различные аргументы: родной язык якобы становится тормозом в овладении русским языком, он мешает прививать детям любовь к учению, воспитывать навыки культуры поведения. Хотя убедительных примеров хорошего знания детьми обоих языков достаточно, все же можно услышать, как некоторые работники школ-интернатов говорят примерно так: «Ох, этот родной язык! Учебники, написанные на нем, даже родители не понимают!» И порой они действительно правы: родители не всегда понимают изложенное в книге, потому что не обучались грамоте, не могли самостоятельно читать, а слушая невыразительное бормотание детей, делали соответствующие выводы.

Боязнь говорить на материнском языке — это травма посильнее физической. В 60-е годы прошлого века ее испытывали не только дети, но и взрослые, которые только через общение на родном языке могли передать молодому поколению весь опыт народа, накопленный веками.

Подумайте:

- Может ли человек прожить без родного языка?
- Почему даже некоторые учителя считают, что изучение родного языка ненецким и хантыйским детям не нужно, что это мешает учебе?

- Сможет ли ненецкий язык выдержать конкуренцию с русским языком? Если да, то в каких сферах деятельности?

- Что нужно делать, чтобы ненецкий язык не исчез вообще?

§ 13. Стыдно ли быть ненцем?

Большой вред в воспитании по-настоящему образованных, интеллигентных национальных кадров приносят «лестные комплименты» о том, что тот или иной молодой человек, та или иная девушка совсем непохожи на человека ненецкой национальности. И такие молодые люди, еще не успев определить свою жизненную позицию и не научившись ценить культуру предков, не узнав и не усвоив особенности другой культуры, начинают отделять себя от своего народа. Эти молодые ненцы наносят большой вред своему будущему, забывая язык и традиции. А «комплименты» бывают сказаны чаще всего в отношении внешних данных: правильных черт лица, светлых волос, модной одежды, но не как оценка душевных и деловых качеств человека.

Подумайте:

- Можно ли стыдиться собственной национальности? Если да, то почему?

- Почему некоторым молодым ненцам хочется быть похожими на русских?

- Не бывает ли у русских желания быть похожими на какой-либо другой народ? Если да, то на какой именно?

§ 14. Об одежде и гигиене ненцев

У нас на Севере, в тундре, нет скал, окаменевших отвесных склонов, где могли бы сохраниться записи путников. Поэтому я все больше убеждаюсь, что узоры на национальной одежде и обуви — это своеобразная письменность, рассказывающая о прошлом и настоящем нашего края.

Например, на женских шапках можно увидеть изображение жилища — орнамент *мядик* (чумик).

Спереди на женских кисах традиционно нашивается треугольник, а под ним — несколько рядов маленьких треугольников, обрамленных разноцветным сукном. По-моему, это не что иное, как изображение чума, говорящее о том, что именно женщина — хранительница родового огня. О тепле, создаваемом ею, говорит полоска, отходящая от основного треугольника в сторону носка и символизирующая дымок, струящийся из дымохода.

К основанию треугольников — изображению чумов — пришиваются две-три черные и белые полосы. На мой взгляд, это знаки: «Стоп! Остановись! Подумай, через что ты переступила, входя или выходя из родительского дома, покидая его или возвращаясь в него!» Это очень тонкий и деликатный вопрос, но замалчивать его не стоит. Я всегда стараюсь разъяснить молодежи роль запретов, ссылаясь на то, как строго соблюдают все правила взрослые женщины в тундре. Эти запреты, на мой взгляд, имеют далеко идущие корни и напоминают каждому: «Не преступи закон, не обмани, не укради, не сквернословь, не допускай безнравственных поступков, не роняй честь женщины, семьи, рода и т. д.».

Трудно представить себе существование человека в экстремальных условиях Крайнего Севера без одежды из оленьего меха. Круглый год ненцы не снимают ее, надевая на голое тело, и при этом кожа их остается чистой и здоровой. Как же так? Оказывается, дело в строении ворса оленьего меха. Каждая ворсинка представляет собой жесткую полую трубочку, которая впитывает в себя все выделения человеческого тела и под их тяжестью обламывается. Происходит самоочищение одежды. Такое свойство оленьего меха и позволяет коже человека оставаться чистой и здоровой без мытья в бане. Правда, менять меховую одежду на новую ненцам приходится довольно часто. В вытершейся, лишившейся густого ворса одежде суровую арктическую зиму просто не пережить.

Сегодня установлено, что олений мех, легко массируя кожу при движении, оказывает психотерапевтическое воздействие на нервную систему человека.

Естественно, что никто из наших предков о причинах таких свойств оленьего меха не догадывался.

Подумайте:

- Зависит ли культура народа от географических и климатических условий, в которых он живет?
- Что в прошлом отчасти заменяло ненцам письменность?
- Какова гигиеническая функция оленьего меха?

Глава 4. Как учились дети ненцев и ханты в послевоенные годы

§ 1. Постановка проблемы

В те трудные годы в Советском Союзе существовало обязательное бесплатное обучение детей — каждый ребенок огромной страны в семь лет должен был идти в школу. В принципе это правильно, но жизнь всегда сложнее самых хороших постановлений. Для кочевых народов закон о всеобщем образовании оборачивался драмой, поскольку их детей насильно отрывали от семьи, привычного уклада жизни и определяли в школы-интернаты. Такая практика, только в несколько более мягкой форме, есть и сегодня. Как бы хорошо ни были оснащены современные школы-интернаты, как бы хорошо ни кормили и одевали там детей, ничто не может заменить материнской нежности и отцовского примера. Кроме того, за десять лет пребывания вне семьи школьники полностью утрачивают те навыки жизни в тундре, к которым их приобщали с самого рождения. Отсюда вытекает еще одна проблема: чему и как учить детей коренных народов Севера? Должны ли они, так же как школьники городских школ, постигать теоретические основы наук или же следует теснее связать получение образования с непосредственными нуждами оленеводов? Например, в курсе естественных наук не столько

*Нина Николаевна
Ядне*

изучать сложные формулы и законы, сколько приобретать знания о свойствах растений, о способах ориентирования на местности и т. п.

Сейчас разрабатываются проекты особых кочевых школ, в которых бы дети надолго не разлучались с родителями и учились тому, что жизненно необходимо в условиях Крайнего Севера. Одна из таких школ уже работает в поселке Лаборовая, руководит ею ненецкая писательница и педагог Анна Павловна Неркаги.

Известный общественный деятель Ямала, депутат Государственной Думы ЯНАО Нина Николаевна Ядне в своей книге «Я родом из тундры» рассказывает о том, как в 50-х годах XX века она училась на Ямале, и поднимает общие проблемы культуры ненцев: «Я думаю о том, что наша культура, в высоком понимании этого слова, была уничтожена в тридцатые, сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы двадцатого века, когда сжигались идола, домашние

божки, изображения далеких предков, осквернялись наши священные места и навязывалась нам чужая вера или коммунистическая идеология».

Подумайте:

- Согласны ли вы с тем, что для детей кочевых народов нужна особая, упрощенная программа обучения, приближенная к условиям их жизни?
- Смогут ли дети ненцев и ханты в этом случае получить высшее образование? Не будет ли это ущемлением их прав?
- Согласны ли вы с мнением Н. Ядне о том, что ненецкая культура была уничтожена?
- В чем вы видите причины приостановления развития национальной культуры ненцев во второй половине XX века?

§ 2. Школа-интернат

(Из книги Н. Н. Ядне «Я родом из тундры»)

...В интернате было очень много детей. Ели мы за длинными столами, сидели на длинных деревянных скамейках. Часто давали кашу, какие-то гороховые супы, которые не нравились нам. Чай в кружках всегда был холодным. А когда давали рыбный суп из щуки, то все дружно отодвигали от себя тарелки с содержимым и ели только второе и компот. Дело в том, что мы, ненцы, никогда не употребляли в пищу щуку, которая рыбой у нас не считалась и не считается до сих пор. В тундре мы привыкли есть только лучшие сорта осетра, муксуна, щокура, пыжьяна, в худшем случае — сырка и ряпушку. Здесь в интернате больше всего хотелось мороженого или вареного оленьего мяса и горячего душистого чая. Рыбы мы, оленные ненцы, ели меньше — только тогда, когда доставали или обменивали на мясо оленя.

Вечером меня подвели к железной кровати, к какой-то незнакомой худой, с большим носом, маленькими глазами и в веснушках, девочке и велели спать на одной кровати с ней. Звали ее Пана Вэнго. Вскоре мы с ней подружились, и дружба наша длилась всю жизнь, до самой ее смерти.

Первые дни и недели мы абсолютно не понимали, что говорят нам русские женщины — учителя и воспитатели. Но мне было легче оттого, что в старших классах училась моя старшая сестра Акае, которая, как могла, завязывала нам платки, заправляла штанины в валенки, сушила валенки и объясняла нам, что такое хорошо и что такое плохо.

Моя сестра, тайком от старших девочек, приносила и складывала в карманы наших фуфаек печенье, калачи, конфеты и говорила: «Папа с мамой прислали тебе из тундры». Я верила и все спрашивала ее: «А когда папа заберет меня? Я хочу к маме, в свой чум! Не хочу здесь мерзнуть. Может быть, мы с тобой отправимся пешком по дороге, где ездят все оленеводы, кто-нибудь подберет нас и отвезет к родителям? Давай наберем в дорогу хлеба и завтра же пойдем. Я хочу в свой чум, к маме и папе, в тундру! Хочу видеть своих оленей!»

Потом я начинала плакать, а сестра старалась успокоить меня, сама тайком вытирая слезы. Не передать словами страшную тоску ребенка по своим родителям, которых отныне он будет видеть только десять дней в зимние каникулы и три месяца летом в течение десяти или одиннадцати долгих лет учебы в школе-интернате. Мне кажется, что и сейчас каждый ненецкий ребенок в школе-интернате мечтает только об одном: любым путем попасть к родителям в тундру. И никакие красивые одежды, телевизоры, магнитофоны, ковры на стенах и на полу, компьютеры и светлые комнаты не заменят родного чума, ласки родителей, быстрой езды на оленьей упряжке, свежего оленьего мяса, охоты или рыбалки на просторах бескрайней тундры, где вольно пасутся многочисленные стада оленей. Ведь олени дают любому ненцу жилище, одежду, пищу, транспорт, чувство гордости, любви и свободы...

В школе-интернате поселка Антипаюта в те времена было несколько десятков учеников. В длинном бараке была школа, интернат, кухня, столовая, классы и учительская. Много разных событий происходило в те годы в интернате. Нашим воспитанием почти никто не занимался. Все премудрости жизни познавали самостоятельно.

В интернате все мальчики и девочки были острижены

наголо. Все носили одинаковую форму: сатиновые штаны, кирзовые сапоги, серые платки, шапки-ушанки, стеганые телогрейки, которые мы называли фуфайками. Как-то отцы привезли нам с Машей табаки из мягких шкур (меховые чулки), сшитые нашими мамами, так как ноги у нас постоянно мерзли. В один прекрасный день воспитательница, которая дежурила с утра, увидела меховые чулки и крикнула: «Сейчас же выкиньте эти шкуры, с ними могут появиться вши, чтобы я больше не видела их! Тут положено ходить в русской обуви, а если мерзнете, то просите у кастелянши портянки». Тут подошла большая девочка и унесла наши теплые табаки. Это сейчас дети в интернате одеты хорошо. Многие носят шубы, шапки, теплые сапоги, даже бурки из оленьего меха, а тогда выдавали фланелевые рукавички, которые мы часто теряли. Моя старшая сестра пришивала нам рукавички на резинки, но и это не помогало — кто-то их отрывал. Позже стали давать валенки, а если они продырявливались, то так и ходили в них. Самое главное — нам не разрешали носить свои вещи, теплые малицы и кисы, хотя у многих они были добротными или новыми. Мы мерзли в этой казенной одежде, когда таскали с улицы дрова и воду на кухню, когда строем ходили на прогулку или в кино в развалившийся, холодный клуб. Многие кашляли, простывали, болели.

Закончив начальную школу, я три года провела в противотуберкулезном диспансере и санаторно-лесной школе города Салехарда. Зато в красочных букварях, по которым мы учились читать и писать, почти на каждой странице были изображены улыбающиеся школьники в национальной одежде. Многие дети робели перед взрослыми и беспрекословно выполняли команды учителей и воспитателей. Природа наделила меня независимым характером, и я часто задавала неудобные вопросы. В третьем классе на мой вопрос, почему ребята на картинках в малицах, а нам не разрешается их носить, учительница ничего не смогла нам ответить.

После девяти часов вечера, когда воспитатели сдавали нас ночным няням, мы плотно сдвигали свои железные кровати и ложились спать рядышком, чтобы никакой черт не

достал нас. Все мы боялись темноты. Малейший шорох в комнате или на крыше вызывал у нас страх, и каждый мысленно просил помощи у Бога. А тут еще кто-нибудь из девочек рассказывал какие-нибудь страшные истории. Иногда по выходным, после завтрака, взрослые про нас забывали. Тогда мы совершали обряды, чтобы не приставали болезни и нечисть. Среди девочек обязательно находилась такая, которая объявляла себя знахарем и пыталась лечить нас. Вокруг такой девочки создавался своеобразный ореол таинственности, и каждый старался угодить ей или задобрить ее угощениями. Часто за завтраком кто-нибудь из нас почему-то обязан был отдавать такой девочке порцию своего сливочного масла. А одна взрослая девочка, обещая защищать нас от других, постоянно следила за тем, что нам с Маней привезли родители из тундры, и тут же все отбирала: вареное оленьё мясо и языки. Там, в интернате, были свои законы и порядки.

Почти всегда, когда за стенами интерната свистел ветер, когда на улице были собаки, мы думали о родителях, считали месяцы, когда они нас заберут в родной чум, потом просили Бога защитить нас от злых напастей, от нечистой силы и привидений. Когда ночные няни тушили керосиновые лампы, то я старалась сразу же закрыть глаза, если даже не спала: я боялась открыть их, потому что в темноте могло что-нибудь появиться и утащить меня. Кто-то из девочек тихо плакал под байковым одеялом. Потом все постепенно засыпали. Тогда в поселке Антипаюта не было электричества, и в школе на всех партах, на столе учителя и в коридоре стояли керосиновые лампы. При коротком световом дне их быстро тушили. Темнота добавляла нам страху. Позже, когда я была в четвертом классе, появилась «Лампочка Ильича», но мы не имели права зажигать свет после отбоя, даже если надо было сделать что-то очень важное. Ночные няни разрешали идти в холодный, страшный туалет по неосвященному коридору, поэтому ходили по два-три человека.

Ежегодно находились смельчаки, которые убегали из интерната, но крепкие морозы, бездорожье и холодная казенная одежда не позволяли им дойти до родительского

чума. Часто беглецов находили недалеко от поселка замерзшими, мертвыми... Строжайший советский закон не разрешал родителям увозить детей в тундру, хотя каждый из нас мечтал уехать с отцом или матерью в свой родной чум. Учеба в школе-интернате была для нас каторгой, тюрьмой, потому что мы жили по чужим правилам. Нельзя было одеваться, есть, думать по-своему. Мне, моей сестре и Маше родители внушали, что из интерната убежать нельзя — можем замерзнуть и умереть. Но главное — сельсовет и Вэлла¹ могут наказать наших родителей, и тогда у них не будет работы. А может быть, их отправят в тюрьму, потому что дети нарушают порядок. Так что мы с Машей только мечтали убежать из интерната, но знали, что никогда этого не сделаем — жалели родителей.

Днем спальные комнаты закрывались на амбарный замок, и мы после уроков и обеда торчали в холодном коридоре, где негде присесть, слонялись из угла в угол. Малыши садились прямо на холодный пол. Игрушек не было. А ненецкие куклы из клювов птиц, привезенные из тундры, на следующий день исчезли бесследно. Девочки постарше учили нас играть в камушки и палочки, загадывать ненецкие загадки, играть в классики.

Меня мало кто обижал, потому что почти во всех классах учились мои старшие двоюродные и троюродные братья и сестры. А многих ребятишек часто обижали, били их сверстники или кто постарше.

Позже, уже повзрослев, я поняла, что дети — очень жестокие существа. И мир ребенка не всегда ясен и понятен взрослым, особенно детей коренной национальности, у которых свои психология, понятия, обычаи, традиции. У воспитателей и учителей были свои проблемы. Основной их задачей было разбудить утром, увести на завтрак, обед и ужин, усадить за приготовление уроков, поскорее сдать нас ночной няне.

В те далекие годы текучесть кадров была настолько велика, что мы не могли как следует запомнить даже имена своих учителей, воспитателей и директоров. Для нас все они были русскими, других наций мы не знали. Однажды

¹ Вэлла — председатель колхоза.

зимой все учителя, воспитатели и многие «старшеклассники» (ученики второго, третьего и четвертого классов) с утра отчего-то начали плакать. Плакали весь день, перешептывались, нам не разрешали шуметь и бегать. Я, будучи «нулевиком», не могла сообразить.

Я не плакала. Время от времени воспитатели и «старшеклассники» собирались у большого черного радио в коридоре, молча стояли и вслушивались в звуки, доносившиеся из черной тарелки. Звучал мужской голос. Некоторые учителя начинали рыдать. Голос из черной тарелки звучал на русском языке.

Лишь много лет спустя я узнала о том, что в тот день, 5 марта 1953 года, умер наш вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин.

Ближе к весне я начинала считать дни, когда закончится учеба и папа заберет меня из интерната. Наконец настал долгожданный день: приехали родители и увезли нас с сестрой в тундру, в родной чум до самой осени. Был май, наступала весна...

Подумайте:

- Почему детям не разрешали ходить в национальной одежде?
- Как вы думаете, почему учительница не смогла ответить на вопрос маленькой ученицы?
- Откуда маленькие девочки могли знать об обрядах?
- Как вы думаете, кому подражала девочка-знахарь?
- Почему электрическую лампочку называли «лампочкой Ильича»?
- Как вы думаете, для всех ли детей интернат казался тюрьмой?
- Действительно ли родители могли быть наказаны за нарушение порядка их детьми?
- Согласны ли вы с тем, что дети очень жестоки?
- Почему учителя и воспитатели плакали, узнав о смерти Сталина?

Глава 5. Языки народов Ямала

§ 1. Что такое языковая семья?

Вы, наверное, слышали, что коренные народы Ямала раньше называли **финно-угорскими народами**. Однако что общего у финнов, живущих на севере Европы, и у отстоящих от них на две тысячи километров к востоку ненцев, у населяющих центр Европы венгров и у ханты?

Такая общность существует. Связывают эти народы языки. Финский лингвист Александр Кастрен и венгерский фольклорист Антал Регули еще в XIX веке выяснили, что языки народов Ямала — ненцев и ханты (прежнее их наименование — самоеды и остяки) — близки по своему строю к финскому и венгерскому языкам. Точнее сказать, они относятся к одной языковой семье, которая в науке лингвистике (языкознании) называется **уральской**. Поэтому позднее закрепилось более правильное наименование — народы уральской языковой семьи. Поясним лишь, что слово «угорский» происходит от слова «югра́ (угра́)» — это древнерусское название группы народов, в древности проживавших на территории, прилегающей к Уральским горам, и говоривших на родственных языках. Их потомками в числе многих других являются современные ханты, манси, коми.

Что же такое языковая семья? Все люди на Земле в чем-то схожи, а в чем-то различны. Есть народы, которые кажутся очень близкими, например русские, украинцы и белорусы. Но что их роднит? Не столько внешность, характер, образ жизни, сколько язык. Русский, украинский и белорусский языки относятся к **группе славянских языков** (в нее входят также польский, чешский, болгарский и ряд других языков). Славянская группа языков, в свою очередь, входит в более широкую языковую общность, которая называется **индоевропейской семьей языков**. Это очень большая семья, включающая в себя как языки

народов Индии, так и языки народов Западной Европы — английский, французский, немецкий и др. Ученые доказали, что существует определенное сходство между русским и английским языками и даже санскритом — литературным языком древних индийцев (например, бог огня в Индии носит имя Агни, слово «мама» похоже звучит в русском, французском, английском, немецком языках). Наблюдается некоторое родство и в грамматическом строе этих языков.

Кроме индоевропейской, на нашей планете есть и другие языковые семьи, например афразийская (афро-азиатская), которая включает в себя языки многих арабских народов и евреев. Эти языки не имеют практически ничего общего с индоевропейскими.

На территории нашей страны на уральских языках говорят ненцы, селькупы, ханты, манси, саами, карелы, вепсы, мордовцы, марийцы, удмурты, коми-зыряне, коми-пермяки и некоторые другие.

Эти языки также не имеют ничего общего с индоевропейскими. Можно сказать, что если между русским и английским языками есть отдаленные черты сходства, то ничего подобного нет между русским и ненецким.

§ 2. В чем специфика уральской семьи языков?

Оригинальность уральских языков заключается прежде всего в грамматике. Слова в этих языках образуются путем **агглютинации**, или, проще говоря, «склеивания». К корню слова один за другим как бы «приклеиваются» суффиксы (но не приставки!), которые и придают слову новое лексическое значение, и заключают в себе определенное грамматическое значение (число, лицо, принадлежность и др.). Таким образом, слово у ненцев и ханты представляет собой нечто вроде поезда, который паровоз-корень тянет за собой. Чтобы сказать по-русски «я пришел», необходимы местоимение и глагол, у ненцев же это будет толь-

ко глагол с соответствующим суффиксом. Если по-русски мы скажем «моя книга» двумя словами, то ненцам и ханты понадобится только существительное с нужным суффиксом. Кажется просто, однако наоборот — в этом сложность уральских языков: если в русском языке нужно знать 12 форм одного слова (6 падежей и 2 числа), то в ненецком этих форм более 200, поскольку в нем есть 7 падежей, 3 числа и притяжательность выражается в самом слове.

Вторая особенность ненецкого языка (в дальнейшем мы будем говорить именно о нем, хотя и у хантыйского языка примерно те же особенности) — это отсутствие категории рода. Стол у ненцев не «он», не «она» и не «оно». Третье лицо предмета вне всякой соотнесенности с признаками пола или с их отсутствием выражается единым местоимением *пыда*.

Зато в ненецком языке есть три числа: единственное, двойственное и множественное. Понятие «два» ненцы передают специальным суффиксом, который присоединяется к корню. Но если речь идет о трех или более предметах, они употребят числительное.

Есть своеобразие и в фонетическом строе ненецкого языка. Соотношение гласных и согласных в нем примерно такое же, как и в русском языке, но есть специфические звонкий и глухой гортанные смычные звуки (они называются одним словом *масер*), очень трудные для воспроизведения представителями других народов, но придающие ненецкому языку неповторимость, подобно тому как особую роль во французском языке играют носовые звуки. Не научившись произносить эти гортанные звуки, вы не сможете как следует говорить по-ненецки, поскольку они в определенных случаях выражают грамматическое значение.

Наконец, синтаксис. Порядок слов в ненецком языке строгий: сказуемое в предложении всегда стоит на последнем месте, определение — перед определяемым словом. Таким образом, пушкинская фраза «Буря мглою небо кроет» построена вполне по-ненецки.

Система глагольных времен как в ненецком, так и в хантыйском языке достаточно проста и схожа с системой времен в русском языке.

Существует мнение, что словарный состав этих языков беден и не включает в себя новейшие технические и научные термины. Действительно, терминологию разных областей знания ненецкий язык заимствует из русского. Но не следует забывать, что в свое время и русский язык «присвоил» огромное количество французских и немецких слов, а в наши дни в нем появилось множество англицизмов и американизмов. Англичане и американцы в свою очередь также заимствовали лексику из латинского, древнегреческого и других языков. Так, слово «компьютер» пришло к нам из английского, но американцы взяли корень этого слова из латыни.

С другой стороны, в тех областях жизни, в которых северные народы преуспели (охота, рыболовство, оленеводство), их словарный запас явно превышает набор русской лексики. Так, в ненецком языке имеется около сорока названий снега и льда, более тридцати обозначений оленя в зависимости от возраста, масти, пола, поведения и производственных функций, множество определений охоты, обусловленных объектом промысла, способом лова и календарными сроками. Очень подробно разработана топонимика, то есть названия рек, болот, сопок и т. п.

Следует отметить, что и ненецкий, и хантыйский языки до начала XX века существовали в устной форме. В середине 30-х годов ученые Института народов Севера разработали алфавиты для этих языков на базе кириллицы и заложили основы письменности, однако работа по нормированию самодийских и финно-угорских языков продолжается по сей день.

Надо сказать, что было бы очень неплохо, проживая среди коренных народов, знать хотя бы минимум слов на их языках. Ниже приводим маленький ненецко-русский словарь, который, может быть, подтолкнет кого-то к изучению этого красивого и своеобразного языка.

Примеры широкоупотребительных ненецких слов

- вы'**¹ — тундра
вэва — плохой
вэнеко — собака
вэсако — 1) старик; 2) муж
еванзадако — милый, дорогой
едэй — новый
ерв — 1) хозяин; 2) начальник
еркар" — 1) род; 2) фамилия
есь — болеть (о каком-либо органе, части тела)
иле(сь) — жить
ири I — 1) дед; 2) дядя
ири II — 1) месяц (светило); 2) месяц (отрезок времени)
лакамбой' — до свидания
лата — широкий
лахана(сь) — говорить, разговаривать
луца — русский
луца' вадавна — по-русски, на русском языке
луца" — русские
мальця — малица
манзара(сь) — работать
мань — я
маня" — мы (многие)
мар" — город
мась — хватит, довольно, будет
мерця — ветер
минзь — идти, передвигаться
мо"на(сь) — упасть
мэне(сь) — любить
мэсь — быть, находиться
мэць — иметь, владеть
мякана — дома
мя" — чум
не — женщина

¹ Буква ' обозначает звонкий гортанный смычный звук, а буква " — глухой.

небя — мать, мама
ненэй — ненецкий
ненэй не — ненка
ненэй ненэць' — ненец
ненэць' — человек
ненэця' — ненецкий
ненэця' вадавна — по-ненецки, на ненецком языке
ненэця" — ненцы
ни — нет
нум' — погода
ня — друг
нянь — хлеб
ня"ма(сь) — взять
њаа' — да
наворць — есть, кушать
нарка — большой
нацеки — 1) ребенок; 2) детский; 3) молодой
нока — много
нэдалё(сь) — ехать налегке
нэсь — быть, находиться
нэця — отец, папа
пухуця — 1) старуха; 2) жена
пыда — он, она, оно
пыдар — ты
пыдара" — вы (многие)
пэдара — лес
пя — 1) дерево; 2) палка
сава — 1) хороший; 2) хорошо
сармик — 1) зверь; 2) волк
сыра — 1) снег; 2) зима
сырць — смотреть
сяйнзь — пить чай
сян — сколько
тара — надо, нужно
тарем' — так
торово — здравствуй, здравствуйте
ту — огонь
ты — олень
тынзя' — аркан

тюр — хорей (*шесть для управления оленьей упряжкой*)
тям' — на (*возьми*)
хада — бабушка
хада(сь) — убить, добыть
халя — рыба
хамэда(сь) — понять
хан — нарта
ханзер" — как
ханяна — где
ханя' — куда
хар — нож
харва(сь) — хотеть
хард, харад — дом
хасава — 1) мужчина; 2) муж
юн — весть, новость
я — 1) земля; 2) страна
яңгу — нет
яңгумзь — умереть, скончаться
яха — река

По определению известного русского критика и поэта XIX века П. А. Вяземского:

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной...

Прочитайте стихотворение ненецкого поэта Л. Лапцуя, посвященное родному языку, и скажите, как в нем подтверждается мысль П. А. Вяземского.

Язык ненцев

Язык наш веками отточен,
Как дедовский нож на бруске,
Язык наш без промаха точен,
Как пика в умелой руке.
Всему — и бушующей вьюге,
И нартам, и травам, и мхам,
Оленям, бегущим в испуге,

Песцам, облакам и мехам —
Всему, что есть доброго, злого,
Названьем — родимое слово.
Язык наш суров и не пышен,
И нет в нем прекраснее слов,
Чем эти, что с детства мы слышим:
Пастух, рыболов, зверолов.
Три слова — рассказ о народе,
Что выжил в студеном краю,
Три слова скажу лишь, а вроде
Как целую песню спою,
Язык наш веками отточен,
Язык наш без промаха точен!
Таков он и в сказках Ямала,
В которых сквозь посвист веков
Проходит удачливый малый —
Пастух, рыболов, зверолов.
Как будто по камешкам редким
Струится прозрачный родник,
И речь его — речь наших предков,
И к ней я устами приник.

Перевод В. Афанасьева

Язык открывает огромные возможности для выражения мыслей, но эти возможности нужно видеть, ими нужно уметь пользоваться. Вместе с тем язык открывает простор для творчества. Именно поэтому талантливые писатели пишут интересно, а посредственные — нет. Чтобы успешно пользоваться языком как средством искусства, нужны обширные знания и постоянное стремление совершенствовать свое «ремесло».

Подумайте:

- Знаете ли вы библейскую легенду о Вавилонском столпотворении? Каков ее смысл?
- Назовите языковые семьи, о которых вы узнали.
- Назовите народы, которые говорят на уральских языках.

- Объясните, почему ненцев и ханты иногда называют финно-угорскими народами. Вполне ли это правильно с научной точки зрения?

- Как называется ветвь уральской языковой семьи, к которой относится ненецкий язык? Какие языки, родственные ненецкому, вы знаете? Где живут говорящие на них народы?

- Почему языки уральской семьи называют агглютинативными?

- Сколько форм одного слова надо знать в ненецком языке, учитывая, что в нем три числа, семь падежей и что притяжательность выражают специальные суффиксы?

- Как вы считаете, использование иностранных слов в том или ином языке — это хорошо или плохо?

- Сможет ли ненецкий язык выдержать конкуренцию с русским? В каких областях жизни? Что для этого необходимо делать? Может быть, есть смысл перейти на единый мировой язык?

- Вспомните ненецкие слова, которые вы знаете.

- Объясните значение слов «Салехард» и «Ямал».

- С чем сравнивает Л. Лапцуй родной язык?

- Какие три слова, по мнению поэта, содержат целый рассказ о его народе?

**Глава 6. Романтизм в литературе
народов Ямала**

**§ 1. Понятие о литературном методе
и направлении (романтизм, реализм,
модернизм)**

Писатели, художники, скульпторы, создавая в своих произведениях вымышленный, или, как теперь говорят, виртуальный мир, могут делать это по-разному. В искусствоведении систему способов, приемов художественного отображения действительности принято называть художественным методом. Совокупность создаваемых в рамках этого метода (то есть по определенным канонам) произведений искусства образует художественное направление. Таких направлений в искусстве много (барокко, классицизм, сентиментализм, символизм, реализм и др.), однако самыми важными для нас в начале XXI века являются романтизм, реализм и модернизм.

Чтобы лучше понять, что такое художественный метод, следует задуматься над следующим: один и тот же предмет можно изобразить на полотне либо несколько лучше, чем он есть на самом деле, либо предельно точно, со всеми подробностями, либо скомпонованным из отдельных фрагментов, либо в необычном ракурсе (например, показать человека не анфас или в профиль, а в проекции сверху). В первом случае это будет романтический подход к действительности, во втором — реалистический, в третьем и четвертом — модернистский.

Подумайте:

- Возможна ли в искусстве и литературе абсолютная точность в передаче изображаемого объекта? Нужна ли она?

- Можно ли сказать, что писатели-реалисты (например, Лев Толстой) абсолютно объективны и правдивы в изображении действительности?

- Видели ли вы кубистские картины Пабло Пикассо? Как вы относитесь к такому способу изображения действительности?

- Можно ли назвать художника реалистом, если он доподлинно изображает на картине приснившийся ему фантастический сон?

§ 2. Романтизм

Если художник стремится в своем творении показать мир таким, каким он хотел бы его видеть, изобразить героев безупречными, идеальными, цельными как в добре, так и в зле, то его принято называть романтиком. О нем говорят, что он видит мир «через призму своего сердца» (слова В. Жуковского), то есть для него важнее свой, субъективный взгляд на мир, чем реальные, объективные закономерности, он чувствует жизнь сердцем и не хочет понимать ее умом. Романтики далеки от прозы жизни, они сознательно исключают ее из своих произведений и нередко создают на ее месте фантастический, сказочный мир. Для романтиков важнее нечто необычное, особенное, нежели типичное. Французская писательница Жорж Санд говорила о художественном творчестве так: «Искусство не есть изображение реальной действительности, а есть искание идеальной правды».

Романтики любят показывать контрасты, резко разграничивают добро и зло. Их интересует героическое историческое прошлое народов, поскольку в памяти людей чаще всего остается исключительное, выдающееся, а случайные, мелкие, прозаические детали ступшеваются — такова уж человеческая психоло-

гия. Из истории пришло и название данного направления в искусстве: романтическое — это написанное на романских языках, на которых народы Западной Европы говорили в Средние века, то есть в далеком прошлом, в эпоху рыцарей и трубадуров.

Романтики также очень любят показывать в своих произведениях экзотические, далекие страны и народы, поскольку издавна они кажутся им более привлекательными, чем тот мир, в котором мы живем. Еще одна излюбленная тема романтиков — это природа, которая представляется им гармоничной и лишенной тех недостатков, которые присущи миру людей. Романтики сознательно противопоставляют природу и техническую цивилизацию, приносящую, по их мнению, больше вреда, чем пользы.

Соответственно и стиль, манера письма романтиков отражает их идейные установки. Для романтических произведений характерны пафос, возвышенный стиль речи, запутанная интрига и замысловатый сюжет, обширные лирические отступления автора, обилие тропов¹. Не случайно исповедующие романтизм предпочитали поэтические жанры.

Романтиками были Дж. Байрон, В. Гюго, Ф. Купер, В. Жуковский. Великие русские поэты А. Пушкин и М. Лермонтов также отдали дань романтизму в своем творчестве.

Романтизм как художественное направление в литературе возник в начале XIX века. Приверженцы этого метода очень много сделали для развития мировой культуры, первыми обратили внимание на удивительный мир народных сказок, легенд, преданий, они стали собирать и обрабатывать фольклор. В Германии братья Гримм издали замечательное собрание немецких народных сказок. В России общеизвестен сборник русских народных сказок А. Афанасьева. Опираясь на фольклор, А. Пушкин создал настоящие поэтические шедевры: «Сказка о золотом пе-

¹ **Троп** — слово или оборот речи, употребленные в переносном значении.

тушке», «Сказка о царе Салтане...» и др., П. Ершов написал своего знаменитого «Конька-Горбунка», а П. Гнедич познакомил русских людей со всемирно известной «Илиадой».

В настоящее время многие деятели культуры, в том числе и на Ямале, собирают, обрабатывают и издают произведения фольклора северных народов. К их числу относится хантыйский поэт Р. Ругин, ненецкая писательница А. Неркаги и др. В своих оригинальных произведениях писатели Севера продолжают традиции романтизма, обращаясь к проблемам экологии. Трепетно относясь к природе, они не доверяют технической цивилизации, которая наносит большой ущерб северным окраинам России.

Предлагаем вам стихотворение и сказку Р. Ругина, написанные в романтическом ключе.

Подумайте:

- Когда появилось литературное направление романтизм?
- Почему это направление получило такое название?
- Назовите великих русских и зарубежных писателей-романтиков.
- Почему романтики в своих произведениях показывают явления необычные, фантастические, экзотические, рисуют характеры не типические, а исключительные?
- Что нового внесли романтики в мировую литературу?
- Вспомните романтические стихотворения А. Пушкина и М. Лермонтова.
- Назовите характерные черты стиля романтиков.
- Назовите имена российских и зарубежных ученых и писателей, которые занимались и занимаются сбором и изучением фольклора.

*Роман Прокопьевич
Ругин*

Роман Ругин

Ветер задует — река гневна,
Страшно тогда на нее смотреть,
Гривастые волны гонит она
Разбиться о берег и умереть.

Крупные брызги тверды, как дробь,
Вздымаются из-под пластов пласты.
Ты ли это, матушка-Обь,
Щедрая, добрая — это ль ты?

Река темнеет — ее лицо
Становится черным, как дно котла,
А ветер бушует, скрутясь в кольцо,
И все грозит разнести дотла.

Как спины чудищ, там посреди
Волны фарватерные страшны.
Тот, кто неопытен, погоди
Испытывать норы обской волны.

Не то что лодке — и кораблю
Иному худо пришлось бы тут...
А я ее и такой люблю —
Пусть волны ярятся, пусть ветер лют.

Ее не раз я одолевал,
Не раз сшибался с ней грудь на грудь,
Не раз в поединке с ней познавал
Ее характер. И свой чуть-чуть...

Подумайте:

- По каким признакам мы можем отнести это стихотворение к литературному направлению романтизм?
- Вспомните похожие стихотворения русских поэтов.
- Найдите в стихотворении противопоставление.
- Найдите в стихотворении характерные для романтизма гиперболы, сравнения, эпитеты.

Роман Ругин

Княжич Тавет

Сказка

1.

Народом дальним и давно
Богатый правил князь.
Одним лишь ухом слышал он.
Хромым к тому же был.
Он столько воинов имел,
Что если собирал,
Считал почти неделю их
И сосчитать не мог.
Три сына было у него:
Опунь. Калой. Тавет.
Охоту все любили так —
С утра смотрели в лес.
И каждый — лук любимый свой
Из рук не выпускал.

А князь тем временем старел.
Седым стал их отец.

2.

Однажды встретился в лесу
Трем братьям лось-рогач.
И каждый — выпустил стрелу.
Попали стрелы в цель.
Но, истекая кровью, лось
Умчался далеко.
Не удалось догнать его.
Пришлось заночевать.
Наутро снова по следам
Отправились они,
Следы к поляне привели,
Где лось окончил путь.
Но оказалось: раньше их
Медведица пришла.
Да не одна — и медвежат
Увидели они.
За лук схватился старший брат,
Схватился средний брат.
А младший брат сказал:
— Не дам
В медведицу стрелять!
Меня убейте лучше вы!
Без матери куда ж
Детишки малые пойдут!
Они погибнут все!
Медведице же крикнул:
— Прочь!
Спасайся поскорей!
И братья плюнули, сказав:
— Ну и охотник ты!
Безмозглый, больше никогда
Тебя мы не возьмем!
Не медля, сели на коней
Да поскакали прочь.

Вслед братьям посмотрел Тавет.
Хоть взгляд и был угрюм,
Но было радостно ему:
Медведица спаслась!
Усталый, сел он отдохнуть
И долго отдыхал.
Потом в лесу услышал треск:
Медведица пришла.
Она, из пасти вырвав клык,
От боли рык издав,
На пне, что был подернут мхом,
Оставила его.
Когтистой лапой помахав,
Простилась и ушла.
Тавет подумал:
«Для чего
Так сделала она?»
И только он подумал так —
Густой ветвистый лес
Порасступился будто вдруг
До самой глубины.
А по дорожке, что легла
Ковром оленьих шкур,
Лесная дева подошла —
Красавица Мошнэ.
В собольей шапке дорогой,
В узорчатых кисах.
Из горностая шуба ей
По красоте равна.
Глаза ее, как две звезды,
Мерцают добротой.
А брови были так черны,
Что лес от них темнел.
Сказала звонким голосом
Красавица Мошнэ:
— За доброту твою тебе
Оставлен этот клык.
Когда настанет тяжкий день,

Ты вспомни лишь о нем —
И мысли верные тогда,
Как птицы, прилетят.
Слова такие от нее
Услышал младший брат.
А вслед — раздался громкий рев
Медведицы в лесу.
Вскочил Тавет, взглянул вокруг,
Увидел:
День прошел.
Арканы солнечных лучей
Касаются вершин.
Уходит солнце до утра
В загадочную даль.
И, как оленья стадо, лес
Уводит за собой.
Он дырку провертел в клыке
И привязал к ремню.
Сел поудобней на коня,
Отправился домой.

4.

Когда однажды, день точа
Блестящим оселком,
Еще всходило солнце —
Князь
Позвал трех сыновей.
Он разговор повел о том,
Что множество земель
К владеньям присоединил,
Могуч стал и богат.
Сказал:
— Я знаю, как живут
Почти во всех краях.
И лишь о северной земле
Не знаю ничего.
Немало раз я снаряжал
На север корабли.

Не возвратился ни один,
Пропали где-то все.
А может, к лучшим землям путь
Нащупали они:
Остались люди в тех краях,
Забыли обо мне?!
Хочу, чтоб кто-нибудь из вас
Теперь поплыл туда.
Когда вернется он —
Ему
Владенья передам.
И старший брат, и средний брат
Сказали сразу:
— Я...
А младший брат не стал спешить,
Ни слова не сказал.
— Пусть первым едет старший сын, —
Сказал, подумав, князь. —
Ему давно уже пора
Опасности познать.

5.

Семь раз рождалась в небесах
Блестящая луна,
И даже выводки утят
Поднялись на крыло.
А старший сын вестей не шлет.
Отчалил — и пропал.
Второго сына князь тогда
Послал в далекий путь.
И снова стал с надеждой ждать,
Поглядывать в окно.
На берегу реки стоял,
Подолгу глядя вдаль.
Но, хоть давно прошла зима,
Давно прошла весна,
От сына среднего вестей
До князя не дошло.

6.

И вот однажды на заре,
В час,
Когда солнце грудь земли
Лучами гладило,
Позвал
Тавета старый князь.
Он сыну младшему сказал:
— Вестей от братьев нет.
За это время дажемышь
Вернулась бы назад.
А я совсем уже ослаб.
И мне давно пора
Свои владенья передать
Кому-нибудь из вас.
Но раз решил я — отступить
От слова не могу.
Пришла пора, сынок, тебе
Удачу поискать.
Тавет потер ладонью лоб,
На солнце посмотрел.
Промолвил:
— Три недели дай.
Собраться должен я.
Подумать должен хорошо,
Как ехать мне и с чем:
Ведь если сразу ошибусь,
Могу в пути пропасть.

7.

Неделя первая прошла
Впустую у него.
И за вторую не сумел
Придумать ничего.
Уже отчаявшись почти,
Вдруг вспомнил перед сном
О том клыке, что вырван был
Медведицей в лесу.
И обратился он к нему:

— Бесценный талисман,
Навей ты мысли, что должны
Помочь мне все решить!..
Уснул он крепко. Утром встал,
Сказал отцу Тавет:
— Сто лучших воинов мне дай
И досок тридцать куч.
Еще ты пороха вели
Бочонков тридцать дать.
И княженики сока мне
Бочонков тридцать дай.
Все погрузили на корабль.
Надулись паруса,
И берега родной земли
Пропали вдалеке.

8.

Они так плыли семь недель.
В начале же восьмой —
Поднялось пламя впереди
Из пенящихся волн.
Вскричали воины:
— Беда,
Спасаться надо нам!
Назад скорее повернем,
Пока свободен путь!
Вгляделся княжич и сказал:
— Не пламя впереди—
Чудовища сверкают там
Горящие глаза.
Оно все реки без конца
В свою вливает пасть.
В каюты прячьтесь поскорей,
Закройтесь на засов!

9.

Болтало так и сяк корабль,
Как щепку, в пасть несло.
Упал в желудок темный он:
Ни солнца там, ни звезд.

Раздался чей-то слабый стон.
При пламени лучин
Они увидели:
Вокруг —
Обломки кораблей.
Среди обломков и костей
Заметил княжич там
Любимых братьев дорогих
Узорные кисты.
Заныло сердце у него,
По телу дрожь прошла.
Соломой чахлой на ветру
Колени затряслись.
А тут еще, возникнув вдруг,
Готовые сожрать,
Три тени бросились к нему
Людей едва живых.
Отбился княжич кое-как
И крикнул поварам:
— Все лучшее несите им.
Пусть поедят они!

10.

Желудок чудища Тавет,
Как мог, порассмотрел.
Напоминал пещеру он,
Которой нет конца.
Сказал Тавет:
— Остаться здесь
Нельзя, конечно, нам:
Погибнем скоро без еды,
Погибнем без воды.
Нам надо выбраться.
Но — как?!

Пещеру ни за что
Не прорубить, не пропилить...
А выйти мы должны.
Он долго думал, но не смог
Придумать, как им быть.

Лишь ощутил, что страх узду
Набросил на него.
О талисмане вспомнил он.
И талисман помог.
Понятно стало, как спастись
Из этой западни.
Сказал он воинам своим:
— Спасенья вижу путь.
Возьмите семь бочонков тех,
Где лучший порох есть.
На расстоянье трех бросков
Аркана — ставьте в ряд.
В каюты спрячьтесь, двери их
Закройте на засов.
Заткните уши поплотней,
Сидите там, пока
Не позову я громко вас
На палубу взойти.
Мгновенно воины его
Исполнили приказ.
Быстрее, чем мог бы горноста́й,
Шмыгнули — кто куда.
А княжич пушку зарядил
И клеем осетра
Себе заклеил уши так,
Чтоб звук не проникал.
Потом же к мачте подошел,
Себя к ней прикрутил.
Зажег фитиль. В бочонки он
Прицелился, попал.
Так гроыхнуло, будто вдруг
Мир превратился в пыль.
Оглохли все. Сознанья все
Лишились в этот миг.
Очнулся первым княжич, глядь —
Сияет белый день.
Резвятся волны у бортов,
Надулись паруса.
И море синее кругом,

Безбрежное лежит.
Он крикнул воинов.
Они
На палубу взошли.

11.

Три раза радуга дугой
Вставала впереди.
Три раза долгие дожди
Туманили их путь.
Потом же, словно осетра
Корявая спина,
Лес показался вдалеке
И берег вместе с ним.
Когда приблизились они
К неведомой земле,
Спустили якорь в глубину.
Три лодки с корабля
И тридцать воинов с собой
На берег взял Тавет.
На берегу нашли они
Громадные следы.
Был каждый — словно рук размах.
А в лес густой вела
Дорога ширины такой,
Как пастуха хорей.
И страх почувствовали все.
И облепили враз
Тавета воины его,
Как будто комары.
Тавет отер холодный пот,
Велел им поскорей
Весь княженичный сок везти
На берег с корабля.
И только трубку он успел
Немного раскурить —
Бочонки все до одного
Доставили ему.
На плечи семь бочонков взяв

И луки прихватив,
Они пошли дорогой той,
Что в лес густой вела.
В молчанье воины брели
За княжичем своим,
Травинки малой не сорвав
И ветки не сломив.
Лишь тетива лосиных жил
Звенела в такт шагам —
Готовы были стрелы с них
Сорваться в миг любой.
Так три пригорка перешли.
К поляне вывел путь.
Они увидели:
На ней
Костей полным-полно.
От крови красною была
Поляны той трава.
А на поляне дом стоял
Огромной высоты.
Он в семь сажений дверь имел,
Ни одного окна.
Дубина весом в семь пудов
Лежала у стены.
Была дубина вся в крови.
На это посмотрев,
Поникли воины, лицом
Белее снега став.
Назад взглянули, где стоял
Спасительный корабль.
В ладонях луки сжали так,
Что пальцы затекли.

12.

А в это время вдалеке
Раздался свист глухой.
Деревья закачались вдруг
И вздрогнула земля.
Едва успели в дом вбежать,

Как великан лесной
Явился к дому своему,
Переступил порог.
Огромный, с лиственницу, он
Был кряжист, словно кедр.
Из жил корней кедровых он
Себе одежду сплел.
И из кармана, что он сшил
Из бычьей шкуры сам,
Торчала сломанная кость
Лосиного бедра.
Захохотал, разинув рот,
Довольный людоед:
— Еды немало у меня,
Сама ко мне пришла.
Разбросив косы по плечам,
Он закричал, гордясь:
— Я сын чудовища морей,
Непобедимый сын!
Потом он пальцами схватил
Трех воинов и съел,—
Они исчезли, как мальки,
В его зубастом рту.
А остальные в уголок
Прижались поскорей,
Как будто мыши от кота
Попрытались они.
И княжич тоже задрожал,
Почти пал духом он.
Но вспомнил тут же о клыке,
В ладони сжал его.
Смягчился сразу великан
И даже отступил.
Сказал тогда ему Тавет,
Стараясь угодить:
— Тебе подвластны лес, вода
И солнце в вышине.
Мы, по сравнению с тобой,
Сухие стружки лишь.

Но мы в подарок привезли
Тебе чудесный сок.
Его попробуешь когда —
Не оторвешься ты.
Бочонок поднял великан,
Ко рту поднес его.
Сказал:
— Такого сока я
Не пробовал еще.
Бочонки опорожнил он,
Лосятины поел.
Сел на бревно, погладил грудь,
Зевнул да и заснул.
А после — на пол рухнул вдруг,
Закрыв всем телом дверь.
Так стал храпеть,
Как будто гром
Небесный загремел.
Подумал княжич:
«Как же быть?
Через него полезть?
А вдруг проснется великан?
Прихлопнет сразу всех».
Увидел в крыше он дыру.
Прикинул: до нее
Саженой десять... Крыльев нет
Взлететь в такую высь.
Но вдруг придумал, как им быть,
И воинам сказал:
— Снимите с луков тетиву,
Сплетите поскорей.
Когда сплели — он тот аркан
Метнул, прицелясь, ввысь.
За выступ крыши зацепил
И затянул петлю.
Шепнул он:
— Первым влезу я,
На крышу поднимусь.
А вслед за мной влезайте вы,

Пока злодей храпит.
Поднялся белкою Тавет,
А воины за ним,
Как шишки кедра, вниз они
Посыпались с угла.
Быстрее оленей понеслись
Туда, где берег был.
Так мчались — ветви по щекам
Хлестали их вовсю.
Едва на лодках подгребли,
Подняли паруса —
Свирепым криком великан
Лес огласил вокруг.
Он в семь прыжков преодолел
До моря долгий путь.
Смеясь, дубину поднял он,
Вскружил над головой.
Казалось, даже облака
Злодей разворошил.
Дубину бросил —
Жуткий свист
Над волнами возник.
Дубина мачты все снесла,
Прошла над кораблем.
Увидев это, великан
Взъяренно завопил.
Он стал деревья вырывать,
Швырять их без конца.
Но до кормы ни одного
Добросить не сумел.
Тогда рванулся в море он,
Шагнул десяток раз,
Достиг бездонной глубины
И дальше не пошел.

13.

Тавет же воинам велел
Корабль починить,
Поставить мачты,

Паруса
Покрепче натянуть.
И было выполнено все,
Что княжич повелел.
А великан то хохотал,
То с берега кричал:
— Путь все равно прервется ваш!
Чудовища глубин,
Любимой матери моей,
Никто не миновал!
— Пусть покричит,— сказал Тавет,—
А мы пока скуем
Надежно-прочные замки
Да цепи к тем замкам.
Когда же голос поутих,
Не слышен стал совсем,
Велел Тавет к земле подплыть,
Остановиться там.
Подплыли:
Шевелит прибой
Пустых бочонков ряд.
А возле моря, на песке,
Спит страшный великан.
Не медля, цепи привезли,
Опутали его.
Замкнули цепи на замки,
Втащили на корабль.
Раздулись, словно облака,
Тугие паруса,
И по волнам помчался вдаль
Корабль от земли.
Зашевелился людоед,
Стал княжича просить,
Чтоб отпустил его, а он
Людей не будет есть.
На это княжич так сказал:
— Когда вернемся мы,
Отец рассудит и решит,
Как поступить с тобой.

За три недели ничего
Не встретили они.
А на четвертой —
Остров им
Дорогу преградил.
Пожал плечами капитан,
Промолвил:
— Никогда
Его я раньше не встречал.
Откуда взялся он?
Пристали к острову.
Тавет
На скалы посмотрел,
Сошедшим с корабля сказал:
— Не остров это, нет.
Он — челюсть чудища, что нас
Глотало по пути.
Эх, как бы зуб нам отколоть
И увезти с собой.
Велел он семь бочонков взять,
Где порох был еще.
Их меж больших зубов сложить
И выстрелить по ним.
Арканом взвился черный дым,
Раздался гулкий взрыв.
Два зуба взрывом разнесло
На мелкие куски.
Один кусок едва смогли
На палубу втащить.
Увидел это великан —
Заплакал, зарыдал.
А княжич радостно сказал:
— Морской свободен путь.
Опасность больше не грозит
Плывущим кораблям.

Как бы в ладонях ветер сжав,
 Надулись паруса.
 Как белый лебедь, полетел
 Корабль по гребням волн.
 Он тридцать дней, ночей летел
 И мест родных достиг.
 На берегу стоял народ.
 Встречал корабль князь.
 Тавет склонился перед ним,
 Сказал:
 — На корабле
 Причины гибели людей
 И братьев дорогих.
 Взглянул сурово старый князь,
 Подумав, повелел
 К осколку зуба приковать
 Лежащего в цепях.
 Чтоб не воскресло больше зло,
 Подальше отвезти,
 В пучине моря утопить
 На вечные века.
 А сына обнял старый князь,
 Поцеловал его
 И передал ему свои
 Владенья навсегда.

* * *

Снегов немало и дождей
 С тех давних лет прошло.
 Немало бурь, немало гроз
 Промчалось над землей.
 Но о Тавете до сих пор
 Народная молва
 Не умолкает в тех местах,
 Где он когда-то жил.
 И каждый хант медвежий клык
 Хранит как талисман,

Всем сердцем верит в то, что он
Его спасет от зла.
И хочет он, чтоб рядом с ним
Жил умный зверь медведь
И утверждалось бы всегда
Во все века Добро.

Подумайте:

- Что свидетельствует о том, что эта сказка литературная, а не фольклорная?
- Какие реалии в сказке Р. Ругина не характерны для фольклора вообще, а для сказок северных народов в особенности?
- Какие элементы сказки Р. Ругина присутствуют в сказочном фольклоре всех стран мира?
- Какое произведение мировой литературы в первую очередь вспоминается при чтении сказки «Княжич Тавет»?
- Как звали великана в этом произведении и каким образом его обманул человек? Как звали этого человека?
- Какая сказка великого русского поэта имеет определенное сходство со сказкой Р. Ругина?
- В каком великом произведении присутствует эпизод с пребыванием людей в чреве огромной рыбы?
- В каком еще произведении люди опутывают спящего великана? Как звали этих персонажей и кто автор этого произведения?
- Какой еще литературный персонаж затыкал себе уши воском и приказывал привязать себя к мачте? Зачем это было нужно?

Глава 7. Утопия и антиутопия в литературе Ямала

§ 1. Понятие об утопии и антиутопии

Нередко в нашей обыденной жизни мы используем слово «утопия» для обозначения чего-то несбыточного, какого-либо нереализуемого проекта, фантастической идеи. Например, сделать всех людей богатыми и счастливыми — это утопический проект. Учиться всем только на «пятерки» — также утопия.

Однако понятие **утопия** имеет гораздо более глубокий исторический, психологический, социальный и литературный смысл.

Само слово «утопия» в переводе с греческого означает «место, которого нет», или же, по другой версии, — «место, где хорошо». В широкий обиход его ввел английский философ и писатель XVI века Томас Мор, опубликовавший роман под названием «Утопия». В этой книге он описал фантастическую страну, в которой все люди сыты, одеты, все работают, живут и отдыхают в одинаковых условиях, где нет денег, а из золота делают ночные горшки.

Но еще задолго до Т. Мора люди мечтали о счастье. Народ выражал свое представление о безбедном существовании в сказках (вспомним хотя бы русскую сказку о «молочных реках и кисельных берегах»), религия обещала блаженство в загробной жизни, в мифах разных народов сохранилось представление о «золотом веке», будто бы существовавшем в далеком прошлом. Поэтому утопией нередко называют еще и мечту о счастье.

В строго литературоведческом и философском понимании **утопия** — это лишенный научного обоснования вымышленный социальный проект устройства счастливого и справедливого общества. В таком обществе все рационально продумано, устранены такие его недостатки, как частная собственность, индивидуализм, стремление человека к накопительству,

эксплуатация, неравенство. Но за право быть членом этого общества человек должен пожертвовать личными пристрастиями, подчиниться установленным правилам, отказаться от свободы самостоятельно решать свою судьбу.

Мечта о справедливом устройстве жизни и всеобщем счастье волновала человечество во все времена. В XVI веке итальянский монах Томмазо Кампанелла написал свою знаменитую утопию «Город Солнца». В этом идеальном государстве граждане обеспечены всем необходимым, царит абсолютное равенство, потребности людей учтены до мелочей. Даже браки там заключаются по рекомендации опытных врачей, с тем чтобы у утопийцев рождались здоровые и умные дети.

Особенно много утопий появилось в XIX веке, когда выдающиеся мыслители пытались разработать научные теории, в основе которых опять-таки лежала идея создания идеального общества. Это теории утопического социализма Сен Симона, Шарля Фурье, Роберта Оуэна, учение о научном коммунизме Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Увлеченные мечтой о социальной справедливости, мастера художественного слова публиковали художественные произведения о добровольных содружествах людей, которые пытались построить счастье на небольшом участке суши (чаще всего на острове) и тем самым показать пример всему остальному человечеству. Таков, в частности, роман Жюль Верна «Таинственный остров». Русский писатель Н. Чернышевский одну из частей своего знаменитого романа «Что делать?» посвятил рассказу об утопическом проекте («Четвертый сон Веры Павловны»).

Однако дальше написания книг дело построения «счастливого» общества никак не продвигалось. Правда, попытки были. Так, в середине XIX века в США группа романтически настроенных молодых людей организовала колонию Брук-Фарм. В колонии все работали, все получали равное вознаграждение

за труд, вместе отдыхали и повышали свой культурный уровень. Но эта коммуна не выдержала конкуренции с простыми фермерскими хозяйствами и разорилась. Проводились подобные эксперименты и в России (об этом говорится в романе Н. Чернышевского «Что делать?»), но с тем же плачевным результатом. Отсюда вытекает и еще одно определение утопии — попытка воплотить в жизнь проект идеального общества.

Тем не менее сторонники утопий не оставляли мечту об образцовом государстве. В конце XIX века огромную популярность в Европе приобрело социалистическое учение, в котором было немало позитивных установок, заимствованных у утопистов прошлого. (В настоящее время некоторые страны, в частности, Швеция, реализовали их в своем общественном устройстве.)

Доведенная до крайности социалистическая теория (она получила название коммунизм) привела к трагическим событиям 1917 года в России. Попытка построить счастливое общество в огромной стране не увенчалась успехом и рухнула в 1991 году (смотри учебник новейшей истории).

Еще до свершения революции в России наиболее проницательные мыслители поняли, что в таких проектах есть некий органический недостаток, который и не позволяет воплотить их в жизнь. Появились художественные произведения, в которых разоблачалась несостоятельность утопий, — этот жанр получил название **антиутопии**. Первую великую антиутопию создал русский писатель Е. Замятин — это роман «Мы». Затем были опубликованы известные антиутопии английских писателей Олдоса Хаксли («О, дивный, новый мир») и Джорджа Оруэлла («Звероферма» и «1984»). Эти книги сейчас можно прочитать, они увлекательны и многое объясняют в несообразностях нашей жизни.

В чем же коренной недостаток утопий? Почему невозможно построить счастливое общество, в котором

все люди будут жить достойной жизнью, в котором не будет несправедливости?

Над этим вопросом думают философы, социологи, психологи, писатели. Самый общий ответ, видимо, будет заключаться в следующем.

Идеальное общество невозможно, потому что человек устроен так странно, что иногда ему не хочется быть счастливым.

Потому что все мы очень разные, так же, как и наши представления о счастье.

Потому что многие не хотят жертвовать своей свободой ради всеобщего счастья. А ведь именно это является главным принципом всех утопий — каждый должен отказаться от части своих прав во имя процветания всех.

Потому что человек эгоистичен по своей природе. Свой дом, своя жена, свой ребенок ему всегда будут дороже интересов коллектива. Это, кстати, хорошо понимали авторы утопий — почти во всех их проектах семье нет места в счастливом обществе.

Потому также, что человеку свойственно влюбляться, а в этом состоянии ему, кроме своей возлюбленной (возлюбленного), ни до кого нет дела. Осознавая возможные осложнения, обусловленные человеческой природой, социалисты-утописты склонны «отменить» индивидуальную любовь, ввести строго контролируемый брак и регуляцию рождаемости.

Наконец, потому что утопия предполагает полное равенство, а значит, отсутствие какого-либо поощрения отдельному человеку за более производительный труд. А отсутствие стимула порождает застой во всех сферах жизни.

Все вышеперечисленное было хорошо известно авторам утопий. Однако, увлеченные идеей социального преобразования, ради осуществления своих проектов они готовы были изменить естественные человеческие свойства, создать «нового» человека и насильно «затащить его в счастье».

Исследователей утопического сознания давно интересует вопрос о предпосылках утопии, то есть о тех условиях, при которых было бы возможно осуществление утопического проекта. Американский исследователь Ч. Уолш насчитывает девять таких предпосылок:

1. Человек по природе своей добр, а имеющиеся у него недостатки — лишь результат неблагоприятных условий жизни.

2. Человек чрезвычайно пластичен и в изменяющихся условиях легко меняется сам.

3. Нет какого-либо неустранимого противоречия между благом индивида и благом общества.

4. Человек — существо разумное и способное становиться все более разумным, поэтому можно устранить все противоречия общественной жизни и установить рациональный порядок.

5. В будущем имеется ограниченное число возможностей, которые полностью поддаются предвидению.

6. Возможно обеспечить человеку счастье на земле.

7. Люди не могут пресытиться счастьем.

8. Возможно найти справедливых и мудрых правителей.

9. Утопия не угрожает человеческой свободе.

Предлагаем вам подумать, можно ли, опираясь на вышеперечисленные предпосылки, построить социально справедливое общество.

Теории утопистов не представляли бы большой беды, если бы оставались только на бумаге. Более того, в определенной степени они даже помогали человеку переносить трудности, вселяли веру в то, что его пребывание в этом мире рано или поздно станет лучше. В XX веке появились политические лидеры, которые решили воплотить утопические проекты в жизнь. Но парадокс истории заключается в том, что прекрасные идеи на деле оборачиваются самым жестоким насилием. Именно это произошло в Советском

Союзе, когда обладающий неограниченной властью Сталин счел возможным пожертвовать жизнью десятков миллионов человек ради счастья всех остальных. В результате не получилось счастья ни для кого, а схлынувший энтузиазм обнажил страшный Архипелаг ГУЛАГ (смотри учебник отечественной истории XX века).

Идеи построения нового, прекрасного мира были очень популярны в нашей стране в начале 1920-х годов. Значительная часть молодежи и многие взрослые люди всерьез восприняли призывы большевиков к борьбе за всеобщее счастье. Это внушала и коммунистическая пропаганда. Мечта о равенстве, братстве, справедливости всегда увлекала людей. Даже в наше время есть люди, верящие в то, что возможно построить общество на таких основах. Действительно, нам следует стремиться постепенно внедрять эти принципы в жизнь, но в той мере, в какой позволяют экономические и социальные условия. Однако полного равенства, абсолютной справедливости достичь невозможно — хотя бы потому, что все мы очень разные, у нас разные способности и потребности, таланты и возможности.

Проблемам социальной утопии посвящен роман «Живун» И. Истомина — одного из родоначальников литературы Ямала. В его произведении переплетаются элементы утопии, когда он рассказывает о создании артели рыбаков, и антиутопии, когда он показывает ее крах.

В завершение разговора об утопичности сознания следует отметить еще один момент. Все авторы социальных проектов претендуют на знание путей развития общества, они как бы учат всех остальных людей: будущее будет таким, как я его представляю, делайте так, как я вам советую. Однако разве может кто-нибудь обладать этим знанием? Очень хорошо сказал известный поэт-эмигрант А. Галич:

Не бойтесь тюрьмы,
Не бойтесь сумы,

Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Гоните его, не верьте ему,
Он врет,
Он не знает, как надо!

Подумайте:

- Можно ли объединить два варианта определения утопии: «место, которого нет» и «место, где хорошо» — в один?

- Что бы вы предпочли: быть сытым, одетым, обеспеченным всем необходимым, но не иметь права поступить так, как считаете нужным, или не иметь гарантированного минимума, но знать, что можете делать что-либо исключительно по своей воле?

- Назовите три значения слова «утопия».

- Кто ввел в широкий обиход слово «утопия»?

- Не напоминают ли законы утопии о некоем реально существовавшем обществе? Поясните.

- Какой общественный строй может рационально учесть все потребности человека?

- Что такое антиутопия? Назовите авторов трех великих антиутопий XX века.

- В чем ошибаются авторы утопий?

- Еще раз внимательно перечитайте девять необходимых предпосылок существования утопии. Прокомментируйте их.

- В чем привлекательность утопических идей? Почему люди нередко не щадили себя для их осуществления?

- Что мешает установлению полной справедливости в обществе?

- Можно ли пожертвовать жизнью хотя бы одного человека ради счастья всего общества?

- Имеет ли право человек, даже очень талантливый и мудрый, предписывать всем остальным людям, как им жить?

§ 2. Северная утопия Ивана Истомина

Иван Григорьевич Истомин — человек удивительной судьбы. В детстве его разбил паралич, с тех пор он мог передвигаться только с помощью костылей, руки также плохо его слушались. Однако благодаря силе своего духа Истомин сумел окончить школу, получить образование, стать учителем, журналистом, писателем и художником. Его близкие рассказывали, что когда карандаш выпадал из его пальцев, он брал его в зубы и продолжал рисовать. Об этом замечательном человеке ненецкий поэт Л. Лапцуй написал поэму, речь о которой пойдет в следующей главе учебника.

Роман «Живун» вышел в свет в 1970 году. В нем писатель рассказал о драматических событиях начала 20-годов прошлого века, которые произошли в его родном селении Мужи. Все персонажи романа имеют своих реальных прототипов, среди которых отец и мать писателя и даже он сам — маленький, изувеченный болезнью ребенок (отрывок о судьбе Ильки изучался в 7-м классе).

Однако это не значит, что И. Истомин написал документальные семейные воспоминания. Жизнь в России того времени была насыщена новыми явлениями, политика и идеология непосредственно касались почти всех людей, даже самые простые житейские события приобретали исторический и философский смысл. И главным было, конечно, построение нового общества, воплощение утопической идеи в жизнь. Это и составляет основное содержание романа И. Истомина.

Описываемое в книге происходит в 1922 году в селе Мужи и его окрестностях. Главный герой романа Варов-Гриш (писатель по происхождению коми-зырянин, а прототипом этого героя был его отец), увлеченный идеями революции, решает ускорить преобразо-

*Иван Григорьевич
Истомин*

вания в родном краю и предлагает создать парму¹, в которой воплотилась бы народная мечта: равенство, братство, отсутствие эксплуатации, свободный труд. На его призыв откликаются трое молодых мужчин, которые вместе с семьями решают покинуть насиженное место и устроить жизнь на живописном берегу Оби.

Обратим внимание на то, кто же едет вместе с Варов-Гришем. Во-первых, их всего четверо из достаточно большого села. Во-вторых, все они молоды — и это понятно: молодежь всегда с бóльшим энтузиазмом воспринимает новые идеи. Но отнюдь не все молодые люди Мужей оказались готовы послать вызов судьбе. Согласился ехать шепелявый мужичонка Сенька, который прослыл среди односельчан непутевым хозяином. Едет также добродушный здоровяк Гажа-Эль — хороший в общем парень, но уж больно любящий выпить и по этой причине потерявший в результате пожара свою избу. Наконец, четвертый член пар-

¹ **Пáрма** — небольшая артель на основах взаимопомощи. Издавна практиковалась у северян в летний сезон.

мы — Мишка Караванщик. Он и торговые караваны купцов водил, и с белыми воевал — короче говоря, сильна в нем авантюрная жилка. Таким образом, на эксперимент отважились мечтатель-энтузиаст, бесполовый неудачник, пьяница и авантюрист. Думается, И. Истомин вовсе не хотел дискредитировать идею революции — просто и в большом, российском, масштабе ее воплощали в жизнь именно такие люди. Те же, кому было что терять, очень осторожно отнеслись к новым веяниям.

Не забудем также, что вместе с мужиками в парму поехали их жены и дети, — это тоже сыграет свою роль в дальнейшем развитии событий.

Четыре семьи со всем своим скарбом высадились из лодок на живописном берегу Оби. Там стояли две полуразрушенные избышки — в них и поселились наши герои. Вот тут и приходится вспомнить теоретиков утопизма — они призывали начинать строить новый мир без женщин (как в романе Жюль Верна «Таинственный остров»). И действительно, именно жены провоцируют первое столкновение: две хозяйки не могут дружно жить под одной крышей и готовить пищу на одной кухне. Мужчинам удастся погасить конфликт, но сам по себе он показателен — людям очень трудно мирно сосуществовать на общей территории, приноравливаться друг к другу.

Характерен еще один эпизод в начале совместной жизни пармщиков: энтузиаст Варов-Гриш решил накормить всю колонию птичьими яйцами. Рано утром он собрал несколько ведер яиц и угостил ими своих друзей. Но дармовая еда порождает у людей вспышку жадности и обжорства, причем щуплый Сенька съедает больше, чем здоровяк Гажа-Эль. Это еще один пример невозможности рационально учесть все потребности человека: по логике вещей, большому человеку положено есть больше, чем маленькому. Однако в жизни все наоборот.

Следующей проблемой колонистов оказалось распределение выловленной рыбы. Все работают одно-

временно, целый день занимаются промыслом, но улов у всех разный. Сенька ловить рыбу вообще не умеет, но у него шестеро детей, поэтому он стоит за дележку по числу едоков. Это возмущает в первую очередь Мишку Караванщика — у него своя правда: сколько выловил, столько и получи. С трудом артельщикам удастся найти компромиссный вариант. Но сам по себе факт показателен: оказывается, представление о справедливости у всех разное. Тем самым опровергается еще один постулат утопистов — о единомыслии и всеобщем согласии.

Еще одно заблуждение поборников социальной справедливости — возможность выживания в полной изоляции, без связи с «большим, но плохим» миром. Авторы утопий очень любили располагать свои вымышленные государства либо на острове, либо за далекими горами или даже на другой планете.

Герои И. Истомина тоже надеялись уйти от «плохого» мира. Однако солью они не запаслись, добывать ее на Оби невозможно, а сохранять выловленную рыбу необходимо. И приходится рыбакам идти на поклон к старшине-ханты, брать у него соль под кабальный договор о сдаче ему рыбы. Таким образом, опять-таки не подтверждается принцип честного труда без эксплуатации — купец явно наживается на рыбаках, они попадают в зависимость от него.

Не выдерживает испытания практикой и утопическая идея о благодатном воздействии на человека природы и физического труда. Наоборот, природа противостоит пармщикам, даже короткое северное лето имеет свои неприятности в виде несметных полчищ комаров и мошки, которые неимоверно досаждают рыбакам. Промысел также изнуряет артельщиков, и они решают устроить день отдыха. Обычно авторы утопий предлагали чередовать физический и умственный труд, но о каком умственном труде может идти речь после тяжелой физической работы? И опять мужики идут к хантйскому старшине за бутылкой спирта, которую он дает под огромный процент. А где одна бутылка, там и вторая...

Не случайно почти во всех вымышленных общинах существовал «сухой закон» (М. Горбачев пытался ввести его и в реальной утопии). Теоретики утопизма прекрасно понимали разрушительные последствия потребления «зеленого змия». Но с другой стороны, как еще могли расслабиться рыбаки?

Плачевно кончается для колонистов праздник. Почти вся рыба заложена купцу, бьет смертным боем лошадь обычно добродушный Гажа-Эль, коварный Мишка соблазняет жену мертвецки пьяного Сеньки. Не случайно авторы утопий так боялись «полового» вопроса и стремились поставить его под контроль. Но как можно контролировать столь деликатное дело?

С наступлением зимы жизнь пармы совсем разлагается. Жена Сеньки рождает двух рыжих мальчишек, удивительно похожих на Мишку, а жена Мишки Сандра пытается повеситься. Зимняя охота еще раз доказывает, что никакое декларативное равенство не уравнивает личные способности человека: добыча членов пармы разнится в зависимости от умения стрелять и знания природы, а это дано не каждому.

С трудом участники эксперимента доживают до весны и возвращаются в Мужи. Утопия кончилась, возобновилась обычная жизнь.

Таким образом, роман И. Истомина, написанный на основе реальных событий 1920-х годов, включает в себя элементы утопии и одновременно развенчивает ее, то есть одновременно является и антиутопией. Вывод напрашивается сам собой: человек не должен уповать ни на какие, даже самые многообещающие, идеи, а должен жить и работать согласно проверенной веками народной мудрости. Это не значит, конечно, что необходимо замкнуться в традиционных рамках бытия, однако и новое следует многократно проверить, прежде чем начать его использовать. Доказательством тому является весь опыт освоения Севера в XX столетии. Многие технические новации прижились здесь, но все попытки кардинально изменить быт и нравы коренных народов (например, перевести

их на оседлый образ жизни, отказаться от языческой веры) кончились ничем. Это следует хорошо понимать и не совершать подобных ошибок в будущем.

Подумайте:

- Случаен ли подбор членов пармы?
- Почему на эксперимент решились всего четыре человека из большого села?
- Почему авторы утопий настороженно относятся к участию женщин в социальном переустройстве?
- Можно ли рационально просчитать потребности человека?
- Может ли человек или небольшая группа людей прожить совершенно независимо от остального мира, как Робинзон Крузо? А был ли независим герой романа Даниэля Дефо?
- Можно ли упрекать героев И. Истомина за то, что в праздник они позволили себе выпить спиртного? Можно ли с помощью «сухого закона» решить проблему пьянства? В каких странах делались такие попытки? Что нужно делать, чтобы у людей не было потребности в алкоголе?
- Можно ли поставить под контроль любовные взаимоотношения мужчины и женщины?
- Почему люди по-разному выполняют порученную им работу? Дело только в лени или в чем-то еще?
- Можно ли сравнить эксперимент героев И. Истомина с тем, что делалось в масштабе всей страны?

Живун

(Отрывок из романа)

Мишку Караванщика, единственного из всех, устроенный Варов-Гришем праздник первого улова нисколько не радовал. Он поел свежатинки, с Гажа-Элем поохал, что нечем sprysнуть — Гриш зажал флягу со спиртом, — попел со всеми, лишь бы время убить, а сам все думал о своем.

Поначалу у него было намерение, дождавшись Гриша, побеседовать, как быть с уловом. Уговор на берегу — самое

любезное дело, никто не в обиде. Пять рыбин — вроде пустяковина. Но если так пойдет — их, воронят, девять, да на каждую руку по сырку или пыжьяну — здравствуйте и до свидания! С чем приехали, с тем и домой возвращайся.

Но Гриш чего-то загорелся общим нярхулом¹, нажимая на это — общий, и Мишка удержался от разговора. Что-то ему в Грише начинало не нравиться. Дурит или хитрит? Давеча яйца всем раздал — жри от пуза. Как поп с Евангелием.

Мишка Караванщик это общее себе иначе представлял. Сообща промыслять, а добычу, как водится между людьми, — каждому рыбаку на рыло. Куда свой пай пристроить — он сам знает. Советчиков не надо. Ему бы денег за склотить, а там видно будет. Может, хозяйство заведет, а может, по конной части, извозом займется, дело хорошее. Ломать хребтину на дядю — дураков нет...

...Когда Гриш завел свои скороговорки: «тут и песне конец...» — и бабы стали нехотя подниматься, Мишка удержал всех:

— А с уловом что?

Голос его прозвучал спокойно, и вопрос можно было принять за хозяйскую озабоченность. Эль удивился:

— Как что? Засолим — и будет прок...

— Не про то... — поморщился Мишка. — Что с уловом делать будем?

— Якуня-макуня! Уху варить, брюхо набивать! — Гажа-Эль был настроен на шутку, но в голосе Мишки чувствовалось раздражение:

— Только и всего — брюхо набивать?

Гриш почувствовал, что вопросы задаются неспроста, и, сложив гармошку, сказал спокойно:

— Не только брюхо набивать. Что не в котел — для мир-лавки² солить-вялить. Ты ведь знаешь, Миш.

— А выручку?

— Всем поровну. С Куш-Юром³ обговорено.

¹ Нярхул (коми) — свежати́на, еда из свежей сырой рыбы.

² Мир-лавка — сельский кооперативный магазин, куда рыбаки сдавали излишки улова.

³ Куш-Юр — Лысая Голова, Гологоловый, так коми называли русского большевика, который был представителем новой власти в Мужах.

— А по мне — делить улов сразу. Сам своему паю желаю быть хозяином.

«Вот ты куда?!» — Гриш сощурил глаза — от кого другого, но от Мишки Партизана не ожидал. В разговор вмешалась Марья:

— Миш верно говорит, надо делить сразу! И засаливать отдельно.

— Вот видишь! — ухватился Мишка.

Сенька Германец сидел за спиной Гриша и напряженно слушал, но тут он высунулся вперед:

— По-справедливому делить — по детям! — воскликнул он тоном человека, которого вдруг озарило счастливой мыслью.

Мишка Караванщик зло захохотал:

— Силен бродяга! И котел общий, и делить по едокам... Держи карман шире!

— Как же это ты, Семен? Михаилу-то с Сандрой вовсе ничего не достанется, — хмыкнул Гажа-Эль.

Сенька усиленно заморгал, соображая.

А Эль продолжал:

— Делить, так поровну, на семью, без общего котла!

Мишку именно это бы устроило.

— Что Михаилу, что Семену — поровну? — не без подковырки уточнил Варов-Гриш.

— А кому какое дело? Нарожал — корми, — заволновался Мишка.

Но тут его Эль не поддержал.

— Неладно, однако, черепок сварил, якуня-макуня. Давай, Варов-Гриш, что твой сварит. А может, уже сварил?

Гриш чуть-чуть помедлил, и его опередила Сандра.

— С общим котлом лучше, — робко выговорила она. — Власть худого не присоветует.

— А ты не суйся, коли не спрашивают! — Мишка подскочил и в ярости сжал кулаки. — Знаем, кто эта власть! Ребра пересчитаю!

Сандра съежилась, но не отступилась.

— Да, с общим котлом лучше! Надо держаться того, что в Мужах решили: излишки засаливать вместе. А нажиток — поровну на семью.

— Может быть, — вздохнул Эль и положил руку на плечо Мишке, мол, не шеборшись, ладно, попробуем эдак.

— Конечно! — поддакнула Парасся, а за ней и Сенька. А Мишка криво ухмылялся, дескать, проживем — увидим.

Гриш промолчал. Да и какие слова, коли сошлись в парму. Он растянул мехи и заиграл, запел свои скороговорки, будто давая понять, что спор окончен...

Подумайте:

- Почему Мишку Караванщика не радует праздник первого улова?

- В чем Мишка подозревает Гриша? Почему он сравнивает его с попом?

- С какой целью Мишка пошел в парму?

- Объясните позиции спорящих сторон. На чьей стороне правда, с вашей точки зрения?

- Чего не ожидал Гриш от Мишки?

- Что думают женщины о дележе рыбы?

- Что можно сказать о писательском стиле И. Истомина? Легко ли читать его произведения?

- Какой вид повествования преобладает в данном отрывке?

- Что можно сказать о речи персонажей?

- Найдите в тексте внутренний монолог.

Глава 8. Социалистический реализм в литературе Ямала

§ 1. Понятие о социалистическом реализме

Создавая свое произведение, писатель руководствуется не только собственными представлениями о том, что он преподносит читателю, но так или иначе следует установившимся в обществе правилам, отражает определенное мировоззрение, идеологию.

Так, романтик стремится уйти от реальности, которая его не удовлетворяет, в мир фантазий, природы

и т. п. Реалист показывает жизнь настолько правдиво и объективно, насколько может быть правдивым и объективным сам. Модернист подчеркивает абсурдность мира, отчуждение и одиночество в нем человека.

В 30-х годах XX века в Советском Союзе сформировалось еще одно литературное направление, получившее название **социалистический реализм**. Уже из названия понятно, что оно было напрямую связано с коммунистической идеей и строительством социализма в нашей стране.

Сущность этого направления заключалась во всемерном восхвалении и прославлении коммунистической идеологии и практики построения социализма в СССР. Не важно, какова была реальная действительность, ее нужно было интерпретировать с точки зрения революционного развития и движения к коммунизму. Раньше главной задачей писателя (романтика, реалиста, модерниста) было осмысление негативных сторон бытия, показ сложности и противоречивости человеческой натуры, обращение на них внимания общества. Иная задача у представителя социалистического реализма — силой своего таланта прославлять новый строй и нового человека. Даже если в действительности было много сложностей, недостатков и противоречий, их следовало не подчеркивать, а наоборот, затушевывать. Можно сказать, что социалистический реализм показывал жизнь не такой, какова она есть, а такой, какой она должна была бы быть согласно коммунистической теории. Если вспомнить наш пример с портретом, то по законам социалистического реализма лицо на портрете должно быть в гриме, который скрывает его недостатки. Недаром некоторых представителей социалистического реализма называли «лакировщиками» действительности. Например, в известном фильме режиссера И. Пырьева «Кубанские казаки», вышедшем на экраны после Великой Отечественной войны, была показана счастливая и сытая жизнь советских людей, хотя

на самом деле в стране после войны был голод. Не нужно думать, что писатели — представители социалистического реализма были просто обманщиками. Их произведения, нередко весьма талантливые, помогали людям выживать, привносили в их нелегкое бытие немного радости и надежды, подобно тому, как в старину фольклорные произведения (сказки, былины, песни).

Основоположником социалистического реализма в литературе считается М. Горький, написавший роман «Мать». К представителям этого направления относят Н. Островского («Как закалялась сталь»), А. Фадеева («Молодая гвардия»), М. Шолохова («Поднятая целина») и многих других советских писателей, чьи имена сегодня уже полузабыты.

Однако по мере того как жизнь в нашей стране стала понемногу налаживаться, такой подход к искусству перестал удовлетворять людей. Наиболее талантливые советские писатели и художники стремились показать не только внешнюю сторону действительности, но и внутреннюю. Это стремление вошло в противоречие с установками коммунистической партии. Так, известный роман Л. Пастернака «Доктор Живаго», в котором писатель попытался более или менее объективно отразить события революции 1917 года и гражданской войны (за этот роман ему была присуждена Нобелевская премия), очень не понравился руководству партии. Пастернака заставили отказаться от премии и вынудили эмигрировать. Этот пример красноречиво говорит о том, что советский поэт, художник, кинорежиссер не имел права говорить и писать так, как он думал, как понимал жизнь. Иначе говоря, у него не было свободы слова, свободы творчества. Издавались только те произведения, содержание которых не противоречило коммунистической идеологии.

Все это привело к тому, что одни из наиболее талантливых и честных писателей покинули Советский Союз и стали эмигрантами (А. Солженицын, В. Аксе-

нов, В. Некрасов), другие просто перестали писать серьезные вещи и занялись переводами или произведениями для детей, третьи попытались хоть как-то совместить правду жизни и коммунистическую идеологию.

Именно такой подход был характерен в 60—70-е годы для молодых писателей и поэтов — представителей малочисленных народов Севера. Ненец Л. Лапцуй, ханты Р. Ругин и Е. Айпин были увлечены прекрасной идеей справедливости, равенства и всеобщего счастья, которые обещала коммунистическая партия. Однако и они, повзрослев, поняли, что теория социализма кардинальным образом расходится с практикой. В 1985 году началась перестройка нашего общества, которая привела к отказу от коммунистической идеологии, и, соответственно, социалистический реализм перестал существовать, как таковой.

В настоящее время писатели получили право писать так, как они думают. Это не значит, что все проблемы в литературе и искусстве автоматически решились, появились новые вопросы и новые проблемы.

В завершение следует сказать, что социалистический реализм так или иначе воздействовал на умы людей, многие до сих пор вспоминают хорошие и добрые книги и фильмы той эпохи. Среди советских писателей середины XX века были очень талантливые художники слова, которым удавалось обойти строгие предписания социалистического реализма и издать произведения, в которых в той или иной мере отразилась правда жизни. На Ямале о действительных проблемах северных народов первыми заговорили Л. Лапцуй и Р. Ругин.

С произведениями этих двух писателей вы познакомитесь подробнее. Постарайтесь разобраться, где в них правда, а где — дань канонам социалистического реализма.

Подумайте:

- Можно ли считать название литературного направления «социалистический реализм» удачным? Согласно этой логике, какие еще могут быть реализмы?
- Какие произведения социалистического реализма вы читали?
- Что важнее в литературе — показать положительные явления в жизни или отрицательные?
- Что первично — жизнь или искусство? Может ли искусство учить жизни?
- Вспомните аналогию художественного метода писателя с искусством портретиста. Как изображают натуру романтик, реалист, модернист?
- Должна ли литература успокаивать, отвлекать от трудностей, обнадеживать людей или, наоборот, — волновать, тревожить, ставить трудные вопросы?
- Что для писателя важнее — слава или правда?
- Назовите русских писателей-эмигрантов, произведения которых вы читали.
- Почему писатели Севера восприняли коммунистические идеи только тогда, когда русские писатели уже стали от них отказываться?
- Какие новые проблемы встали перед литературой в последнее время, когда писатели получили полную свободу творчества?

§ 2. Судьба Леонида Лапцуя

Судьба Леонида Васильевича Лапцуя столь же противоречива, как и вся история Ямала в XX веке: в ней сплелось новое и старое, доброе и злое, радостное и грустное, трагическое и комическое.

О месте своего рождения поэт написал так:

«Где ты рожден?» —
Вы спросите меня,
А я открою в дальний год ворота,

*Леонид Васильевич
Лапцуй*

Увижу наяву начало дня
И льдистый берег озера Ярато ¹.

Как пишет вдова поэта Е. Г. Сусой, «день рождения Леонид Лапцуй выбрал себе сам — это был день его вступления в комсомол: 28 февраля 1946 года, только на 14 лет раньше» ². Это красноречиво говорит об отношении будущего поэта к новым идеям, пришедшим в тундру в начале XX века. С другой стороны, его отец погиб в 1936 году от пули, возможно, такого же активного комсомольца, каким станет впоследствии сам Л. Лапцуй. Уже с десяти лет Леонид становится опорой матери и трем младшим братьям — пасет оленьи стада, рыбачит, охотится, работает

¹ Озеро Ярато находится неподалеку от поселка Новый Порт, приблизительно на 68 параллели.

² Уже отмечалось, что у ненцев не принято отмечать дни рождения, точной дате появления человека на свет не придается значения. Поэтому существуют расхождения по поводу даты рождения поэта. Авторы справочника «Писатели Тюменской области» считают, что Л. Лапцуй родился в 1929 году.

в экспедиции сейсмической станции. Мальчик был смышлен, отличался умом, интересно, что при рождении он получил имя Вэсако — «мудрый старик». В школе Леонид хорошо пишет сочинения на русском языке, и учитель предрекает ему будущность писателя. Там же, в школе, способный парень становится секретарем комсомольской организации.

Судьба ведет юношу извилистым путем — в 1951 году он поступает в Салехардское медицинское училище. Леонид всерьез увлекся медициной, хотел стать врачом, но партии понадобились молодые национальные кадры, и его отправляют учиться в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ в Москве. После окончания этой школы с мечтой о медицине пришлось расстаться — партийная дисциплина тогда была жесткой. Л. Лапцуй становится секретарем райкома комсомола Ямальского района. В свободное время пробует писать стихи, сотрудничает в газете. Первая поэтическая публикация состоялась в 1958 году в журнале «Урал». В 1960 году в Тюмени выходит первый сборник стихов «Цвети, мой Ямал», и в том же году Леонид становится членом Союза журналистов СССР.

Но партии нужны подготовленные руководители из числа местной интеллигенции, и комсомольского лидера направляют учиться в Высшую партийную школу в Свердловске. По окончании ВПШ он в течение 10 лет работает в советских и партийных органах Пуровского района. Следует отметить, что Л. Лапцуй искренне верил в идеалы коммунизма и относился к своим обязанностям очень серьезно. Однако к началу 70-х годов поэт начинает замечать кризисные явления в партии и в жизни общества. Он переходит на журналистскую работу: становится редактором окружной газеты «Няръяна Нгэрм» («Красный Север»), занимается сбором и обработкой ненецкого фольклора, продолжает писать стихи. Л. Лапцуй является автором многочисленных поэтических книг.

Умер Леонид Лапцуй в 1982 году.

Подумайте:

- Знал ли маленький Леонид о причине смерти своего отца? А если бы знал, то стремился бы он стать комсомольцем?
- Почему работники партийных органов отправили Л. Лапцуя учиться в Высшую комсомольскую школу?
- Была ли вера Л. Лапцуя в коммунистические идеалы искренней? Всегда ли она была таковой?

§ 3. О поэме «Ири»

Большую роль в становлении литературного таланта Л. Лапцуя сыграл патриарх ямальской литературы И. Истомин. Именно ему поэт посвящает свою поэму «Ири» (1970). Название поэмы в переводе с ненецкого означает «мудрый дед». Отметим, что переводчицей многих произведений Л. Лапцуя (в том числе и поэмы «Ири») на русский язык была Наталия Иосифовна Грудинина.

Прежде чем приступить к знакомству с поэмой, прочитайте еще раз § 2 в главе «Утопия и антиутопия в литературе Ямала», где говорится об И. Истомине. После этого содержание поэмы Л. Лапцуя вам будет понятнее. Сразу же подчеркнем, что это не документальный рассказ о жизни И. Истомина, а художественное произведение, в котором главным является не строгое следование фактам биографии, а поэтическое восприятие Л. Лапцуем подвига жизни своего учителя.

Поэма открывается Вступлением, в котором рассказывается о том, как мать и школьные товарищи провожают Ивана на пароход, на котором он уезжает учиться в Салехардское педагогическое училище. Лишь по отдельным незначительным упоминаниям в тексте читатель может догадаться о трагической судьбе мальчика (найдите их в тексте Вступления).

Далее следуют три основные части поэмы: «Детство», «В школу», «Творчество», а завершается она

Заключением, в котором герой опять на пароходе и сообщает читателю о том, что он едет учиться в училище. Такое построение литературного произведения называется **концентрическим** — сюжет как бы закругляется, начало смыкается с концом. Можно говорить в данном случае и о композиционной **инверсии** — когда автор меняет хронологическую последовательность событий, то есть помещает в произведении раньше то, что по жизненной логике должно следовать позже. В этом и заключается разница между **фабулой** произведения — реальной последовательностью событий в жизни героя и **сюжетом** — расположением событий согласно авторскому замыслу (вспомните произведения русских писателей, построенные подобным образом).

Подумайте:

- Почему для произведения об И. Истомине Л. Лапцуй избрал форму поэмы? Какие еще поэмы Л. Лапцуйа вы знаете? В чем художественное своеобразие этого жанра?
- Имеет ли право писатель на собственную трактовку личности известного человека? Какие художественные биографии вы знаете?
- Можем ли мы полностью отождествить героя поэмы и реального И. Истомина?
- Для чего автор избирает концентрический принцип построения своего произведения? Имеет ли такая форма произведения глубинный содержательный смысл или это просто прихоть автора?

В начале поэмы читатель узнает о трагедии ребенка, обреченного на неподвижность. Автор ведет повествование от первого лица, что позволяет ему глубоко исследовать душу героя, показать психологию больного мальчика как бы изнутри, рассказать читателю о его мыслях и переживаниях, о его страстном желании двигаться, о тех усилиях, которые ему приходится прилагать, чтобы просто согнуть и разог-

нать пальцы. Л. Лапцуй пишет и о трагедии матери, которая видит страдания своего ребенка, но ничем не может ему помочь. Не спасают мальчика ни материнская молитва, ни усилия докторов. Женщина даже допускает мысль о смерти сына, которая освободила бы его от страшных физических и душевных страданий. Однако мудрее оказывается отец, который не теряет надежды на то, что сын его когда-нибудь встанет на ноги и найдет свою дорогу в жизни.

От полного отчаяния мальчика спасает стремление хоть как-то проявить собственную индивидуальность и значимость: он пытается рисовать, прилагая невероятные усилия, чтобы удержать кусочек угля в скрюченных пальцах, и помогая иногда уставшим пальцам зубами. Природа как бы компенсирует ему его увечье — Ваня обладает несомненным талантом художника.

После проведенного курса лечения мальчик все же смог передвигаться на костылях.

Подумайте:

- Почему автор использует форму повествования от первого лица?
- Какие еще произведения мировой литературы вы знаете, герой которых также усилием воли преодолевал недуг?
- Что, на ваш взгляд, самое страшное в ситуации героя — физические страдания, осознание своей ущербности, зависть здоровым сверстникам?
- Проявился бы талант художника у мальчика так рано, если бы он не был прикован к постели?
- Может, лучшим выходом для мальчика была бы все же смерть?
- Найдите в тексте фрагмент, который подействовал на вас наиболее сильно.

Вторая часть поэмы рассказывает о школьных годах героя. Здесь наиболее сильное впечатление производят строки о детской жестокости, о насмешках

сверстников над увечьем мальчика. Жестокость детей подчеркивают сострадание учителя, что, однако, только усугубляет горе ребенка, и ласка школьной собачонки, которая каким-то звериным чутьем поняла необходимость собственного присутствия рядом с калекой.

Меньшее эмоциональное воздействие оказывает на читателя концовка второй части. Вроде бы все идет к лучшему: злой насмешник исправляется и даже спасает жизнь калеке, когда тот по неосторожности оказался в реке. Ваня хорошо учится, его принимают в пионеры, а затем — в комсомол. Так же, как в жизни самого Л. Лапцуя, дата приема Вани в комсомол становится днем его рождения. Эта часть завершается благодарностью героя поэмы партии, хотя совершенно непонятно, какова ее роль в жизненном становлении молодого человека.

Подумайте:

- Приходилось ли вам сталкиваться с детской жестокостью?
- Бывают ли жестоки школьные учителя? Бывает ли так, как случилось с Ваней: сочувствие учителя вызывает еще большую обиду ученика?
- Насколько реалистичен, на ваш взгляд, эпизод со спасением Вани из воды?
- Зачем поэт завершает вторую часть благодарностью героя поэмы партии? Мог ли Л. Лапцуй этого не делать? Сочетается ли такой финал с содержанием второй части?

Третья часть поэмы носит название «Творчество». Она не имеет прямых сюжетных связей с первой и второй частями, в которых доминировала тема душевного самочувствия «белой вороны» — человека, резко выделяющегося среди других, непохожего на окружающих. В третьей части эта тема совершенно отсутствует. В ней опять от первого лица, то есть от имени своего героя, автор дает картину жизни родно-

го селения в период кардинальных перемен — приход на Север советской власти. Его герой повзрослел, это уже не мальчик, а умудренный опытом взрослый человек, который делится своими впечатлениями и размышлениями о переменах в жизни земляков.

В зачине автор говорит о бурном строительстве в селе — один за другим прибавляются новые рубленые дома. Но это не просто констатация факта, а также и метафора — ведь вся страна в те времена была огромной строительной площадкой. Однако новые веяния были понятны еще не всем, поэтому Лапцуй пишет: «Покинуть чум, вселиться в новый дом / Не все еще решались на Ямале». Эту поэтическую строку, видимо, следует понимать двояко — и в прямом, и в переносном смысле.

Далее поэт описывает весенний ледоход на реке. И опять-таки эта впечатляющая картина имеет символический смысл — автор явно уподобляет стихии социальные переломы в стране в целом и на Севере в частности. Внимательно прочитайте описание ледохода — и станут понятными поэтические параллели автора. Приведем один лишь пример:

Глубинный, старый, залежалый лед
Весеннему напору не сдавался.
И вот лавина замедляла ход,
И тужилась, — и старый лед ломался.

Так же метафорически следует понимать сцену у старого чума, возле которого перебирают и выбрасывают свой домашний скарб перед тем, как отправиться в дом престарелых, старики-ненцы. Один из них переламывает через колено и швыряет в реку «трухлявого божка»...

Сегодня все это воспринимается не столь однозначно. Идолы снова в чести, социальных домов для одиноких стариков нет, а если и были бы, то вряд ли ненцы захотели бы доживать там свои последние дни.

Иначе говоря, третья часть поэмы написана по канонам социалистического реализма, которые требова-

ли от художника не столько отражения правды жизни, сколько показа ее в «революционном развитии», проще говоря, так, как планировали коммунистические идеологи. Винить Л. Лапсуа за это нельзя — таковы были правила жизни. Однако художник не может написать хорошо то, во что он сам не верит. Как следствие, первая половина поэмы написана бесспорно талантливо, а вторая, на наш взгляд, значительно слабее. Тем не менее это не значит, что поэму не следует изучать. При том что первая ее часть обладает несомненными художественными достоинствами, вторая иллюстрирует те особенности развития литературы советской эпохи, о которых новые поколения имеют весьма смутное представление.

Мы предлагаем вам прочитать поэму и сделать собственные выводы о ней.

Ири

Посвящаю

*Ивану Григорьевичу Истомину,
моему дорогому учителю*

Вступление

Над земной хребтиною горбатой
Плачет небо ливнем полосатым.
Тучи то линяют, словно шкуры,
То горами-скалами торчат.
А когда, сменив свое обличье,
Бровью изгибаются девичьей,
Поздние растенья, отцветая,
Шлют им свой последний аромат.
Перед ледоставной непогодой
Ехать мне с последним пароходом.
Ждут его отхода на Ямале,
Как отлета лебединых стай.
Жители селения сегодня,
Словно утки, топчутся у сходней,

И галдят, и машут рукавами,—
Мол, пиши, родной, не забывай!
И казалось — тем прохладным утром
Медную красу осенней тундры,
Скромную красу родного края,
Увозил с собою пароход.
Сам же я птенцом себе казался,
Что впервые с гнездышком расстался
И под свист своих певучих перьев
В первый свой отправился полет.
Мать моя орлицей сизокрылой
Надо мной стонала и кружила.
Что насобирала мне в дорогу —
Положила в замшевый рюкзак.
— Трудно тебе будет, птенчик малый,—
Так она вздыхала-причитала,
И была черна на лбу морщина,
Как поросший ельником овраг.
Но упрямства у меня что лени
У небитых упряжных оленей.
То вздымалась грудь под курткой грубой
От любви и жалости моей,
То уздой моржевою упряжки
Расслаблялась после вздохов тяжких,
И, к груди прижавшись подбородком,
Я кусал подушки костылей.
Провожать меня пришла вся школа.
Вот они протиснулись к приколу,
Кто письму учил меня и счету,—
Первые мои учителя!
Так уж донимали и учили,
Словно костыли мои точили,
Чтоб в любую бурю-непогоду
Устоял, как на граните, я.
Пыхнул, рывкнул пароход три раза.
С облаками поравнялась сажка,
Словно бы выписывали трубы
В небесах прощальные слова.
А на берегу под темным ветром

Мать моя стояла зимним кедром,
И качалась над водой свинцовой,
Как сугроб, седая голова.
«Слышь, не плачь! — хотел я крикнуть
маме. —

Вытри слезы этими руками!
Руки свои, видишь, оставляю
Я тебе, бесценная моя!»
Но сдержал я боль свою и жалость,
А воды полоска расширялась,
И в осенней дымке пропадала
За кормой ненецкая земля.
С берегов родимых звонко-звонко
Забрехала лайка-собачонка,
Словно позвала назад, в селенье,
Где я прожил детские года,
Но от них, не золотых, не сладких,
Я забрал с собою лишь тетрадку,
Первые рисунки, что родились
В каторге недетского труда.

Детство

Ночью зимней, ночью злющей,
Когда волком воет вьюга,
Когда ветер в дом стучится,
Словно плачущий ребенок,
Днем веселым, днем весенним,
Когда солнце круг урочный
По своей тропе свершает
И зайчонком быстроногим
С тучки прыгает на тучку,
Догоняет лунный мячик, —
Я лежу в своей постели,
И лежат с постелью рядом
Костыли мои, ходули...
Как младенец-несмышлениш,
Я лежу в оленьих шкурах,
И дышу я часто-часто,

Как птенец новорожденный
На горячем солнцепеке.
Как олени, ровным шагом
Ходят ходики стенные,
В лад стучит неспешно сердце,
А потом все чаще, чаще,
Словно в беге торопливом
Обогнать желает время.
Два зрачка мои с подушки
В потолок глядят бездумно,
Все в одну и ту же точку
На белесо-желтом фоне.
Вот пропала эта точка,
Вот возникла эта точка,
Вот зеленым стала кругом,
Вот лиловым стала кругом,
И кружатся, и мелькают
Те круги над головою,
Пестрой радуге подобны
После ливня грозового.
Я хочу пошевелиться,
Но лежит, как чурка, тело.
Я хочу, чтоб руки гнулись,
Как березовые луки,
Но висят они бессильно,
Словно лямки упряжные.
Я хочу, чтоб ноги гнулись,
Как еловый полоз нарты,
Но к суставам неподвижным
Не бежит, видать, от сердца
Кровь струей животворящей.
Как медведь в своей берлоге,
Никогда не вижу солнца.
А какой у солнца запах?
А какой он, цвет, у солнца?
Может, серый, может, скучный,
Как вон в том углу, напротив?
Но, бывало, в этот угол
На скамью меня посадят,

И тогда я вижу ветви
То ли кедра, то ль березы.
Их узор на белых стеклах
Начертал мороз безрукий.
На морозные узоры
Я гляжу и вижу чудо:
От ветвей живые нити
Проросли, как будто корни,
Мне в мальчишеское сердце.
И тогда вздохнуло сердце
И, вздохнувши, закричало
Хриплым голосом оленя:
— Отколите, мама, доску
От соснового полена!
Дайте мне кусочек угля
От костра, который тлеет.
Вы, мои паучьи пальцы,
Уронить не смейте уголь! —
День за днем и час за часом
Я сгибал и разгибал их,
А когда они немели,
То от злости и обиды
Я кусал их, как собака,
И, рыдая, падал на пол
Неотесанным поленом.
В голове обрывки мыслей
Недодуманных мелькали.
Росомахою голодной
Я стучал, скрипел зубами.
Извивался, как червяк, я,
И вертелся, как налим, я,
И кружилась надо мною
Мама, словно олениха,
Точно был я олененок,
Что на ножки хрящевые
Хочет, слабенький, подняться.
Что ей было делать, бедной?
Темный дух моей болезни
Был горячих слез сильнее.

Иногда в бреду стоцветном
Видел я, как на коленях
Бормотала что-то мама.
Может, древнюю молитву?
Может, горькое проклятье?
Не расслышать было слов мне,
Трескотня в ушах — и только...
Словно ночь пред ясным утром,
И лениво и поспешно
Отходил от сердца приступ.
И тогда я брался снова
За любимое занятие
И трудился, словно пчелка,
Что по капле носит в улей
Сок цветочный — мед тягучий.
А когда, сжимая уголь,
Пальцы вдруг деревенели, —
Помогал я им зубами.
Но, бывало, детский гомон
Доносился из окошка —
Торопились дети в школу, —
Уголек тогда ленивый
Над доской минуту мешкал,
И оленем быстроногим
От меня бежали мысли,
Кувыркались по сугробам,
Обнимались с братом-ветром
И, взмывая с ним на пару,
Пропадали в снежных далях.
Собирались к нам частенько
На беседу-вечер гости
И, откинув капюшоны,
Угощались крепким чаем.
Над его горячим паром
Лица смуглые потели.
Сучья ерника трещали
На костре пред нашим чумом.
Слышал я негромкий говор
У костра — не обо мне ли?

Примечал я, как отец мой
Головой кивал. Валился
С капюшона снег искристый,
Как с бегущего оленя,
И, случалось, с горькой лаской
Взглядывал отец на сына.
Ну, а сын моргал глазами...
Что я мог отцу ответить,
Я, недвижимый камень в доме?
Как-то мать отцу сказала:
— Больно мне глядеть на сына,
Пусть бы отдал богу душу,
Лишь бы муки не терпел он... —
Но отец мой так ответил:
— Говорить такое рано.
Подождем — и скажет время
Слово правды неминучей.
Всяк судьбу свою имеет;
Может, на ноги он встанет
И найдет свою дорогу?
Отвезу его в больницу.
Может, чем врачи помогут... —
А потом лежал я, помню,
На больничной белой койке.
И врачи в халатах белых,
Словно лебеди, кружились
Надо мной, птенцом недужным.
И казалось, даже воздух
Был свистящим, свежим, белым!
В сердце мне густая свежесть,
Как морской прилив, вливалась.
Все свободнее сгибал я
Неподатливые руки,
Стали ноги неживые
Ощущать и боль и холод...
Только было не дано им,
Лебедям в халатах белых,
Разгадать недуг мой черный.
Возвратился я в селенье.

Костыли мои, ходули,
Что ни день — ступали тверже,
Что ни час — ходили дальше.
Быстроногие ребята
По утрам бежали в школу.
Торопился я за ними,
Разговор начать желая,
Но они меня, калеку,
Обходили стороною.

В школу

Бегут по сугробам весенние дни,
Как дети, торопятся в школу они.
Свой собственный бег обогнать торопясь,
Смывают с дорог прошлогоднюю грязь.
От солнца пьянея, поют и журчат,
И спорят о чем-то и что-то кричат.
А я, медвежонок, нескладный лохмач,
Я тоже хотел бы вприсядку и вскачь!
Хотел бы я тоже, как муха, взлететь,
Чтоб мир после спячки моей осмотреть!
Ох, если б ходули мои, костыли,
Хоть чуть попроворнее бегать могли!
А впрочем, я к ним привыкаю, друзья!
Почти олененок хромающий я,
А сердце мое горностаем давно
Нацелилось в школьное юркнуть окно...
Но робость мне шепчет: «Постой, погоди...»
А школьные двери открыты — войди!
И смех у мальчишек весенний такой,
Ну пусть хоть один мне помашет рукой!
Я спеть им народные песни хочу,
Я авку — оленя — углем начерчу!
Но, видно, не спорить мне с горькой судьбой, —
Ребята во двор сыпанули гурьбой,
Хохочут, гогочут и дразнят: — Ага,
Пришел-таки к нам, деревьях-нога!
Каких нам, дурак, притащил новостей? —
От смеха чуть живы — по школе по всей...

Один сорванец показал мне язык,
Калекой другой обозвал озорник,
А третий швырнул в меня комом земли.
Ах, так? Выручайте, друзья костыли!
И, правый костыль запустив в сорванца,
У школьного я растянулся крыльца.
Бессильные слезы текут по лицу.
Вдруг вижу — учитель идет по крыльцу.
Раздвинул мальчишек утиный кружок.
— Ну, кто тебя? Ну, успокойся, дружок!
Ты в школу пришел? —
И от ласки его
Мне стало так больно, что я ничего
Ответить не мог, лишь озлобленный взгляд
Угрюмо скосил на притихших ребят.
Прочь, прочь захромал я на палках своих
От школы чужой, от мальчишек чужих,
И долго в ушах стрекотало: «Ага,
Пришел-таки к нам, деревьях-нога!»
Добрел до реки я. Стою у воды, —
Весна растопила последние льды,
Кружатся на волнах щепы и труха...
Я выбрал местечко, где глина суха,
Присел отдохнуть. Только где ж отдохнуть,
Когда перевила мне впалую грудь
Тоска, словно осени смрадный туман,
Тоска, словно брошенный кем-то аркан.
И вот я сижу, упираясь в костыль,
А рядом вода разбивается в пыль,
Вода-оперенье, вода-чешуя
Уносится прочь, как надежда моя.
Она завилась в золотое кольцо,
В кольцо отразилось калеки лицо,
И два костыля — две привычных беды —
Стократно повторены в кольцах воды...
Как дождь, утонули слезинки мои
В затейливых кольцах весенней струи.
Я больше не мог ни молчать, ни терпеть.
— Неужто весь век костылями скрипеть? —

Я крикнул. — Когда же мученьям конец?
Так нет же! Дорогой, что прочил отец,
Дойду я до школы — и сгинет беда! —
И голос мой не заглушила вода...
Это кто ж толкнул меня под локоть?
Это наша собачонка Буря!
Заюлила, хвостиком махая:
Вот, мол, где хозяин — у реки!
Уши острые прижала к шее,
Рыжие глаза на солнце жмурит.
Руку мне лизнула и шершаво
Капли слез слизнула со щеки.
А потом на кочку рядом села,
Завизжала ласково, негромко,
Видно, в разговор со мной вступила:
Мол, чего моргаешь, я пришла!
И от этой ласки немудреной
У меня на сердце посветлело,
И решил на солнышке вздремнуть я,
Разомлев от вешнего тепла.
Может, час я спал, а может, меньше,
Только вдруг почувствовал, что глина
Подо мною медленно сползает
И совсем я близко от воды...
В голове мелькнуло: бедный дурень,
Вот конец твоей дороги длинной,
Вместе с костылями ухнут в реку
Все твои надежды и труды!
Задрожал я и забился в страхе,
Словно пойманная куропатка.
Костыли мои всосались в глину —
Из последних сил я их тяну, —
Только правый вытащу, а левый
Тащит, что аркан, меня обратно,
И все ближе, ближе, ближе вижу
Глиной замутненную волну.
Собачонка надо мной кружится,
Лает, кличет, бедная, на помощь.
Только никого кругом не видно...

Закричал я, дернул костыли —
И к гагарам ухнул камнем в воду,
И задернула глаза мне полночь,
Вроде две рыбешки были рядом,
Но помочь мне выплыть не смогли.
А проснулся я от плавной качки —
Будто мчусь я в нарте по сугробам.
Голова трещит, а где-то рядом,
Как стена, стоит чугунный гул.
Тело мое скованное плачет.
Еле слышу слабенький свой голос,
Ну да полно, мой ли это голос?
Мой, наверно, в речке утонул!
А потом лежал, как в белой пене,
Я на койке нашего медпункта.
Чуть глаза открою — вижу лица,
Только что-то мутные они.
Фельдшеров хрустящие халаты,
Как равнина белоснежной тундры,
А на табурете рядом — мама
Примостилась, голову склонив.
Веки ее красные, как зорька,
Краешком платка смахнула слезы.
И стоит учитель надо мною,
Тот, что давеча сходил с крыльца.
Смотрит озабоченно и горько,
А лицо все красное, в разводах, —
Словно кровь струится по морщинам
Ласкового этого лица...
Увидал, что я совсем очнулся, —
Будто солнцем озарился сразу.
Говорит: — Ну как твое здоровье?
Что ж ты это, милый, натворил?
Мальчик Ваня, что землей кидался, —
Он за озорство свое наказан,
Но свою вину перед тобою
Он поступком храбрым искупил.
Видимо, судьбе твоей несчастной
От тебя теперь отстать придется.

Мальчик Ваня спас тебя от смерти,
Это он услышал шум вдали.
Побежал на помощь, видит — лайка
Посреди реки с волнами бьется,
Как дитя, захлебываясь, плачет,
Тащит то тебя, то костыли.
Мигом на ходу разделся Ваня,
Прыгнул в воду, вытащил обоих!
Поправляйся, маленький, и — в школу!
Там тебя ребята заждались.—
Тут бы мне расплакаться от счастья,
Но, наверно, в годы испытаний
Слишком много плакал я, и слезы
В облегченья час не пролились...
Захотел учителя обнять я,
Захотел расцеловать я маму,
Но не мог пошевелить руками,
Только жаром от меня несло...
Я в поту лежал, как в мутной луже,
И, как прежде, пестрыми кругами
Расходились надо мною точки,
И куда-то вниз меня влекло...
Словно камень, я валился в пропасть.
И порой в полудремоте слышал —
Медсестра кружится над постелью
И слова такие говорит:
— Потерпи, мой миленький, немножко,
Скоро грудь твоя легко задышит,
Купят много книг тебе, и школа
Дверь перед тобою растворит.—
Солнечным лучом быстролетающим
Промелькнуло, просверкало время.
Проучился я четыре года,
И последний подошел денек...
Научился я письму и счету,
Овладел премудростями всеми,
Слабым пальцам помогал зубами,
Если строчку вывести не мог.
Эти годы завязал узлом я,

Словно красный галстук пионерский...
Вот однажды от комсорга школы
Я слова такие услышал:
— Парень ты старательный и умный,
А такому — в комсомоле место!
Сколько тебе минуло годков-то? —
Я считал-считал — не сосчитал!
Спрашиваю мать — она не знает:
То применит счет двойной, ненецкий,
То припомнит некий год печальный,
А не то теряет вовсе след.
Как по тундре, по годам плутает,
Путаясь в своих дорогах дальних.
— Лет четырнадцать тебе, — сказала,
Как вторично родила на свет!
Эту дату нового рожденья
В комсомольский мой билет вписали.
Под рубахой спрятанный, у сердца,
Стал он первым паспортом моим.
С той поры в груди моей два сердца,
Воедино слитых, застучали
И сказали партии: — Спасибо! —
И сказали жизни: — Устоим!

Творчество

На выгибе реки стоял наш дом,
Красивый, рослый первенец селенья.
А рядом с ним, как в сказке, день за днем
Все прибавлялось рубленых строений.
С рассвета стрекотали топоры,
И только к ночи дробь их умолкала.
Полоска разрумяненной зари
Тянулась от Ямала до Урала...
В одних домах вскипала жизнь ключом,
Другие долго-долго пустовали.
Покинуть чум, вселиться в новый дом
Не все еще решались на Ямале.
Предвестником штормовых непогод
Неровный шум метался над равниной.

Шел по реке весенний ледоход
Густой, всесокрушающей лавиной.
Я вспоминаю эти глыбы льда,
Что землю под ногами колебали.
Впервые подвиг битвы и труда
Мои карандаши нарисовали...
Глубинный, старый, залежалый лед
Весеннему напору не сдавался.
И вот лавина замедляла ход,
И тужилась,— и старый лед ломался.
И льдины к небу подымали лбы,
Как сопки снежные, дымясь верхами,
Вставали, как медведи, на дыбы
И снова в воду падали, как камень.
И вот на том, на дальнем берегу
Образовались синие кристаллы,
Подобные торосам. На бегу
Они сверкали. Их перемещала
Сама весна, сам пастушонок — май.
А льдины старые стоят на месте,
Еще цепляясь за холодный край
С его унылой лебединой песней.
Но вот и их лавина увлекла,
И где река согнулась, словно локоть,
Воды полоска ширилась, росла
И удлинялась, как разлитый деготь.
Поодиночке льдины-старики,
Весне всепобеждающей на радость,
Бежали по течению реки
Оленями, отставшими от стада.
А желтые береговые льды
Стрелой взлетали в небо, как гагары,—
И посвежевшей синевой воды
Кончалась битва нового со старым.
Одежды зимней распахнув края,
Река легко вздохнула грудью полной
И ликовала, дивная моя,
Вдогонку льдинам посылая волны.
Она резвилась в солнечных лучах

И отражала вспененные тучи,—
Была и в небе тоже горяча
Борьба зимы с весною неминуемой...
На невысоком берегу реки
Валялся хлам, остатки старых чумов.
Я часто видел: ненцы-старики
Копались в этой рухляди угрюмо...
Один из них, с плешивой головой,
С откинутым на спину капюшоном,
Запал мне в память. Век ненецкий свой
Жил-доживал он в чуме задымленном.
На склоне лет легко ли одному?
Дряхлеет неухоженное тело.
И вот пришлось покинуть чум ему
И отправляться в дом для престарелых...
В последний раз стоял он у реки,
К весеннему прислушиваясь шуму,
И слабыми движеньями руки
В седой поток бросал остатки чума.
Быть может, в старческом уме его
Боролись неизбежность и обида?
От чума не осталось ничего,
Один лишь старый деревянный идол.
И долго дальнорезкие глаза
С немым вопросом на божка глядели.
Лицо вдруг стало темным, как гроза,
На лысине багровой заблестели
Крупницы пота. Он переломил
Трухлявого божка через колено
И, размахнувшись, из последних сил
Швырнул его в крутящуюся пену.
Так он сказал отжившему: «Прощай!» —
На берегу реки, любимой с детства.
И, отправляясь в незнакомый край,
Не взял в дорогу дряхлого наследства.
Двух жизней, двух времен водораздел,
Тепла и стужи яростную схватку —
Все это рисовал я, как умел,
Карандашами расцветив тетрадку.

Нехитрое пестрело полотно
Картинами побед и поражений,
Но лишь большим художникам дано
Тот вечный бой изобразить
в движенье...

Заключение

Пароход идет и пенит волны,
Мечет брызги — золотые бусы.
Осень в бликах утреннего солнца
Влажным воздухом меня поит.
Водяным цветком раскрылся воздух.
Искры-лепестки рассыпал воздух.
Ласковой ладонью-невидимкой
Шевелит он волосы мои.
Он любит себя самым собой,
Этот солнцем расцвеченный воздух!
Пароход, не кашляй и не хмурься,
Черно-бурым дымом не маши!
Он — ребенок в ванне, этот воздух,
Он ручонкой машет, этот воздух!
Без карандаша рисует воздух
Радость человеческой души.
Еду я в училище. Хочу я
Сделаться учителем народным.
Как меня там встретят? Чем приветят?
Что я нового услышу там?
Буду я учиться рисованью,
А потом, весною ледоходной,
Школьников земли моей ненецкой
Научу всему, что знаю сам.
Нарисую им, как тонет идол
В шуме волн и лучезарной пене,
А потом скажу им об отваге
Всех, кто ищет нового пути.
О себе, калеке, расскажу я, —
Пусть меня рисуют на бумаге,
Пусть узнают, как бывает трудно
Слабым в ногу с сильными идти.

Знаю, долго не отдаст природа
Мне ключи от тайн своих великих,
Но летят, летят мои надежды
В ясную заоблачную высь,
И оттуда вижу я картины —
Пестрые ковровые полотна, —
Это над седой равниной тундры
Будущие весны занялись.
До ста лет я проживу в народе,
А когда состарюсь — скажут дети:
Вот идет наш дедушка, наш йри,
Мудрый и глазастый, как сова.
Это он рисует нам в тетрадки
Голубую тундру на рассвете
И ночей полярное сиянье,
Что плетет над тундрой кружева.

Подумайте:

- Сформулируйте тему каждой из частей поэмы. Как части поэмы связаны между собой?
- В чем особенность композиции поэмы?
- Объясните разницу между фабулой и сюжетом произведения.
- Как можно определить жанр поэмы — эпическая, лирическая, лироэпическая?
- Которая из частей поэмы произвела на вас наиболее сильное впечатление? Почему?
- В чем выразились в поэме черты социалистического реализма?

Женщина Ямала

(Отрывки из поэмы)

Века жила она рабынею
И получала за труды
Рубцы — разводы красно-синие,
Побоев жгучие следы.
Но не клонила в страхе голову,
Как недоросток-деревцо,

И оставалось вечно молодо
Ее прекрасное лицо.
Равно бралась она за женское
И за мужское ремесло.
Одoleвало волны дерзкие
Ее отважное весло,
А то в сугробах выше пояса
Под бледнолицею луной
Идет за стадом, и не боязно,
Что волчьи стаи за спиной!..
Но разве в работе только
С мужчиной она поспорит?
Не спишь ты, вздыхаешь горько,
Как ночью вздыхает море;
Как льдинка, весною таешь
При виде ее, желанной,
Хитро обойти мечтаешь,
Поймать, как песка, капканом...
Но будь хоть каким умельцем —
Ее не сманишь из дому,
Если большое сердце
Она отдала другому,
Если назло законам,
Старым, глухим и страшным,
Вечером мчит влюбленных
За горизонт упряжка...
С любимым — в огонь и в воду!
И в старину, бывало,
Она за свою свободу
Несчетно слез проливала.
Словно тугим арканом,
Болями опоясана,
Теряла среди тумана
Звезду путевую ясную,
Рождала на ложе снежном
Теплый комочек малый,
И губы шептали нежно:
— Имя тебе — Ямала!..

Перевод Н. Грудининой

Подумайте:

- Какой зарубежный писатель написал замечательную книгу о законах жизни зверей?
- Почему закон Севера гласит: «Берешь — бери не более, чем нужно»? Почему такого закона нет у народов, живущих южнее?
- Почему северные народы исповедуют дружбу с диким зверем, а не подчинение его себе?

§ 4. Повесть Романа Ругина «Гул далекой буровой»

Повесть Романа Прокопьевича Ругина «Гул далекой буровой» написана в 1984 году. В ней остро поставлена проблема пагубного воздействия добычи нефти и газа на Ямале на природу и жизнь коренного населения. Но каким же образом решается эта животрепещущая проблема в произведении Ругина?

Попробуем разобраться в идейных установках писателя в ту пору, исходя из содержания повести.

События в ней разворачиваются на юго-западе нашего округа, вдоль берегов Оби, где издавна селились ханты. Время действия — 80-е годы, самый разгар нефтеразведки, начало крупномасштабной добычи нефти и газа.

Молодой зоотехник оленеводческой бригады Карыкур и старый пастух Лозар обнаруживают возле священного для ханты озера Воянг Тув стадо оленей, погибших от какой-то неизвестной болезни. Кроме того, там же совершено святотатство — разграблены хантыйские захоронения. Анализ проб, взятых Карыкуром, показывает, что олени пали от просыпавшейся из брошенных кем-то мешков кальцинированной соды, которую животные приняли за обыкновенную соль.

Зоотехник и пастух решают выяснить, кто же является виновником гибели оленей, и обращаются в прокуратуру. Проведенное расследование показывает, что мешки с содой были оставлены на пастбище

по распоряжению начальника нефтеразведочной экспедиции Якова Кулика. Ему грозит серьезное служебное взыскание. В дело вмешивается жена Кулика Айне — женщина-ханты, которую Карыкур когда-то давно любил, однако пока он служил во флоте, она вышла замуж за приезжего. Ради спасения мужа Айне готова пожертвовать своей женской честью, но Карыкур с болью в сердце отвергает женщину, чувство к которой еще не угасло.

В борьбе за правду простым оленеводам помогают директор совхоза Мудрецкий (обратите внимание на говорящую фамилию) и молодой следователь Николай Альбертович. В конце концов за дело берется первый секретарь райкома Беланов, который гарантирует беспристрастное решение всех проблем. Таков вкратце сюжет повести Р. Ругина.

Повесть построена по традиционной схеме социалистического реализма. В таком произведении обязательно должно было доминировать общественное — личные человеческие драмы считались второстепенными и подчиненными интересам коллектива. В данном случае в повести присутствуют обе проблемы: государственная — столкновение интересов нефтегазодобычи с интересами местных жителей и частная — взаимоотношения конкретных мужчины и женщины.

По законам социалистического реализма, герой должен отказаться от личного во имя общественного, и Карыкур ради восстановления справедливости не дает своему чувству выхода.

Что важнее — добыча нефти или спасение оленей? По формальной логике многих тогдашних руководителей, следует пожертвовать региональными интересами ради выполнения общегосударственной задачи. Именно так рассуждает Яков Кулик, разговор с которым пересказывает старый пастух:

— Олени, олени... Что ты, мол, заладил про своих оленей. Можно подумать, большая от них государству польза,

от оленей ваших. Только себя да свое селение и кормите. А мы, мол, геологи, большие государственные задачи решаем, для всей страны дела проворачиваем. Если, мол, отыщем под землей нефть или газ — на ближайшие двадцать-тридцать лет твои олени и вовсе не нужны станут. Что, мяса вам не хватает? Будет вам, говорит, мясо, пожалуйста, государство у нас богатое. И говядину вам на самолетах доставим, и баранов, и свиней там, куриц. Наслаждайтесь, говорит, ешьте, сколько влезет. Я его пытаю, а что, мол, станет через двадцать-тридцать лет, когда подземное богатство кончится? О, говорит, что-нибудь тогда придумают, об этом сейчас рано загадывать. Сейчас, мол, самое главное — это то, что они под землей ищут. А все остальное, мол, дело десятое, никого не волнующее...

А вот высказывания в том же духе самого Кулика:

— Пастбища, пастбища... — нервно передернулся Кулик. — Заладили одно и то же! Ты хоть можешь взять в толк, тундра, — Кулик вплотную придвинулся к нему, водя указательным пальцем, — какой у меня объем работ?! Ты знаешь, сколько буровых надо трубами, цементом, механизмами обеспечить?! День и ночь возить и возить. И по воздуху, и по земле, и по воде. Чтобы ни одна буровая не простаивала. А ты — пастбища! Как будто есть у нас время о ваших пастбищах думать! Нет у нас на такую чепуху времени — страна нефти ждет, газа! Вот как ждет! Нефть и газ! Вот что сейчас главное. А олени ваши — тьфу! — Кулик, словно ему тяжело было дышать, нервным движением рванул молнию надетой под пальто кожаной куртки. — Нефть, нефть, вот что важнее всего в вашей тмутаракани! А чтобы эту нефть и этот газ быстрее добыть, надо как можно быстрее и тайгу вашу, и тундру покорить. Только так!

Обратим внимание на стиль разговора Кулика с Карыкуром. Презрительный тон, пренебрежительные и обидные определения — «тундра», «тмутаракань», любимое слово тех времен — «покорение»... Можно понять хозяйственника, с которого требуют выполнение плана, однако такое решение задачи,

как видит его Кулик, неприемлемо, и партия это хорошо понимает. Надо, как в поговорке, чтобы и волки были сыты, и овцы (то бишь олени) целы. Об этом пишет газета «Правда», которую Карыкур читал, будучи на службе в Вооруженных силах:

Помню, еще когда в армии последний год служил, специальное постановление правительства вышло. В нашей самой главной газете, в «Правде», этот документ напечатали. Я тогда внимательно все прочитал, от первой буквы до последней. Очень хорошо там было написано, как нужно природу Севера беречь. Строго было указано, чтобы озера и реки не загрязняли. И об оленьих пастбищах — тоже там речь была.

Таким образом, выявляется еще одна черта повести как образца литературы социалистического реализма: подчеркивание высшей правоты и руководящей роли коммунистической партии. Отдельные люди могут ошибаться, даже совершать неблагоприятные действия, но партия — никогда, она всегда мудра и все предвидит. Выразителями этой идеи в повести выступают газета «Правда» и секретарь райкома Петр Геннадьевич Беланов.

Уважение к секретарю райкома сквозит в каждом эпизоде с его участием. «Карыкур незаметно разглядывал секретаря, чувствовал, что тот ему нравится: немолодой, голубоглазый, говорит так, ясно сразу — каждое слово у него взвешено».

Именно так должен выглядеть руководящий работник партии: немолодой — значит опытный, голубоглазый — значит русский, говорит веско и доказательно — значит убежден. Р. Ругин со знанием дела описывает партийного начальника, передает характерные обороты его речи: «происшествие на озере Воянг Тув вынуждает нас извлечь определенные уроки», «дадим должную оценку», «примем незамедлительные меры», «еще раз тщательно все проверим». И конечно же, партия во всем разберется и восстановит поправленные права оленеводов...

С точки зрения сегодняшнего знания, все это воспринимается несколько иронично, однако героям того времени было не до шуток.

Отметим еще одну характерную черту литературы социалистического реализма — однозначность авторской оценки персонажей. В основном они нарисованы двумя красками: белой и черной. Безупречно хороши секретарь райкома Беланов, молодой зоотехник Карыкур, мудрый старый пастух Лозар. Им противостоит Яков Кулик: и внешность у него некрасивая, и рассуждает он совершенно неправильно, и в личной жизни он оказывается двоеженцем. Видимо, для того чтобы показать, что и ханты не все идеальны, автор вводит в повествование еще один персонаж: это молодой парень по имени Нятама, который променял родное селение на двухкомнатную квартиру в райцентре и отпустил волосы на манер Аллы Пугачевой (яркая примета эпохи фигурирует и в повести Р. Ругина). Надо понимать, что переселение в городские условия и современный имидж соплеменников не одобряются автором.

Единственным неоднозначным действующим лицом повести оказывается Айне, которая ради спасения мужа пытается соблазнить своего бывшего возлюбленного. Возможно, эта героиня и введена автором в повесть для того, чтобы показать пагубность принятия женщиной самостоятельных решений и отрыва ее от родных корней. Однако именно душевная драма Айне делает этот персонаж по-настоящему человеческим. Другие же герои повести являются, в сущности, не людьми из плоти и крови, а просто носителями той или иной нравственной или политической идеи. Беланов — это рупор партии, старый пастух Лозар — воплощенная мудрость народа, Карыкур — олицетворение будущего ханты, Кулик — средоточие разных пороков.

И все же повесть Р. Ругина имела в свое время важное значение, да и сегодня еще не утратила актуальности. До сих пор не решены проблемы, обозначенные автором.

Вот описание заброшенной буровой площадки (здесь действительно можно говорить о реализме повести):

...Но картина, которая открылась Карыкуру здесь, поразила его. Геологи ушли... И такое оставили после себя!.. Стой и думай: то ли война в этих местах прокатилась, то ли какой-то погром... Под обрывом, недалеко от кромки льда, валялись пустые бочки, некоторые — наверно, не без умысла — были опрокинуты, оставшиеся в них масло и солярка текли, разумеется, по склону — прямо в озеро. Рядом с мелким ельником, почти полностью изуродованным машинами, валялись неопрятной кучей бурильные трубы разного диаметра. Карыкур прикинул на глазок — труб здесь, пожалуй, набралось бы не менее сотни...

«Вот собачий узел! — подумал он возмущенно. — Что, они им не нужны больше? Сам ведь не раз видел, как возят эти самые трубы самолетами. Аж из Тюмени. Кой, кой! Как же так? Ведь чтобы эти брошенные трубы перевезти — рейса три, наверно, понадобилось бы. Это же сколько ухлопано на одну только перевозку? Что за люди здесь хозяйничали?! Какие деньги псу под хвост выбросили!..»

Понятно возмущение молодого северянина, привыкшего очень бережно относиться ко всему — будь то природа или вещи. Описание брошенной буровой заставляет вспомнить повесть братьев Стругацких «Пикник на обочине», по которой был снят известный фильм «Сталкер». В этой повести на Землю опустились инопланетяне, поужинали, оставили после себя кучу мусора и улетели. Однако этот мусор стал для землян страшной, непонятной и опасной «зоной». Писатели словно предвидели реальную ситуацию, сложившуюся на Севере, только в качестве инопланетян оказались геологоразведчики...

Р. Ругин приводит в повести народную легенду-притчу на эту же тему. Будто бы жил в тайге страшный людоед Менг, пожиравший всех, кто ему попадался на пути. Однако и люди, и животные со временем научились скрываться от него. Тогда Менг по-

просил подземного ворона-чародея, пьющего горючую кровь земли, помочь ему добыть пропитание. Тот согласился разлить темную жидкость на поверхности земли, чтобы отравить ею оленей, но предупредил Менга об опасности неумеренности в еде. Однако тот не внял предупреждению, до отвала наелся отравленных оленей и умер. А в это время появился человек и узнал об удивительных качествах горючей жидкости...

Смысл этой притчи также понятен: никто не должен злоупотреблять дарами природы.

Пишет Р. Ругин и о другой беде ханты — уничтожении ягеля, главной пищи оленей, гусеницами мощных вездеходов. Старый пастух говорит Карыкуру:

...— Не пастбища заняли, Карыкур. Нет. Другое тут. Попортили они нам пастбища своими машинами, вот что. И не то что попортили — можно сказать, совсем уничтожили. Вокруг озера Енгта Тув верст на двадцать все кругом избороздили, живого места не сыщешь. Как ножом все исполосовано — страшно смотреть на землю...

Об этом же думает и Карыкур:

Правильно Лозар-аки говорит: накладно для нас, оленеводов, работают буровики, ой накладно. Нас в техникуме учили: ягель, он двадцать пять лет растет. Сколько же теперь ждать-то придется, чтобы сюда опять олешков пригнать можно было?! Верно старик говорит: не жалеют, совсем не жалеют геологи оленье пастбища...

И хотят-то местные жители немногого — не отменить изыскания вообще, они понимают их необходимость, но чтобы машины ездили по строго указанным маршрутам, в обход пастбищ, не отклонялись от наезженной колеи. Однако откуда знать молодому водителю, привыкшему гонять по степи, что значит ягель для оленеводов? Чужды приехавшим из разных уголков Советского Союза обычаи и традиции язычников, для которых священное озеро так же глубоко чтимо, как для православных — храм.

Говорит в своей повести автор и том, как неловко чувствует себя пастух, появившись в райцентре в малице и кисах, как не может понять русский муж Айне, почему теща сидит на полу и толком не умеет управляться с вилкой, и о многих других, казалось бы, мелочах, которые разъединяют людей разных культур.

Волнует писателя и болезненная для малочисленных народов проблема смешанных браков, падение нравственности молодежи. Вот какие размышления вкладывает он в уста Карыкура:

— И что за мода у них пошла? — с какой-то обидой ругался он. — Как увидели приезжего парня — сразу без ума от него... Кто бы он ни был — лишь бы приезжий. Покрутятся с неделю — и тут же замуж. О собачий узел! Как увидела — так сразу же и все, что у нее есть, отдает. А потом кукует с ребенком одна, мучается... Да и замуж если выйдет — тоже не всегда складно. Кой! И ведь детей все они не ханты записывают, другими национальностями, по мужу... Так дело пойдет — нашей маленькой народности, глядишь, совсем не станет... Видел сам, от других слышал, как вели себя с местными девушками мужчины, что понаехали в последние годы сюда, на Север, с Большой земли. Всякая вольность в общении с женским полом почиталась у них за геройство, а местные девушки, воспитанные в старых обычаях, платили искалеченными судьбами за такое приобщение к цивилизации.

Мысли об этом приводят молодого человека к более широким обобщениям:

...Но есть такие — поступают с нашими девушками так же, как с природой... Безо всякой жалости уничтожить лес, перебить зверей и птиц, испортить ягельные пастбища, отравить воду в реках и озерах... Словом, напакостить, а потом убраться. Не свое — оно и есть не свое. А вы там, местные, коренные, как хотите — так и живите... Наверняка такие вот и на людей свое браконьерство бездумное переносят... Взять хотя бы того же Кулика — точно так себя и ведет. А ведь он начальник, завтра его еще выше поднимут.

Ну если уж начальнику так можно, те, пониже которые, — ну не все, конечно, некоторые, — обязательно с него пример брать станут...

Таким образом, повесть Р. Ругина, формально написанная по канонам социалистического реализма, ставит тем не менее весьма злободневные проблемы, не утратившие своей актуальности и в наши дни. Другое дело, что автор, говоря о многих частных вещах, не задается самым главным и кардинальным вопросом: а кто же, если не та самая партия, форсировала освоение Севера и требовала газа и нефти любой ценой? Можно ли было эксплуатировать недра Ямала более рационально и с учетом интересов местного населения?

Весь опыт существования советской тоталитарной системы позволяет дать лишь отрицательный ответ.

Подумайте:

- Как вы считаете, является ли счастливый финал повести жизненно достоверным?
- Согласны ли вы с тем, что общественные интересы должны всегда доминировать над личными?
- Люди, подобные Кулику, были на Севере исключением или правилом?
- Можно ли делить людей на хороших и плохих?
- Почему геологи и нефтеразведчики столь бесхозяйственно относились к оборудованию?
- Можно ли было приказать всем водителям ездить по строго определенным маршрутам и не портить пастбища? Почему это не было сделано?
- Почему люди часто не могут и не хотят понять других? Влияют ли национальные традиции и обычаи на взаимоотношения людей?
- Приходилось ли вам быть свидетелем пренебрежительного и оскорбительного отношения к коренным народам? Какие для этого были основания?
- Чем объясняется столь благожелательное отношение хантыйских девушек к приезжим молодым людям?

- Почему молодые матери-ханты предпочитали для своих детей национальность отца, а не свою собственную?

- Можно ли воспринять достижения цивилизации и в то же время избежать ее негативного влияния?

- Можно ли добывать природные богатства Ямала более рационально, учитывая интересы местного населения? Поясните свой ответ.

Глава 9. Реализм в литературе Ямала

§ 1. Понятие о реализме

Писатели-реалисты, в отличие от романтиков, стремятся представить жизнь такой, какова она есть, с переплетением в ней доброго и злого, благородного и бесчестного, возвышенного и низменного. Они ставят перед собой задачу не уйти от действительности в мир грез и фантазий (что было свойственно романтизму), а отразить все существующие противоречия бытия, объяснить их причины. Основателем реализма в мировой литературе принято считать французского писателя XIX века Оноре де Бальзака, который показал в своих романах огромную роль денег в жизни людей. В русской литературе великими реалистами были И. Тургенев, Л. Толстой, Ф. Достоевский, М. Шолохов.

Стремление реалистов объективно оценить жизнь, понять ее рационально (разумом) отразилось и на их манере изложения. В отличие от романтиков, реалисты стараются добиться точности, обстоятельности, доказательности, поэтому в их произведениях соблюдена мера в использовании художественных средств, а по стилю их произведения нередко напоминают научные трактаты. Реалисты довели до совершенства жанр большого социально-исторического и психологического романов.

Многие считают, что приверженцы реализма показывают жизнь абсолютно точно. Это не совсем вер-

но. Произведения реалистов — не документальные свидетельства, а вымышленный мир. Когда Л. Толстой описывал переживания Наташи Ростовской, он, конечно, не мог доподлинно знать, о чем думает конкретная девушка его эпохи. Писатель всегда обобщает, отбирая самое главное, иногда сгущает краски, иногда опускает некоторые незначительные, с его точки зрения, детали. В литературоведении такой прием называется **типизацией**. Н. Чернышевский называл такой способ изображения действительности «показом жизни в формах самой жизни». И все же не надо забывать, что когда Л. Толстой пишет о войне 1812 года, он дает нам свое видение эпохи, а не предельно объективную картину.

Писатели-реалисты первой половины XIX века в художественной форме доказали, что не только психология, но и политика, идеология, национальная принадлежность играют важную роль в поведении людей. Наиболее проницательные из художников слова пришли к выводу, что даже удовлетворительное воплощение какой-либо из социальных или политических идей не приводит к счастью всего человечества и отдельного индивидуума. Человек слишком многообразен и противоречив, и общество никогда не сможет соответствовать всем его потребностям. Это прекрасно показал в своих романах Ф. Достоевский.

Таким образом, если романтики видели выход в уходе в иллюзорный, фантастический мир или на лоно нетронутой цивилизацией природы, то реалисты пришли к весьма неутешительному выводу о том, что для большинства людей счастье всегда останется недостижимой мечтой. Мир и человек слишком сложно устроены, чтобы можно было достичь гармонии.

Современные писатели Ямала лишь начинают осваивать этот глубокий, затрагивающий суть явлений художественный метод.

Подумайте:

- Как вы понимаете реализм в искусстве?

- Кто был основателем реализма в мировой литературе?
- Назовите русских писателей-реалистов.
- Можно ли сказать, что реалисты показывают мир абсолютно правдиво?
- Какие проблемы интересуют реалистов в первую очередь?
- Может ли воплощение в жизнь какой-либо социальной или политической идеи привести к счастью человека и общества в целом?

§ 2. Трудная правда Анны Неркаги

Анна Павловна Неркаги — человек большого таланта и открытой души. Она написала, может быть, самые оригинальные на Севере книги, а теперь посвятила себя детям своего народа — открыла школу для ненецких ребятишек прямо в тундре и учит их не забывать родной язык и родную культуру.

Повесть «Анико из рода Ного» была написана в 1974 году и сразу поразила читателя жизненной правдой, сказанной писательницей о своем народе. Многие авторы обращались к судьбе коренных народов Севера и раньше, однако в их произведениях проблемы этих народов выглядели облегченными, конфликты разрешались счастливо, в полном соответствии с законами социалистического реализма. Иначе пишет А. Неркаги.

Сюжет произведения предельно прост. Повесть начинается с того, что мать и маленькую сестру ненецкой девушки Анико, которая учится в городе, загрыз волк. Отец Анико, Себеруй, посылает дочери в город письмо с сообщением о смерти матери, но она получает письмо с большим опозданием. Анико летит на вертолете в родное стойбище, встречается с отцом и одноклассником Алешкой, который давно любит ее. Но Анико уже другая, жизнь в городе изменила ее, на многое в обычаях сородичей она уже смотрит ина-

*Анна Павловна
Неркаги*

че, поэтому не может ответить на чувство юноши. Повесть имеет открытый финал: читатель должен сам решить, как сложится дальнейшая судьба Анико.

Однако за внешней простотой повести скрывается глубокое внутреннее содержание. Автор переплетает новое (история Анико) и старое (история отца) в жизни народа и связывает мир людей с миром природы (история волка). Из этих главных, кардинальных проблем бытия ненцев в XX веке вытекает еще очень много частных. Это конфликт «отцов и детей», выбор пути ненецкой молодежью, взаимоотношения с русским миром, деградация народа из-за неумеренного пьянства, отношение к традициям и святыням, драма безответной любви. Но над всем этим в повести возвышается вечная драма человеческого существования — жизнь и смерть.

Теме смерти в повести уделено немало внимания. Это отличает произведение А. Неркаги от произведений других писателей. В советское время не принято было писать о смерти. Считалось, что книги должны

быть оптимистичными, радостными, поднимать дух строителей коммунизма. Однако еще древние римляне говорили: «Memento mori» — «Помни о смерти». Философы считают, что именно смерть придает смысл человеческой жизни. То есть, зная о конечности жизни, человек должен максимально насытить свое краткое пребывание в этом мире существенным и не заменяться на мелочи. Следует также отметить, что у северных народов отношение к смерти особое. Для них это просто переход в другой, Нижний мир, в котором продолжается иное, отличное от земного, существование и контакты с обитателями которого возможны. В повести отец Анико Себеруй идет на кладбище, чтобы поговорить с горячо любимой женой Некочи, а та в свою очередь является мужу во сне.

Проблему смерти А. Неркаги рассматривает на двух уровнях. На первом, реальном, уровне она рассказывает о страшной кончине матери и сестры Анико. В связи с этим в повесть органично вписывается история волка — Хромого Дьявола, как его называют ненцы. Отношение к волку в тундре особое: северяне прекрасно знают повадки этого опасного хищника, но не стремятся всеми возможными способами избавиться от него, как это сделали в Западной Европе, где все волки истреблены поголовно и поставлен памятник Последнему волку. Ненцы считают этого зверя естественным порождением природы и не жалеют для него одного-двух оленей из большого стада. Они знают также, что без причины волк не тронет человека. Нападение на мать и сестру Анико писательница объясняет тем, что когда-то давно молодой сильный волк попал в капкан и для того, чтобы вырваться из него, вынужден был отгрызть собственную лапу. Искалеченный зверь, будучи не в состоянии угнаться за быстрыми оленями, напал на человека. Животный мир не знает намеренной жестокости — есть лишь суровый закон выживания. Об этом законе джунглей писал Редьярд Киплинг:

Убивай для себя и семьи своей:
если голоден, то убей!
Но не смей убивать,
чтобы злобу унять, и —
НЕ СМЕЙ УБИВАТЬ ЛЮДЕЙ!

Человек нарушил «правила игры» и поплатился за это. А. Неркаги приводит в повести дальнейшую историю Хромого Дьявола, наделяя его человеческими чувствами и порывами. Писательница рассказывает об одиночестве и старении зверя, о его желании иметь потомство, о том, как он привязывается к похищенному из другой волчьей семьи волчонку и воспитывает мудрого и бесстрашного волка. Завершается история Хромого Дьявола опять-таки смертью — в схватке верный пес Себеруя Буро и старый волк погибают. Таким образом, А. Неркаги продолжает традицию Дж. Лондона, Ч. Айтматова и многих других писателей, которые посвящали свои произведения этому гордому и сильному зверю.

Тема смерти в повести не исчерпывается историей волка. А. Неркаги подробно описывает погребальные ритуалы у ненцев, рассказывает о посещении Себеруем прибежища смерти — кладбища. Автор говорит также об истории ненецкого рода Ного, многие представители которого умерли от болезней, не выдержав суровых условий жизни:

Люди умирали целыми стойбищами... смерть не щадила ни молодых, ни старых... болезнь поглотила род...

Писательница показывает неизбежность природного закона: уходят из жизни все — богатые и бедные, добрые и злые, люди и звери.

Тема смерти решается автором и на другом, символическом уровне, когда речь идет о гибели не в буквальном понимании, а в метафорическом. А. Неркаги затрагивает проблему духовной деградации своего народа, показывая страшные последствия неумеренного пьянства ненцев, которые физиологически не приспособлены к потреблению «огненной воды».

«Смерть в душе» (выражение Б. Пастернака) показана в первую очередь на истории Анико. Налицо мотивы разрыва, распада, в сущности, умирания чего-то очень важного в душе героини: рушится связь с соплеменниками и родителями, с национальными традициями, обычаями и даже языком.

Описание приезда Анико в родное стойбище — наиболее впечатляющий эпизод повести. А. Неркаги смело говорит о том, что обычно в литературе северных писателей стыдливо замалчивалось: о негативных чертах жизни собственного народа, об упрямом исполнении старинных обычаев, неприемлемых в условиях современной цивилизации.

Попав в стойбище, девушка как бы со стороны, с точки зрения человека, впитавшего культуру большого города, смотрит на своих сородичей. Писательница подчеркивает состояние неловкости, мучительной внутренней раздвоенности героини, уже привыкшей говорить по-русски и не решающейся ответить родственникам на родном языке. Это вызывает непонимание и взаимное отчуждение. Вековые традиции Анико воспринимает с плохо скрываемым отвращением, когда, например, ей предлагают есть сырую печень и пить теплую оленью кровь. Еще более мучительным становится для нее общение с самым близким человеком — отцом, от которого противно пахнет табачным перегаром и грязным телом. Забывание, подобное смерти, происходит и на могиле матери, когда девушка не может уже представить себе ее лица. Своим поведением, сама того не желая, Анико убивает чувство к ней Алешки — парня из стойбища, полюбившего ее еще в интернате, но сердцем почувствовавшего невозможность их союза.

Отчуждение к близким Анико переносит на весь род, весь народ, который она осуждает с юношеским максимализмом за необразованность, неухоженность, несоответствие его существования нормам городской жизни. Но в то же время в глубине души девушка понимает свою кровную связь с этим народом, необхо-

димось и даже обязанность быть рядом с сородичами — и это становится причиной глубокой душевной травмы. Анико улетает из стойбища, а вернется ли она — это покажет будущее ¹.

Однако не следует думать, что повесть А. Неркаги насквозь пессимистична. Писательница находит скудные, но очень выразительные художественные средства для изображения торжествующих сил жизни. Такова, например, история оленя Тэмуйко, вскормленного грудью матери Анико, Некочи. Брошенный оленихой малыш не умел еще сам добывать себе пищу, и женщина выпоила его своим молоком. Вспоминается история киплинговского Маугли, только перевернутая наоборот. С другой стороны, это яркая аллегория единения человека и природы.

Так же не случайна финальная встреча Алешки и волка — «приемного сына» Хромого Дьявола. Молодой мужчина и молодой волк как бы перенимают эстафету у воспитавших их стариков и смело смотрят в будущее. Человек и зверь оказываются связанными некой особой природно-мистической силой. Алешка увидел во взгляде волка «что-то человеческое и проникся уважением к молодому волку, который ушел с таким достоинством». Известно, что отношения человека и волка всегда были сложны и противоречивы. Не случайно существует так много книг и фильмов о превращении человека в волка и наоборот (о так называемых оборотнях). Не об этом ли пишет А. Неркаги?

Алешка опешил. Он не мог видеть волчьего взгляда, но чувствовал... он мог поспорить, что видел этот взгляд. В нем было что-то человеческое, и уже не жалкое, а решенное...

Встреча двух молодых, сильных, независимых натур — волка и человека — является кульминацией и одновременно завершающим аккордом повести. Она

¹ Анна Неркаги наделила образ Анико рядом автобиографических черт: она в своей жизни пережила подобную драму и в конце концов вернулась к родному народу.

символизирует трудное, но свободное бытие человека в постоянной борьбе и единении с природой, олицетворенной в молодом волке. Редьярд Киплинг сказал об этом очень выразительно:

Что племя, родина, род,
если сильный с сильным
лицом к лицу
у края земли встает!

Подумайте:

- Почему в советское время не было произведений, остро ставящих проблемы коренных народов Севера?

- Должен ли писатель в своих произведениях открыто говорить о недостатках собственного народа? Можно ли в этом случае назвать его патриотом?

- Почему в советской литературе было не принято писать о смерти?

- Как вы понимаете высказывание: «Лишь смерть придает смысл жизни»?

- В чем специфика отношения к смерти северных народов?

- Многие люди мечтают о бессмертии, но можно ли позавидовать тем, кому предстоит жить вечно?

- Правы ли те защитники природы, которые говорят, что волков надо беречь, потому что они являются своеобразными «санитарами» леса?

- Читали ли вы знаменитую «Книгу джунглей» Редьярда Киплинга? Как звали волчицу в этом произведении? Какие еще произведения этого писателя вы знаете? Помните ли вы историю Маугли?

- Назовите произведения известных писателей, в которых речь идет о волках.

- Чем привлекает людей волк? Видели ли вы живого волка? Почему существуют предания о превращении людей в волков, а, например, не в зайцев?

- Бывало ли вам стыдно за своих близких или родственников?

- Как вы думаете, почему ненцы едят сырую печень и пьют теплую оленью кровь? Это традиция или жизненная необходимость?
- Можно ли осуждать человека за то, что он не так, как принято у других, одет?
- Как, по-вашему, должна была поступить Анико — остаться в стойбище или вернуться в город?
- Как вы понимаете слова Редьярда Киплинга, помещенные в конце параграфа?

Анико из рода Ного

(Отрывок из повести)

...Анико прыгнула с нарты. Повернувшись к чумам, увидела маленького человека. Он шел к ней спотыкающейся, суетливой походкой.

...«Отец!» — мелькнуло в голове, и сразу же пришли страх и недоумение. Вот этот совсем незнакомый невзрачный старичок и есть ее отец? Его надо обнять, собрать крупицы чувства, некогда жившего в ней, полюбить, считать самым родным человеком? Она растерялась, зачем-то схватила с нарты портфель, выставила его перед собой, словно хотела защитить себя или оттолкнуть того, кто спешил к ней. Когда отец подошел вплотную, она невольно сделала шаг назад: от старика тяжело пахло дымом, табаком, грязным телом. Себеруй не замечал ничего. Он два раза провел ладонью по своей грязной малице, будто вытирал ее, и протянул перед собой руку.

Но Анико не ответила на приветствие. Она со страхом смотрела на черную малицу отца, на его спутанные, сальные волосы, морщинистое лицо, грязные руки и чувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Себеруй не видел состояния дочери. Все отцовское, исстрадавшееся в одиночестве и горе, торжествовало в нем, радовалось, тянулось к Анико, которая приехала к нему, хотя и стала большим человеком. Он не смутился, когда Анико не пожала руку, наоборот, даже рассердился на себя, что только руку подает, а не целует свою дочь.

Себеруй неловко потянулся вперед, и тут Анико увидела на его усах что-то черное, мокрое. «Табак», — поняла она. Отстраниться не успела и лишь закрыла глаза, когда губы отца коснулись ее щеки. Портфель выпал, больно ударив по колену.

Отец, стыдясь своего волнения и радости, отвернулся. Анико выхватила из кармана платок, вытерла щеку. Алешка, стоявший неподалеку, не поверил своим глазам. Можно надеть чистое красивое пальто, пахнуть духами, но чтобы так... стирать отцовский поцелуй, будто плевков! Он подошел поближе, захотел увидеть лицо девушки. Может, глаза наврали и не было ни платка, ни омерзения. Подошел и померчал. Да, глаза ее суетились, в них еще не погасло отращение...

...Рядом с отцом было неловко, потому что надо было его любить, а любви нет, есть только жалость. Анико всякий раз вздрагивала, когда отец касался ее рукой или полы его малицы задевали ее пальто. Не было легче и среди женщин. Они радостно суетились вокруг стола, посматривали на портфель, видимо, ожидая подарков, угощали торжественно, со смешной важностью. Мясо брали руками, подкладывали поближе к чашке Анико. Она снова чувствовала тошноту, смотрела исподтишка — чистые ли платья у женщин, тарелки, руки. И тот же запах табака, псины, прелой кожи, сырости. Хотелось выйти на улицу. Еле выпила одну чашку, радуясь, что женщины молчат. Откуда ей было знать, что разговор за гостем, а за хозяевами — стол...

...Анико сидела рядом с отцом на нарте, наблюдала за приготовлениями. Повернулась к отцу. Он нюхал табак. Вспомнила вчерашнюю встречу с ним, грязные усы, свое отвращение и ужас. Стало стыдно за себя, и Анико опустила глаза. Увидела, что пальто в шерсти. Испугалась: а вдруг и вши есть? Хотела сорвать пальто, выбить его о снег. Удержалась. Сделать так — значит опять оскорбить отца.

Анико осталась сидеть, только сжалась и незаметно подобрала под себя полы пальто.

Около оленьих туш стали собираться соседи.

Поднялся и отец.

— Пойдем.

«Отказаться? Нет. Получится нехорошо».

Они прошли к месту пира. Перед ними расступились.

Анико неловко села на корточки. Отец подал ей нож с тонким лезвием. Анико поискала взглядом хлеб, но не нашла.

«Хоть бы немножко съесть».

Себеруй подал дочери кусочек сырой печени. Он вспомнил, что маленькая Анико очень любила печень; покойная жена, бывало, забирала ее всю и солила, чтобы потом давать дочери.

Анико густо посолила кусочек, стараясь выглядеть спокойной. Рот был полон соли, и все же запах крови чувствовался сильно. «Надо выдержать, надо выдержать...» — думала Анико.

Когда с куском печени было покончено, все заулыбались, да так приветливо, что Анико чуть не заплакала. Значит, переживали за нее, понимали.

А гости уже ели. То, что губы и подбородки были запачканы кровью, теперь не казалось противным, а вся картина праздника дикой. Ненцы питались так испокон веку, и, может, еще много лет пройдет, а сырому мясу они по-прежнему будут отдавать предпочтение.

Алешка отгонял оленей на пастбище, но сцену с кусочком печени застал и обрадовался за Анико.

Анико больше не ела, а, устроившись поудобней, смотрела на земляков и старалась понять, как они могут жить тут. Ни кино, ни театров, ни книг. Чем они живут? Задумывался ли кто-нибудь из них, ради чего он появился на свет? Маленькие, некрасивые, а круглые капюшоны малиц делали лица мужчин похожими на физиономии каменных идолов, которых Анико помнит с детства... Сейчас Анико поразило не столько внешнее сходство людей с теми идолами, сколько общее выражение значительности и достоинства на лицах ненцев и их каменных богов. Должно быть, сидящие перед ней знают что-то очень важное и основное в жизни, чего не знает она, иначе не вели бы себя так спокойно и уверенно...

Подумайте:

- Пользуясь каким художественным приемом, автор передает переживания своей героини?
- Найдите эпитеты, которыми автор наиболее часто наделяет жителей стойбища?
- Почему отец не заметил смущения и отчуждения дочери?
- Какую роль играет в описании встречи с отцом портфель Анико? Что он символизирует? Почему он падает из рук девушки?
- Правильно ли сделала Анико, стерев платком следы поцелуя отца?
- Почему Анико не испытывала любви к отцу?
- Почему ненецкие женщины кажутся Анико смешными?
- Почему женщины молчали за столом?
- Почему Анико не могла отказаться от угощения?
- Почему в детстве Анико нравилась сырая печень, а во время трапезы она с трудом проглотила маленький кусочек?
- Почему все заулыбались, когда Анико съела кусочек печени? Что значило это для сородичей Анико?
- Почему после этого картина кровавой трапезы уже не казалась Анико дикой?
- Так ли важны в жизни кино, театр и книги, как это кажется Анико?
- Что поразило Анико в лицах своих сородичей?
- Почему на лицах ненцев было выражение достоинства и значительности?
- Что важное и основное в жизни знали соплеменники Анико, чего не знала она?

Глава 10. Модернизм в литературе Ямала

§ 1. Понятие о модернизме

В XX веке возникает новое направление в литературе, которое получило название **модернизм** (от английского слова *modern* — новый, современный). Пи-

сатели этого направления действительно претендуют на последнее слово в понимании мира и человека.

Опираясь на те выводы, к которым пришли писатели-реалисты, модернисты в своих пессимистических взглядах на мир идут еще дальше. Если реалисты часто были склонны винить во всех бедах человека тот общественный уклад, в котором он оказался, то модернисты считают, что дело в самом человеке, в его изначальной греховности и неспособности к гармоничному сосуществованию с окружающим. Так, например, французский писатель Альбер Камю в своей повести «Посторонний» показал неплохого, в сущности, человека, который принципиально не хочет мириться с лицемерными правилами, установленными обществом, и закономерно гибнет.

Приверженцы модернизма считают, что стремление подчинить все реально существующее на Земле человеческой логике абсурдно, бессмысленно, что мир и человек живут по принципиально различным законам и лишь с большим трудом им удается как-то приспособиться друг к другу, да и то далеко не всегда. Отсюда войны, убийства, преступления, насилие, которые все больше заполняют нашу жизнь. Этот модернистский вывод особенно рельефно подтверждается современной российской действительностью.

Модернисты делают еще один нелицеприятный для человечества вывод: в своих стремлениях и поступках люди руководствуются чаще всего не разумом и даже не чувствами, а подсознательными импульсами, главными из которых являются половой и разрушительный инстинкты. Отсюда эротизация и стихия насилия, которые в последнее время повсеместно захлестнули общество, искусство, средства массовой информации.

Поскольку писатели-модернисты считают, что в мире нет каких-либо устойчивых закономерностей, то и в их собственных творениях очень трудно разобраться: они алогичны, фрагментарны, скандальны (вспомним хотя бы романы Э. Лимонова или расска-

зы В. Сорокина), насыщены непристойными и жестокими сценами, в них нередко используется так называемая ненормативная лексика.

Однако не следует думать, что модернизм есть совершенно упадническое, декадентское направление в искусстве и литературе. Да, у модернистов весьма пессимистический взгляд на человека и общество. Но это не означает, что человек в их произведениях сведен до уровня животного, скорее, он может быть и тем и другим (и ангелом, и сатаной) в зависимости от самых разных факторов и обстоятельств. Свою роль тут сыграло и то, что в XX веке очень многие отказались от веры в Бога и от религиозных заповедей и решили, что им все дозволено — и преступление, и насилие, и унижение своего ближнего. Сложность и противоречивость современной жизни требуют от человека иногда очень больших усилий для того, чтобы оставаться Человеком с большой буквы.

В конце XX века появилось еще одно культурологическое и литературоведческое понятие — **постмодернизм** (то есть то, что следует за модернизмом, продолжает его). Дать четкое определение этому явлению затрудняются даже серьезные ученые, однако можно сказать, что постмодернизм — это попытка выйти за пределы эстетики модернизма, пойти еще дальше в открытии новых приемов изображения жизни и человека в постиндустриальном, информационном обществе. Ведь всем понятно, что компьютер и компьютерные технологии кардинальным образом изменили нашу жизнь, уже трудно четко определить, где кончается реальный и начинается так называемый виртуальный, вымышленный мир. Писатели-постмодернисты создают произведения, отражающие происходящее. Некоторые из них уже пишут свои романы в сети Интернет, куда каждый может войти, став участником воображаемого действия. Остальные публикуют их в традиционной, книжной форме, но и они уже не навязывают свое мнение, а предлагают читателю додумать, выбрать один из возможных ва-

риантов развития действия, вовлекая его в своеобразную игру, в которой на равных фигурируют автор, читатель и персонаж. Например, роман английского писателя Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» имеет несколько концовок. Читатель может выбрать ту, которая кажется ему наиболее достоверной или привлекательной.

Подумайте:

- Как вы считаете, подчиняется ли окружающий нас мир законам логики? Можно ли понять его разумом?
- Мир скорее хорош или скорее плох?
- Согласны ли вы с такой точкой зрения: «Мир таков, каким мы его видим, каким мы его выбираем»?
- В чем причина роста преступности и терроризма?
- Что играет доминирующую роль в поведении человека — разум, чувства, инстинкты?
- Должен ли писатель показывать мир во всей его неприглядности и беспорядке?
- Можно ли писать в наше время так, как писал А. Пушкин или Л. Толстой?
- Согласны ли вы с тем, что даже в самом реалистичном произведении, в котором нет фантастических или сказочных элементов, все равно предстает вымышленный мир творца, что писатель не воссоздает действительность такой, какова она есть, а предлагает нам иллюзию правды?
- В чем принципиальное различие между чтением книги и просмотром телепередачи?

§ 2. О повести Анны Неркаги «Молчащий»

В современной литературе Ямала некоторые черты модернизма прослеживаются в творчестве ненецкой писательницы А. Неркаги, в ее сложном произве-

дении — притче «Молчащий». Писательница намеренно смешивает в нем прошлое и настоящее, реальность и фантастику, вымышленные и мифологические персонажи, показывает сцены насилия и пользуется иногда ненормативной лексикой. Во вступлении к повести она объясняет свой творческий метод, который базируется не на познании мира разумом, а на интуитивном откровении. Там же она излагает весьма пессимистический взгляд на мир и человека.

Посвящение

Я боюсь предсказывать. Заметила, что предчувствия мои сбываются. Это обязывает быть осторожной со Словом, особенно с тем, что приходит в душу в минуту ни с чем не сравнимого волнения, схожего со странной болезнью: ум разгорячен, внутренний взор видит то, что в обычном состоянии вовсе не заметно. Тогда можно сказать все. Ум ловит малейшую пылинку мысли, но силу глаз я не помню. Своих глаз не помню вообще, будто слепая. И букв, слов, строчек — ничего не видно. Есть только пульсирующая мысль, живое дыхание того, что написано и что понято.

Бывает жутко, когда задумываешься о том, что кто-то ведет твой ум и душу. Выполняет волю, облеченную в слово, сказанное в неистовом состоянии болезни. Так только могу назвать бред души, нападающий на меня в иные минуты.

Не дай Бог, если этим Словом подписываю невольно приговор своему маленькому народу, который я люблю. Дьявол или Бог мной руководит, сказать не могу. Если Бог, то воля его. А если дьявол? Тогда я боюсь... до содрогания своей мысли.

...Я вижу впереди крах. Крах придет ко всем. Не рак, не СПИД, а совсем иная болезнь угрожает нам. В нас начала гнить Душа. Как может гнить любой орган нашего бренного тела: печень, легкие, почки...

Начало краха ненцев я вижу в жестоком убиении оленя. Ненец перестал видеть в олене своего брата по жизни, а видит лишь кусок мяса для утоления голода и тщеславия. Но голод всегда был предвестником смерти.

...Когда срубишь дерево, некоторое время в нем продолжает двигаться сок-кровь. Испорченный ствол из последних сил питает свои ветви, дает тень, бледнеющую изо дня в день, и наконец иссыхает, медленно, без видимой глазу агонии.

Вот так же погибнет и народ. Мы убеждаем и себя, и его, что он жив, здоров, благоденствует. Между тем это будет лишь тень.

То будет так... Не со злорадством говорю это, но с печалью.

Пусть я ошибусь. Пусть мои слова останутся бредом больной Души. А ниже написанное — плодом минутного отчаяния.

Подумайте:

- Найдите в тексте слова, написанные с заглавной буквы, и объясните, почему автор это делает.

- Почему А. Неркаги сравнивает процесс творчества с болезнью, бредом?

- Что же руководит писателем в момент творчества — разум, чувства, интуиция? Может быть, Бог, дьявол?

- Почему писательница впереди видит крах? Не сгущает ли она краски?

- Как вы понимаете слова «гниение Души»?

- Почему началом деградации народа автор считает жестокое убийство оленя? Разве ненцы испокон веков не убивали оленей?

- Может ли писатель предвещать крах собственного народа?

- Имеет ли писатель право на ошибку?

О Скопище

...Далеко от Потерявшей Имя Свое ¹, в глубь Земли, в сторону больших и малых лесов, есть Скопище. Только так можно назвать общество, в котором живет много блед-

¹ Так писательница называет треххребтовую гору, которая некогда могла быть священным местом.

нокожих, затравленных, неопределенной нации людей. Скопище походит на огромный муравейник. Вернее, не совсем так, ибо в муравейнике есть порядок и закон — труд. И в нем муравей-труженик тащит былинку и травинку именем труда, но Скопище...

Ужасное Скопище можно сравнить с прорвой червей, поедающих нечистоты, а после набрасывающихся друг на друга. Как выросло Скопище, говорить больно. В нем живут скопийцы, потомки людей, населявших землю во времена, когда корнем человека в жизни был труд. А силу, гордость и смысл бытия составлял олень — животное о четырех ногах, с коротким пушистым хвостом, с удивительно красивым теплым мехом различных расцветок — от иссиня-черного до легкого голубого, как утренний туман над озером.

Венцом величия оленя были рога. Они росли на голове животного ранней весной, вместе с лучами поднимающегося солнца, нежными ростками пробивались сквозь мех и постепенно из розово-пушистого отростка превращались в дивно крепкую кость, со множеством грациозных ответвлений. Так рождается только песня. А рога были песней оленей, как говорили предки скопийцев. Люди и олени жили одной жизнью. Были настолько связаны, что смерть одних повлекла за собой физический и нравственный крах других.

Скопийцы живут кто в чем. У иных дома с большими глазами-окнами. В них зимой холодно, как на лесной поляне. Другие обитают в маленьких полуслепых избушках, согнутых низко к земле. Самые старые из скопийцев живут в жилищах, каким трудно и невозможно подобрать имя. Не дома, не избы, не палатки, а странные жилища в форме конуса, поставленные на землю вверх острием. Они ветхи, и покрытия их рвутся при сильном ветре, словно худая бумага. Хозяева их жалки, бедны и нищи. Но любят свои жилища и из последних сил латают чем попало образующиеся на них дыры. Зимой почти не выползают на свет, подобно кротам, обитающим под землей. Молодые скопийцы смеются над ними и учат этому своих детей — маленьких скопят.

Кроты живут отдельно, на самой плохой земле, в низине у берега озера. Тут земля мокра и чавкает от сырости,

а зимой в морозы тверда, как асфальт. Эти скопийцы одинаково стары и отличаются от всех. Часто сойдясь в одном конусе, они сидят тесно, плечо к плечу, поджав под себя ноги, уронив на грудь седые головы, и часами глядят в глаза Огня. Их лица выражают скорбь и память. Мужчины-скопийцы кладут при этом руки на ножны, висящие у них на боку, — единственное, что осталось у них от прошлого. Пальцы их дрожат.

Женщины-скопийки в черных изодранных одеждах сидят жалкой кучкой по другую сторону Огня. Они не поднимают глаз. Ветхий полог конуса стережется одной из скопиек. Часто высовывая голову наружу, скопийка пугливо прячется обратно. Она стережет вход...

Подумайте:

- Что по форме и стилю напоминает представленный отрывок — сказание, предание, миф, былинку?

- Можно ли понять и по каким признакам, о каком народе идет речь в повести? О какой «неопределенной нации людей» говорит автор и почему так их характеризует?

- Почему автор зашифровывает свой текст, почему не называет своими словами то, на что намекает?

- Как называется литературный прием, когда вместо прямого обозначения предмета дается его описание? Найдите это описание в тексте.

- В повести используется прием контраста. Что противопоставляется друг другу?

- Подберите синонимы к слову «скопище». Какую эмоциональную окраску оно имеет?

- Какие слова в тексте кажутся чужеродными, случайно попавшими в повесть из другой эпохи и цивилизации?

- По каким признакам можно отнести этот текст к модернистской литературе?

Катастрофа

Прошло после этого совсем немного времени, и крошечная тьма опустилась на Скопище. Будто не одно, а несколько неб, тяжелых, мрачных, застывших в исступленной злобе, нависли над землей, грозя своей тяжестью и гневом раздавить, уничтожить... Еще через час застывший в неподвижности воздух стал постепенно нагреваться, будто там, наверху, за семью небами, нависшими над грешной землей, разгорелся чудовищный пожар. И только эти плотные, слипшиеся небеса не дают упасть и посыпаться кускам огня, пыли и искрам. Не жара, а удушающая духота нависла над Скопищем, и скопийцы заметались в ужасе. Многие упали на землю, прижавшись лицами к прохладным еще телам хилых трав, и дышали запаленно, набирая в задыхающиеся легкие воздух, отнимая его у детей земли. Вот когда они стали похожи на червей. В темноте, наползая один на другого, шарахались беспомощно, затаиваясь в высокой траве, подобно змеям. Иные, что были послабже, упали без дыхания. Другие вопили, и постепенно в душной темноте настроился тоскливый вой. Заживо замурованные, лишенные малой толики воли, скопийцы отдались отчаянию, но никто из них не обратился к небесам. Ни из чьих уст не раздалось, кроме воплей и боли, ни капли раскаяния. Ни в ком не поднялся великий неистребимый дух и не призвал погибающих встать на хлипкие колени и возопить... возопить о прощении и милости. Ничья душа не зарыдала от жалости и любви к скопийским детям. Они гибли от жары и страха... Спасись! Любой ценой спасись! Никто, ни один не осудил себя за грязь, за духовное ничтожество, за поругание чести и достоинства жизни...

И тут... случилось то, чего никто не мог и предугадать. Скопийское тело и душа, закаленные в бездуховности, выдержали давление неба, душность темноты и отсутствие солнца. А машины — нет. Враз, как единый гром, раздался вдруг взрыв неимоверной силы. Множество искр вскинулось в воздух. Это лопнули и погасли светила. Остановились, замерли и умерли машины, дающие свет и воздух. Скопийцы не успели и вздохнуть. Многие из них погибли в тот же миг. От страха, от ярких вспышек огня ослепли и

просто сгорели от мгновенно занявшихся мелких пожарищ, тут же заглохших от нехватки воздуха. Скопище погрузилось во тьму...

Подумайте:

- Что напоминает вам приведенный отрывок?
- Что означает слово «апокалипсис»? Из какой великой книги оно к нам пришло?
- Какие события современного мира могут быть сопоставлены с тем, что описывает автор? Знаете ли вы о Чернобыльской катастрофе, о событиях в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года?
- Каким образом автор связывает прошлое и настоящее?
- Чем писательница объясняет катастрофу? В чем вина людей?
- Найдите в тексте просторечные слова. Зачем, по вашему мнению, писательница использует их в повести?

Глава 11. Тема трагического прошлого в литературе Ямала

§ 1. Трудная судьба писателя

Юрий Николаевич Афанасьев родился в 1940 году в поселке Питляр Ямало-Ненецкого автономного округа. Его судьба оказалась тесно связанной с трагическими событиями коллективизации в нашей стране. Родители Ю. Афанасьева были высланы на Ямал с юга Челябинской области как кулаки, хотя под эту категорию «врагов народа» чаще всего попадали трудолюбивые русские крестьяне, у которых в доме и на подворье был относительный достаток.

Вот как сам Юрий Николаевич пишет о том страшном времени в книге очерков «Однажды наступив на грабли...»:

*Юрий Николаевич
Афанасьев*

Я там [в Питляре] родился на лесозаготовках, в апреле. Отец с матерью по пояс в мокром снегу пилили лиственницу «дружкой» — пилой с двумя деревянными ручками на концах. Вдруг ствол треснул — и лесина пошла в сторону. Отец чудом успел вытащить мать из сугроба — и комель ухнул, подскочив метра на 2—3 вверх. Здесь мать и родила меня. Ведь раскулаченным не положены были декретные отпуска...

Отца с матерью брали ночью (все темные дела творятся ночью!). Они только поженились. Матери всего-то было 17 лет. Отец играл своей Анютке песни на гармонике, когда ТЕ пришли...

За два часа хутор стал пустым. Еще несколько дней ревел голодный скот да выли собаки. Люди боялись к этому месту подходить.

Далее Ю. Афанасьев рассказывает, как ссыльных привозили на Ямал:

Осенью приволокли баржи, набитые людьми — взрослыми и детьми. Закупоренные баржи, даже воду раскула-

ченным выдавали по норме. Случилось это ночью. Река застывала, поднялся шторм. Все баржи срезало льдом и разнесло в щепки. Ненцы успели спасти из ледяной воды 15 человек.

...Приехали из НКВД. Воткнули на пустыре палку и сказали: сможете устроиться до осени, будете жить, не сможете — туда вам и дорога...

А вот зарисовка о том, как жили ссыльные:

Нас было девять детей. Уходя на работу, малышей за ножки привязывали ремнями к топчанам. Мама как-то рассказывала, что кормила ребенка грудью в обеденный перерыв и нечаянно вздремнула. На пять минут опоздала на работу. Над ней устроили настоящее судилище. Призывали к голосованию, чтобы отправить «проклятую кулачку» по этапу. Спас сам начальник, который долго уговаривал рассвирепевшую толпу, хотя это было небезопасно.

После смерти Сталина ссыльных (а на Ямал, кроме русских, были также сосланы немцы из Поволжья, украинцы с Западной Украины, финны, калмыки и представители многих других, чем-то не угодивших вождю народов) стали постепенно отпускать в родные края. Однако некоторые так и остались на Ямале. Среди них и Ю. Афанасьев.

Подумайте:

- Почему люди, продуктивно работавшие на своей земле, не устраивали советскую власть?
- Почему в 1930-е годы почти все советские люди молчали, хотя и знали о беззакониях и жестокостях, творившихся в стране, и даже пели песни о прекрасной жизни в СССР,— только из страха перед карательными органами или по какой-то еще причине?
- Почему толпа требовала сурового наказания для женщины, кормившей ребенка и на 5 минут опоздавшей на работу? Неужели люди так жестоки?
- Какие еще факты бесчеловечности сталинского режима в нашем округе вам известны?

- Затронули ли сталинские репрессии вашу семью?
- Возможно ли в настоящее время повторение тех событий?

§ 2. Рассказ-быль Юрия Афанасьева «Две ели»

Одним из лучших произведений Ю. Афанасьева является рассказ-быль «Две ели». Речь в нем идет о далеком прошлом, однако актуальность рассказа со временем не уменьшилась, поскольку в основе его вечные проблемы: любовь, отношения родителей и детей, сосуществование разных народов, моральный выбор человека.

История любви русской девушки Оксаны и хантыйского юноши Едука вполне может быть названа трагедией ямальских Ромео и Джульетты.

Рассказ начинается с того, что автор, путешествуя по Северу, однажды увидел на высоком берегу Оби две ели, заботливо огороженные штакетником. Молодая уже женщина тщательно красила заборчик голубой краской. От нее-то писатель и узнал грустную историю любви дочери русского волостного старосты и молодого оленевода-ханты. Сама женщина имела непосредственное отношение к этой истории, а две ели, о которых она заботилась, стали символом неувядаемости настоящего, глубокого человеческого чувства.

Ниже приводим отрывок из рассказа.

...Едук начал говорить и со страхом заметил, что язык, как бревно-топляк, не поворачивается, не слушается его. Оленевод взмок, струйка холодного пота покатила за шиворот. Едук говорил и с отвращением слушал себя как бы со стороны. Ему невольно было от своих кислых, ватных слов...

Вдруг [хозяина дома] словно звоном оглушило:

— Папа, мы хотим жениться.— Оксана взяла Едука за руку.

Повисла гнетущая тишина. Как кожа полузадушенного тайменя, пятнами пошло лицо у старосты. Он начал икать.

— Мать! — полушепотом прохрипел хозяин.

Из-за ситцевой занавески вышла сухонькая покорная жена. Она еще больше сжалась, предчувствуя беду.

— Мать! — угрожающе повторил староста, приходя в ярость и начиная соображать, что от него требуют.— Это ты изродила подарочек?! — ткнул тяжелым коротким пальцем в грудь дочери.— Спасибо тебе великое! — издевательски ощерился на бледную жену.

Озверев, староста метнулся по горнице. Жена как-то легко и покорно отлетела в угол. Не подымаясь, на корточках обратилась к лику полуоблупившейся иконки:

— Господи всевидящий, угомони его! Не дай беде стрястись в этом доме!.. Господи, услышь меня!..

Отшвырнув ремень из сыромятины, староста намотал толстую косу дочери на руку и поволок ее к стене.

— Гимназистка сопливая! Своевольничать?!

Едука трясло, как молодого лося во время гона. Желваками скручивались мышцы под одеждой. И когда он увидел стекающие по извести на стене струйки крови, разум его помутился. Едук чувствовал, что еще мгновение — и он вопьется зубами в мясистую шею старосты. Но, рожденного в тундре, его удерживала заповедь: все, что в чужом чуме, принадлежит хозяину. Нарты, тынзян, олень, даже женщина. Ничего нельзя брать без спроса.

— Тварь такая!.. С идолопоклонником связалась!.. Креста на тебе нет, безбожница!.. По кругу пуцу в казарме!..

Едук вышиб дверь на улицу...

Подумайте:

- О каком времени идет речь в рассказе? Аргументируйте свой ответ примерами из текста.

- Объясните значение слов «топляк», «тынзян», «горница», «таймень», «староста».

- Почему герой рассказа так волновался, обращаясь к отцу любимой девушки?

- Какой литературный прием использует автор, называя слова Едука «кислыми, ватными»?

- Что, по-вашему, в первую очередь возмутило отца невесты — имущественное неравенство, национальные предрассудки, различия в вероисповедании?

- Возможен ли подобный отказ в настоящее время?

- Возможно ли столь грубое и жестокое отношение к дочери в наши дни?

- Какими словами автор подчеркивает зверскую жестокость старосты?

- Как вы объясните поведение матери? Многим ли отличалось отношение к женщине в русских и хантыйских семьях?

- Почему Оксана пошла против воли отца? Случайно ли упоминание в тексте о том, что она гимназистка?

- Могла ли поступить так, как Оксана, девушка-ханты?

- Почему герой сдержал себя и не вступился за любимую? Правильно ли он поступил? Как автор объясняет его поведение?

- Как бы вы поступили в подобной ситуации?

- Как вы думаете, как сложилась судьба Едука и Оксаны в дальнейшем? Проверьте свое предположение, прочитав весь рассказ.

§ 3. Повесть Николая Дудникова «Концлагерь Комариный»

Догнивают нестройно столбы,
и «колючка» ржавеет и гнется.
Обживают «запретку» грибы,
и на взгорке брусника смеется.
Молчаливые горы глядят
на забытый, заброшенный
лагерь...

Дал бы Бог не вернуться назад,
в обновленные эти ГУЛАГи.

*П. Кожевников.
Харбейский лагерь*

Николай Федорович Дудников — известный в стране журналист, автор многих художественных книг как для взрослых, так и для детей.

В книге «Концлагерь Комариный» (2001) писатель обращается к трагическим моментам истории России XX века. Еще живут в Салехарде люди, имевшие прямое отношение к печально знаменитой 501-й стройке — сооружению железной дороги, которая должна была стать сухопутным аналогом великого Северного морского пути, соединить отдаленные районы всего Российского Севера в единую транспортную сеть. Частью этой дороги ныне пользуются многие салехардцы, отправляющиеся из города Лабытнанги в Москву.

Необходимая в принципе стройка осталась незавершенной. Дорогу довели почти до Надыма (любители лесных прогулок могут увидеть искореженные и проржавевшие рельсы в прилегающих к Салехарду грибных местах) и забросили сразу после смерти Сталина. Тому было много причин — и политических, и экономических. В память об этой стройке рядом с шоссе, ведущим в Салехард, недавно был установлен старый паровоз «Овечка», некогда работавший на гулаговской железнодорожной магистрали.

Однако трагизм ситуации не столько даже в том, что были затрачены, в сущности, впустую огромные

*Николай Федорович
Дудников*

материальные средства. Самое страшное то, что дорога строилась невероятными усилиями заключенных — в большинстве своем репрессированными по надуманным политическим мотивам или же людьми, совершившими совершенно незначительные по современным меркам дисциплинарные проступки (вроде сбора колосков женщинами после уборки урожая, с тем чтобы накормить пухнувшего от голода ребенка). Жестокая ирония судьбы заключалась в том, что действительно виновные (уголовники) в строительстве почти не участвовали, установив свои воровские законы, которые администрация лагерей не могла, да и не хотела, отменять — так ей было удобнее руководить.

Железная дорога строилась буквально вручную (техники было мало), шпалы выпиливались и укладывались в страшных климатических условиях совместными усилиями огромного числа заключенных. Гибель людей от морозов, недоедания, болезней, из-

девательств конвойных и уголовников была обычным делом. Не случайно сталинские стройки нередко сравнивают с возведением египетских пирамид.

Но в то же время нельзя не поразиться тому, что совершали люди в жутких, нечеловеческих условиях. Н. Дудников, с одной стороны, описывает воистину героический, хотя и подневольный труд, взаимопомощь и самопожертвование заключенных, а с другой — показывает, до каких пределов подлости, жестокости и садизма может дойти человек, оказавшийся вне рамок нормального человеческого общежития и почувствовавший полную свою безнаказанность. Сцены насилия уголовников по отношению к беззащитным женщинам и неприспособленным к диким нравам зоны интеллигентным, образованным людям больше всего поражают в книге Н. Дудникова.

Центральным эпизодом повести является рассказ об уникальном эксперименте — прокладке железнодорожного пути по льду замерзшей Оби и проходе по нему многотонного поезда. Машинистам, отважившимся провести состав, была сразу же подписана вольная — это документальный факт. Но человеческая жизнь при этом ничего не стоила. Ужасает, что на наращивание льда были посланы женщины. Плохо одетые, изможденные, больные, они черпали воду из проруби. И вот что происходит с одной из заключенных:

Но Тамара как будто не слышала этих советов. Стояла истуканом и не двигалась. А когда бочка уже оказалась наполненной, стала ее обходить, чтобы впрячься в сани, и, поскользнувшись, скатилась по бугорку, намерзшему от пролитой у бочки воды, прямо в прорубь.

В первые секунды не поняв, что случилось, женщины распахнутыми от страха глазами смотрели, как она барахтается в парящей ледяной воде. Но когда бросились, чтобы помочь ей выбраться, было уже поздно. Сильное течение стало заталкивать Тамару под лед. И даже ни разу не вскрикнув, наверное сразу же захлебнувшись, она исчезла

из виду. А на кромке майны остался только ноготь, вырванный с мясом...

Рассказывает автор и о незаурядных людях, оказавшихся на стройке. В частности, сюда была отправлена знаменитая певица тех лет Лидия Русланова вместе с сопровождавшим ее оркестром. Причина ее немилости у «вождя всех народов» объяснялась просто — она и ее муж были дружны с опальным маршалом Г. К. Жуковым. Конечно же, Русланова не строила переправу на Оби. Ей и ее оркестру были предоставлены специальные вагоны. Русланова своим пением развлекала лагерное начальство. Приходится признать, что и среди ссыльных была своя иерархия льгот; в сущности, мир заключенных не слишком отличался от мира свободных в Советском Союзе — только что условия жизни на Севере были несравнимо суровее. Но и в лагере люди жили очень по-разному. Автор приводит в книге размышления главного ее героя — фронтовика Михаила Фомина, который благодаря своему техническому образованию становится главным механиком стройки:

Он думал о том, что судьба этого разбитого болезнью человека, как две капли воды, схожа с судьбами тысяч других оказавшихся в застенках ГУЛАГа, которых под прикрытием лозунгов о строительстве социализма унижают, калечат, лишают жизни. А между тем сталинская верхушка и пресмыкающееся перед ней окружение живут в свое удовольствие... И действительно, захотел главный механик стройки вкусно поесть — пожалуйста! Колбасы, ветчина, сыры, компоты — вся гастрономия к твоим услугам!..

А вот как кормили заключенных:

...И они с Тамаркой, расталкивая других, пробираются к окну раздачи. И наконец получают жидкую похлебку из трех картошек и кубика тюленьего мяса. Да ржавую селедку в придачу. Тот, кто попытается сесть с миской за стол, тут же получает по спине березовым колом.

— Не расслаживаться!

Тамара от этого удара не могла подняться со скамьи. Ей помогла Лариска. И когда они уже оказались на улице, Тамара призналась:

— Меня не боль ошеломила. А раздавило унижение. Неужели с нами можно обращаться хуже, чем со скотом?!

Так же как и везде, в заключении люди любили, ненавидели, завидовали друг другу, отмечали праздники. Отличие было в одном — законы зоны были более жестоки и не прикрыты слоем культуры. Ненависть и зависть прямо выливались в садизм и убийство, любовь — в грубый физиологический акт. В книге Н. Дудникова все события и действующие лица связаны историей любви Михаила Фомина и заключенной Ларисы Завьяловой. Это искреннее, глубокое чувство помогает обоим выживать в нечеловеческих условиях. Фомин тоже заключенный, но его положение позволяет как-то поддерживать несчастную женщину. Однако и Фомин не может спасти свою возлюбленную — уже отпущенная властями на свободу, она погибает от рук конвоира. Поражает в книге Н. Дудникова то, что подмечали и другие разработчики «лагерной темы»: сверхмощная советская власть, отправившая в лагеря миллионы людей, ничего не предпринимала, чтобы оградить от опасности уже освобожденного ею же одного человека.

Автор приводит в своей книге фотографии стройки, документы, свидетельства и воспоминания людей, работавших на ней. Вот отрывок из письма, присланного бывшим узником концлагеря при 501-й стройке:

...Политических заключенных бросали в гущу воров, сук¹, полицейских бывших, убийц и прочих низких элементов для того, чтобы они издевались над ними. «Холодное лето 53-го» [название известного фильма] отражает точно все, что тогда происходило. Когда я его смотрел (а смотрел

¹ Сука — на лагерном жаргоне означает уголовника, сотрудничающего с администрацией.

я его трижды), мне казалось, что я вернулся в Салехард в свои юные годы.

Фамилий заключенных «врагов народа» я не помню, только одного мастера депо Хохлова. Это был умный, толковый инженер... Врагом стал за то, что сказал, что немецкий трактор лучше, чем наш. Сейчас мы говорим это ежедневно и никто нас не трогает.

Но страх в народе еще есть, он не пропадет сразу, для этого нужны десятилетия...

Обратите внимание на то, за что был посажен инженер — знакомый автора письма.

Николай Дудников в своей документально-художественной книге приводит немало подобных фактов и описаний страшной жестокости лагерных нравов. Вот один из характерных эпизодов:

...Собаки с обслюнявленными языками натягивали поводки и скалились на серую толпу людей, которую их научили ненавидеть. И несчастный был тот, кто случайно, хоть на ступню, оказывался за чертой оцепления. Всегда находились конвоиры, жаждущие поглумиться над ним. Если не прикладом или пинком, то собачьими зубами загоняли несчастного в строй...

...И в этот же самый момент крик, похожий на вой, в котором отчаяние и боль слились в одно целое, заставил, казалось, стихнуть все другие звуки...

— Да подожди ты! Человека убивают! — заорал Фомин.

Не исключено, что при этих словах говоривший на другом конце провода только ухмыльнулся — в лагерях ГУЛАГа жизнь человека не стоила пайки хлеба. И уж кого-кого, а Фомина, заглядывавшего смерти в глаза еще на фронте, этой костлявой дамой удивить было невозможно. Так что же тогда с ним произошло? Видимо, это был тот случай, когда окаменевшие от постоянной боли и крови чувства вдруг оживали, пробитые электрошоком садизма и дикости.

Михаил Васильевич видел, как высокий худой мужчина в пенсне качнулся и начал оседать в клубы пыли. Серые фуфайки и серые штаны вначале замерли на месте, а потом,

подхлестываемые окриками конвойных, живым потоком стали его обтекать.

Фомин видел: человек хватал широко открытым ртом воздух, держась за левую сторону груди. Пенсне с переносья упало. Он одной рукой пытался его нашарить под ногами. Но, возможно, к этому времени пенсне уже просто раздавили. Тогда мужчина сделал попытку подняться. Только это ему было не суждено. На какой-то миг беднягу закрыла черная спина овчарки. И раздался леденящий душу крик. Потом все окуталось клубами пыли. Оттуда какое-то время доносилось рычание и чавканье. А потом появилась морда овчарки. Из ее окровавленной пасти свисал кусок серой материи.

— Концлагерь Комариный. Правильно говорят. Это и есть концлагерь, — шептал побелевшими губами Фомин. — Я этим фашистам еще устрою!..

Возникает закономерный вопрос: как могли терпеть это люди, прошедшие войну, не боявшиеся идти против немецких танков? Это, может быть, самый сложный вопрос, однозначно ответить на который невозможно. Но возмущения и попытки индивидуальных и коллективных побегов бывали в лагерях, и нередко¹. Они подавлялись с неслыханной жестокостью.

Николай Дудников рассказывает о попытке такого побега в своей книге:

Больше семисот заключенных по чьей-то команде бросились на конвой. Фомин успел увидеть из окна своей машины, как толпа выкинула на камни догола раздетых охранников и ручейками потекла по ущельям холмов дальше в тундру от ненавистой стройки...

О ЧП в карьере у речки Ханымей руководство 501-й стройки узнало в тот же день. В воздух сразу же подняли самолеты. Послали солдат с овчарками. И началась

¹ Прочитайте книгу известного салехардского летчика Б. Веселовского «Скрытая биография», в которой он пишет о своей драматической судьбе, о нескольких побегах сначала из гитлеровского, а затем из сталинских лагерей.

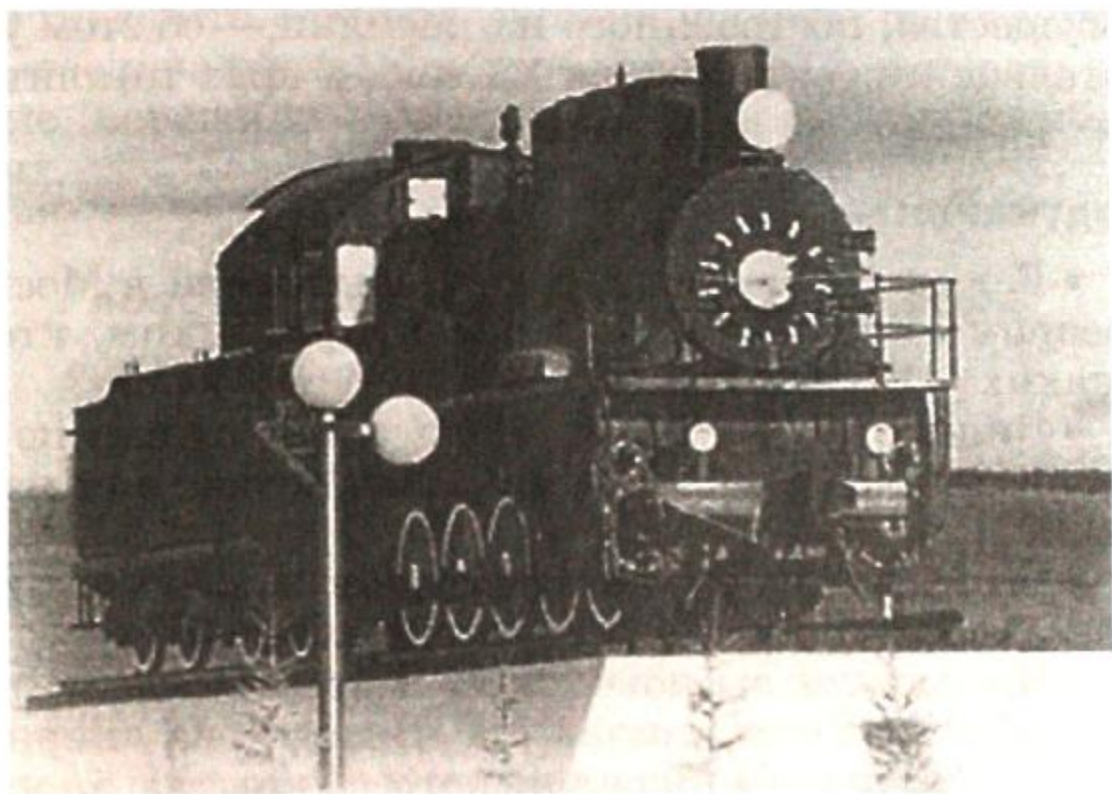
охота на людей. Расстрелянных, затравленных собаками никто не хоронил. Оставшихся в живых, но до беспамятства избитых около ста человек привезли в Салехард и раскидали по колоннам. Но даже истерзанные, они не сломались. Поэтому конвойные их стали не на шутку побаиваться...

Коллективным возмущениям препятствовала сама система лагерей, где перемешаны были представители разных национальностей, политические заключенные и уголовники, где открыто существовала система доноительства, где все делалось, чтобы унижить и разобщить людей. Многие терпели потому, что искренне верили в идеалы советской власти, надеялись, что справедливость будет восстановлена, некоторые не утратили убежденности в гениальности Сталина, даже оказавшись в лагерях. Наконец, лагерь устраивались в таких местах, откуда бежать было практически невозможно. Обо всем этом писали А. Солженицын, В. Шаламов, Г. Владимов и др.

Николай Дудников в своей повести ставит еще один важный вопрос: какая судьба ждет людей, выпущенных из лагерей? Он описывает время, когда умер Сталин, но еще доживала построенная им страшная система рабства в Советском Союзе. Герой книги размышляет об этом:

«А ведь скоро зэков ждет радость освобождения, — подумал Фомин. — Но для всех ли оно будет радостным? Концлагерь, как танк, прокатил по судьбам людей и сломал их. Куда и зачем возвращаться, если семейного очага уже нет?.. Если руки музыканта и хирурга изуродованы переломами и мозолями, а мозг ученого вычеркнул из памяти формулы и задачи, лихорадочно вычисляя варианты, как еще один день прожить среди сброда уголовников? Наконец, как можно быть свободным, если политическая 58-я статья с клеймом «враг народа» на всю оставшуюся жизнь ничего, кроме позора и унижения, не обещает?!»

Эти размышления героя книги, а соответственно, и автора помогают понять, почему сейчас у нашей страны так много проблем, почему в перечне великих

*Памятник строителям и жертвам
501-й стройки ГУЛАГа*

ученых и изобретателей второй половины XX века так редко встречаются русские имена,— это отзвуки того страшного времени, когда был уничтожен цвет нации.

Книга Н. Дудникова открывает для нас малоизвестную страницу истории Ямала и еще раз напоминает об опасности утраты исторической памяти. Сейчас многие уже забыли о страшном прошлом, есть даже относительно молодые люди, которые родились уже после смерти Сталина, не испытали и малой толики того, что пришлось пережить узникам ГУЛАГа, но говорят о величии «вождя народов», о том, как много он сделал для процветания СССР.

Даже если это было бы так (а на самом деле это не так: существовало сильное государство и нищее население в нем), то никакое могущество не может быть оправдано смертью или страданием хотя бы одного невинно осужденного человека. Да и не может быть

могущества, построенного на насилии,— об этом убедительно говорят события XX века и крах тоталитарных режимов во всем мире.

Подумайте:

- Ездили ли вы из города Лабытнанги в Москву поездом? Возникал ли у вас вопрос о том, кто и в каких условиях строил эту железную дорогу?

- Видели ли вы в лесу неподалеку от аэропорта искореженные рельсы? Знаете, почему они там находятся?

- Почему в качестве памятника жертвам сталинизма на Ямале выбрали именно паровоз?

- Читали ли вы повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и Г. Владимова «Верный Руслан», книгу Б. Веселовского «Скрытая биография»? Смотрели ли фильм «Холодное лето 53-го»? Слышали ли песни в исполнении Л. Руслановой?

- Как вы считаете, можно ли сделать доброе дело нечестным путем?

- Знаете ли вы, что за опоздание на 10 минут на работу, за собранные без разрешения на колхозном поле 10 колосков, за рассказанный анекдот, за опечатку в газете в сталинское время можно было получить 10 лет лагерей?

- Как вы считаете, дело было в жестокости Сталина или сама система социализма в чем-то изначально порочна?

- Почему те или иные качества людей особенно ярко проявляются именно в лагере?

- Правы ли те, кто утверждает, что все люди делятся на «сильных хищников» и «безвольных овец»?

- Почему именно интеллигентным людям было тяжелее всего в лагерях?

- Нужно ли было рисковать жизнями людей, пуская поезд по льду?

- Почему администрация лагерей сквозь пальцы смотрела на произвол уголовников?

- Расшифруйте аббревиатуры «ГУЛАГ», «зэка».

- Назовите великих русских ученых, конструкторов, военачальников, поэтов, писателей, актеров, которые пережили сталинские лагеря или погибли в них.

Глава 12. Современная поэзия Ямала

**(О сборнике стихов Юрия Кукевича
«Непомненная душа»)**

От автора

Несколько странное название этой книги не случайно. Мы переживаем век забвения души. Нормой становится жесткий практицизм, бессовестность и бесчеловечность. Я глубоко убежден, что беды, бушующие вокруг нас, порождены страшными провалами в духовном мире человека. Гордыня и себялюбие, вооруженные лукавым и беспощадным умом, ведут нас в пропасть безбожного запустения.

В этой книге жизнь одинокой души, которая, ошибаясь и мучаясь, ищет свое место в мире, пытается себя осознать. Насколько это удалось — судить не мне.

Подумайте:

- Согласны ли вы с мыслью М. Лермонтова: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа»?

- Какой русский поэт написал:

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум...?

* * *

Юрий Андреевич Кукевич — один из самых проникновенных, медитативных, философичных поэтов Ямала. В его стихах отголоски мотивов мировой поэзии: шедевров Данте и Шекспира, представителей золотого и серебряного веков русской поэзии, Пушкина

*Юрий Андреевич
Кукевич*

и Тютчева, Лермонтова и Блока, Ахматовой и Бродского. Его волнуют темы одиночества, неизбежности смерти, абсурдной раздвоенности мира, дисгармонии души и тела, бренности земного бытия, невозможности проникнуть в глубину души даже близкого человека, «неумелости» нашего языка и «слепоты» нашего внешнего зрения, мудрости молчания и пронизательности внутреннего, душевного видения — иначе говоря, то, на чем зиждется поэзия, как таковая. Ко всему этому следует добавить особое, северное мироощущение, которое придает его стихам неповторимую прелесть.

Жизненное кредо Ю. Кукевича отчетливо выражено в следующих строках:

Недвижим мир для тех, кто слеп,
Незыблем мир для всех покорных,
Но истины горчайший хлеб
Не эти вырастили зерна.

Лирическим героем поэзии Ю. Кукевича является, в сущности, его alter ego, его собственная душа,

которая страстно стремится познать самое себя, спуститься по кругам Дантова ада нашего подсознания, хотя бы отчасти проникнуть в его неизмеримые глубины. Но в то же время поэта пугают опасность погружения в неведомое, неумение человека выразить словами тончайшие нюансы душевных переживаний. В этом отчетливо прослеживается тютчевское: «Мысль изреченная...» Метафора хрупкой чистоты снега здесь как нельзя более уместна.

Не менее глубокой представляется мысль о «зеркальности» земного и потустороннего бытия. Вывод поэта («Погрузившийся в душу до дна / Больше в зеркале не отразится») поражает своей парадоксальной правотой: исчерпавшему все резервы своего внутреннего мира уже нет смысла жить.

Впечатляет также маленький шедевр о «безумных поэтах» — в нем лапидарно выражена сущность настоящей поэзии. Мысль о величии поэтической лжи опять-таки заставляет вспомнить Оскара Уайльда — певца «Прекрасной выдумки». Финальный вывод стихотворения не требует комментариев: слишком сильно врезаются в память трагические судьбы великих русских поэтов.

Два слова еще об одном маленьком стихотворении — «Я один...». Шекспировская мысль о жизни как театре выражена в нем лаконично, с иронией и глубинной мудростью.

Практически каждое стихотворение Ю. Кукевича заставляет размышлять. Предоставим это читателям. В завершение краткого обзора его поэзии одно четверостишие, которое, думается, многое скажет понимающему читателю о поэте и достойно завершит экскурс в его поэтический мир:

Теперь свободен, но зачем теперь,
Когда нет сил для песен,
Когда души замкнулась дверь
И мир, что вне, уже неинтересен?!

Ниже мы приводим ряд наиболее характерных стихотворений Ю. Кукевича.

* * *

Дорога в глубь души меня вела,
Но меры я души своей не знаю,
Там глубина, которой нету края.
Спускаюсь по кругам добра и зла...

Подумайте:

- С чем у поэта ассоциируется бесконечный процесс самопознания? На какие круги он намекает? В каком произведении мировой литературы они упоминаются?

- Можно ли проникнуть в глубину души другого человека? Можно ли до конца познать свою собственную душу?

- Какие строчки стихотворения Ю. Кукевича перекликаются со словами Б. Пастернака: «Душа обязана трудиться...»?

Снегопад

Вот снегопад! Такая тишина
Идет сплошною белою стеною,
Что мне душа моя слышна,
Вчера еще непомненная мною.
Душа бела, как этот снегопад,
Немыслимой пугает чистотою.
И я боюсь нарушить невпопад
Наш разговор и вымолвить пустое.

Подумайте:

- Может ли пугать чистота? Поясните свою мысль.
- Найдите в стихотворении неологизм. Почему это слово вынесено в название книги?

* * *

Ни добра не изведав, ни зла,
Призрак неба покоится в луже.
Как обманно глубят зеркала
Тень души, захороненной глубже.
Жизнь души и долга и темна
За невидимой глазу границей.
Погрузившийся в душу до дна
Больше в зеркале не отразится.

Подумайте:

- Найдите в тексте неологизм.
- Поясните мысль:

Как обманно глубят зеркала
Тень души, захороненной глубже.

- Как вы понимаете последние две строки стихотворения?

* * *

Душа проявляется слепо,
Как в горло вцепившийся плач.
Не надо насущного хлеба —
Я стал не по-здешнему зряч.
И с мыслью простился расхожей:
«Нет, мир не подвластен уму!»,
Когда я почувствовал кожей
За гранью бездонную тьму.
Кругом безмятежные лица,
Но разве расскажешь в стихах,
Что тут, рядом с жизнью, клубится
На наших с тобою глазах?

Подумайте:

- Как вы понимаете слова: «Душа проявляется слепо...», «Я стал не по-здешнему зряч»? О какой слепоте и о каком зрении идет речь?
- Что имеет в виду автор под «бездонной тьмой»?
- С какой великой мыслью Ф. Тютчева перекликаются три последние строки?

Не верьте безумным поэтам:
 Темна и невнятна их речь,
 Они нарушают заветы,
 Которые должно беречь.
 Дороже бессмертной святыни
 Им жалких созвучий дележ,
 Им жизни дороже пустые
 Их грезы, где царствует ложь.
 Но верьте безумным поэтам:
 В лихие години земли
 Всю правду молчащему свету
 Сказать, умирая, смогли.

Подумайте:

- Какой поэтический прием использован автором?
- Какие две взаимоисключающие мысли соседствуют в стихотворении?
- Нужно ли понимать слово «безумный» в буквальном смысле?
- Должен ли поэт всегда говорить правду в обыденном понимании слова? Что такое особая, поэтическая правда?

Н. Рубцову

И каждый сущий будет им воспет,
 И каждым словом ранить души будет.
 Так что же вы не радуетесь, люди —
 Пришел слепящий правдою поэт?!
 Никто ему руки не подает,
 Молитвенная ненависть во взглядах,
 Холодный ветер бритвой полоснет,
 И только с ветром в мире он поладит.

Подумайте:

- Известна ли вам судьба Н. Рубцова?
- Любят ли люди, когда им говорят правду?

• Могут ли сочетаться слова «молитвенная» и «ненависть»?

• Какой метафорический смысл вкладывает поэт в понятие «ветер»?

Пусть не сбудется

А. Неркаги

Бледна земля.
Предчувствием томим,
Темнеет лес, и вороны не крадут,
И от деревьев веет неживым
Молчаньем, что страшнее плача.
Нам мир к созвучью не успеть привести,
Останется оборванной фраза.
Но после — Там! — мне будет страшной весть,
Что не ошиблись мы с тобой ни разу,
Как лес в предчувствии зимы-заразы.

Подумайте:

- В каких случаях молчание бывает страшнее плача?
- Что имеет в виду поэт под словом «Там!»?
- В чем бы хотел ошибиться поэт?

* * *

Когда сомкну усталые глаза,
Во мне не спит всевидящее око.
Я вижу дальше дальнего далека
И слышу будущего голоса.

Подумайте:

- О каком «всевидящем оке» говорит поэт? Откуда он почерпнул этот образ?
- Почему поэт трижды подряд употребляет слова с корнем -даль-?

Вопросы

И дни летят, толпясь, спеша.
Я беззаветно занят делом,
Но в тайном ужасе душа
Глядит на этот праздник тела.
Вина моя, но в чем, но в чем?
Что я успел уже разрушить?
Стоят, пытающие душу,
Вопросы...

Подумайте:

- Может ли быть «в ужасе душа» при «празднике тела»?
- Хорошо ли это, когда человеку все ясно и перед ним не стоит никаких вопросов?

Бессонница

Все сгорело огнем
В заколдованном круге,
Я в пределе земном
Полюбил только вьюги.
И забылись вы сном,
Мои вольные друзья.
Мчится снег за окном,
Остроносый, как струги.

Подумайте:

- С чем может ассоциироваться слово «вьюги»?
- Что может символизировать фраза: «Мчится снег за окном...»?
- Что такое струги?

* * *

Я один.
Опустела
Сцена этого дня.
Для усталого тела
Жизнь сейчас — простыня.

И, как занавес, веки
Пали, мир отреша,
Но спектакль в человеке
Продолжает душа.

Подумайте:

- Кто сказал: «Весь мир — театр, и люди в нем — актеры»? Как вы понимаете эти слова?
- Обратите внимание на структуру текста, расположение строк. Говорит ли это о чем-то читателю?

Снега

На гарь осеннюю снега
Легли.
Паденье света длится.
И белизна его строга,
Как на иконах древних лица.
Поутру вспыхнули холсты,
До колкой сини отбелены,
Так ослепительно пусты,
Как мир еще не сотворенный.
Глаза сжигает синева
Над белоснежным безграничем,
Земля пугающе нова
И в небо тянется по-птичьи.
А вдруг в небесный оком
Взмахнет чистейшими снегами
И в синеву уйдет над нами
Громадным белым журавлем?

Подумайте:

- Какие поэтические тропы использует автор в следующих случаях: «паденье света», «вспыхнули холсты», «колкая синь», «глаза сжигает синева», «земля... тянется по-птичьи», «взмахнет чистейшими снегами», «и в синеву уйдет... громадным белым журавлем»?

Итоговые вопросы и задания

1. Перечислите русских путешественников — исследователей Ямала в XX веке.

2. Кто из ненцев стал первым кандидатом педагогических наук?

3. Вспомните имя женщины-ненки — депутата Государственной думы ЯНАО, автора автобиографической книги.

4. Назовите имя автора северной утопии. В чем драма жизни этого писателя?

5. Назовите имя ненецкого поэта, посвятившего поэму И. Истомину.

6. Какова основная идея повести «Гул далекой буровой»? Кто ее написал?

7. Кто и почему организовал школу в тундре?

8. Что вы узнали о 501-й стройке? Кто из ямальских литераторов написал о ней?

9. Кто из литераторов Ямала посвятил свои произведения жертвам сталинизма на Севере?

10. Назовите имя талантливого современного поэта, живущего на Ямале.

11. Как раньше называли ненцев и ханты? Попробуйте привести одну из версий появления этнонима «самоеды».

12. Назовите психологические черты ненцев.

13. Почему ненцы не отмечают дни рождения?

14. Какое животное играет огромную роль в жизни ненцев?

15. В чьи обязанности входит сборка и разборка чума?

16. Почему у ненцев не принято говорить «спасибо»? Что у них заменяет это слово?

17. Что такое каслание?

18. Какую религию исповедуют ненцы и ханты? Чем она отличается от христианства?

19. Назовите верховное божество ненцев.

20. Где находится главное святилище ненцев и как оно называется?

21. Кто такой тадебя?
22. Что такое камлание?
23. Какими качествами должен обладать шаман?
24. Какую роль выполняли шаманы в сообществах ненцев и ханты?
25. Почему при советской власти шаманов преследовали?
26. К какой языковой семье относятся ненецкий и хантыйский языки?
27. В чем своеобразие ненецкого языка?
28. Когда и кем были разработаны алфавиты для ненецкого и хантыйского языков?
29. Какую политику проводила советская власть по отношению к кочевым народам?
30. Какое произведение ямальских авторов произвело на вас наибольшее впечатление?
31. Как повлияла добыча нефти и газа на жизнь ненцев и ханты?
32. Как изменилась политика государства по отношению к коренным народам Севера в настоящее время?
33. Где учатся дети кочевых ненцев?
34. Почему раньше детям в интернатах не разрешали ходить в национальной одежде?
35. В чем главная проблема молодежи коренных народов Севера?
36. Что такое романтизм и кого из литераторов Ямала можно отнести к этому направлению?
37. Что такое реализм и кто в ненецкой литературе тяготеет к этому направлению?
38. Что такое социалистический реализм и кто в ямальской литературе представляет это направление?
39. Что такое модернизм и в творчестве какого ямальского писателя можно найти черты этого направления?
40. Что такое антиутопия и чем она отличается от утопии?

Айпин Еремей Данилович

Родился в 1948 г. в пос. Варьеган, Тюменской области, в семье охотника-ханты. Окончил Ханты-Мансийское педучилище, затем Литературный институт им. М. Горького. Занимался журналистикой. В 1993—1997 гг. был президентом Ассоциации народов Севера. В 1993—1995 гг. представлял свой народ в Государственной Думе Российской Федерации.

Автор повестей «У гаснущего огня», «В тени старого кедра». В 1990 г. вышло наиболее значительное его произведение — роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Член Союза писателей России.

Афанасьев Юрий Николаевич

Родился в 1940 г. в пос. Питляр, Шурышкарского района, ЯНАО, в семье раскулаченных. Окончил семилетку, затем учился в Салехардском педучилище. Высшее образование получил в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена. Вернулся на Ямал, учительствовал, был директором школы-интерната. С 1962 г. занимается журналистикой. Ему принадлежат рассказы и сказки для детей, по одной из сказок снят мультипликационный фильм. Ю. Н. Афанасьев — автор повестей о Ямальском Севере, а также книги очерков и размышлений о социальных и культурных проблемах Ямала «Однажды наступив на грабли...». В настоящее время Ю. Н. Афанасьев является главным редактором альманаха «Обская радуга». Член Союза писателей России. Живет в Салехарде.

Головнев Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), директор Этнографического Бюро. Участвовал в ряде экспедиций на север Ямала. Автор книги «Говорящие культуры» (1995).

Дудников Николай Федорович

Родился в 1947 г. в хантыйской деревне Азовы, Шурышкарского района, ЯНАО. Рано лишился родителей. Подростком трудился на речном флоте. С 16 лет сотрудничал в окружной газете «Красный Север». Окончил Кемеровский государственный университет. В настоящее время является собкором «Российской газеты» по районам Крайнего Севера. Автор книг: «Мятежный Обдорск», «Мой дом — Север», «Медвежьих забавы». Заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Международной творческой премии (Бонн, Германия).

Повесть «Концлагерь Комариный» вышла в свет в 2001 г.

Евладов Владимир Петрович

Родился в 1883 г. в Уфимской губернии. Окончил Уфимское реальное училище и в 1911 г. поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения. После окончания института работал на строительстве железных дорог в Новгородской и Ярославской губерниях.

Во время Первой мировой войны окончил школу мичманов, в 1917 г. вступил в партию большевиков. В годы гражданской войны работал в партийных и хозяйственных организациях Урала и Сибири, принимал участие в боевых операциях по разгрому войск барона Унгерна в Монголии. В начале 20-х гг. — на партийных и хозяйственных должностях в Уфе, Челябинске, Свердловске.

В 1926 г. работал топографом лечебно-обследовательского отряда Уральского облздравотдела и совершил свое первое путешествие на Ямал.

В 1928—1929 гг. В. П. Евладов возглавил научную экспедицию на север Ямала, по результатам которой написал книгу «По тундрам Ямала к Белому острову».

В 30-е гг. В. П. Евладов — сотрудник организаций, связанных с освоением Севера. Во время Вели-

кой Отечественной войны служил военным топографом. В послевоенные годы занимался этнографическими исследованиями.

Умер В. П. Евладов в 1974 г.

Истомин Иван Григорьевич

Родился в 1917 г. в с. Мужы, ЯНАО, в семье рыбака-коми. В 1938 г. окончил национальное педучилище в Салехарде. Преодолевая тяжелый недуг, работал учителем русского и ненецкого языков и рисования в школах округа. Занимался журналистикой, был заместителем главного редактора Тюменского книжного издательства. Автор книг: «Наш Север», «Живун», «Встань-трава». Награжден орденом «Знак Почета». Умер в 1988 г.

Кукевич Юрий Андреевич

Родился в 1952 г. в Салехарде. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Автор ряда поэтических сборников.

В настоящее время является председателем Комитета по средствам массовой информации и полиграфии Администрации ЯНАО.

Лапцуй Леонид Васильевич

Родился в Новопортовской тундре в 1932 г. В 1954 г. окончил Салехардское медицинское училище, в 1963-м — Высшую партийную школу. С 1974 по 1982 г. — редактор окружной газеты «Няръяна Нгэрм» («Красный Север»). Автор поэтических книг: «Цвети, мой Ямал», «Мальчик из стойбища», «В краю оленьих троп» и др. Член Союза писателей СССР. Умер в 1982 г.

Неркаги Анна Павловна

Родилась в 1952 г. в Байдарацкой тундре. Окончила школу-интернат в пос. Аксарка. Училась в Тюменском индустриальном институте. Автор ряда повестей. Первая повесть «Анико из рода Ного» опубли-

кована в 1977 г. Наибольшую известность писательнице принесла повесть «Молчащий» (1996). Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Н. М. Чукмалдина.

В настоящее время руководит тундровой кочевой школой для ненецких детей в пос. Лаборовая.

Ругин Роман Прокопьевич

Родился в 1939 г. в пос. Питляр, ЯНАО. В 1958 г. окончил Салехардское национальное педучилище, в 1964-м — Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена. Работал завучем, директором школы, был на партийной работе. Автор поэтических сборников: «Погоня», «Снежные мелодии», «Солнце над снегами» и ряда книг прозы. Его произведения переведены на английский, французский, эстонский, финский и другие языки. Член Союза писателей России. В настоящее время является главным редактором журнала «Ямальский меридиан». Живет в Салехарде.

Сусой Елена Григорьевна

Родилась в 1933 г. в Ямальской тундре. В 1954 г. окончила Салехардское педучилище, в 1959-м — факультет народов Севера Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. В 1982 г. защитила кандидатскую диссертацию по педагогике. Автор школьных учебников по ненецкому языку и учебных хрестоматий по ненецкой литературе. Вдова ненецкого поэта Л. В. Лапцуя. Директор музея-квартиры Л. В. Лапцуя в Салехарде. Автор книги «Из глубины веков».

Ядне Нина Николаевна

Родилась в 1946 г. в Антипаютинской тундре ЯНАО. Окончила школу-интернат, затем факультет народов Севера Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. Учительствовала в пос. Ныда, затем работала в г. Надыме. Активно занималась общественно-политической деятельностью, в 1996 г. была избрана депутатом Государственной Думы ЯНАО. Автор книги «Я родом из тундры».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Обращение к ученику</i>	<i>3</i>
<i>Обращение к учителю</i>	<i>4</i>

Документально-этнографические и публицистические произведения о Ямале

<i>Глава 1. Ямальская тундра глазами русского путешественника</i>	<i>7</i>
<i>Глава 2. Религия северных народов и шаманизм</i>	<i>36</i>
<i>Глава 3. Ненцы о самих себе</i>	<i>60</i>
<i>Глава 4. Как учились дети ненцев и ханты в послевоенные годы</i>	<i>75</i>
<i>Глава 5. Языки народов Ямала</i>	<i>83</i>

Художественные произведения ямальских писателей

<i>Глава 6. Романтизм в литературе народов Ямала</i>	<i>92</i>
<i>Глава 7. Утопия и антиутопия в литературе Ямала ...</i>	<i>115</i>
<i>Глава 8. Социалистический реализм в литературе Ямала</i>	<i>130</i>
<i>Глава 9. Реализм в литературе Ямала</i>	<i>170</i>
<i>Глава 10. Модернизм в литературе Ямала</i>	<i>182</i>
<i>Глава 11. Тема трагического прошлого в литературе Ямала</i>	<i>191</i>
<i>Глава 12. Современная поэзия Ямала</i>	<i>207</i>
<i>Итоговые вопросы и задания</i>	<i>215</i>
<i>Краткие сведения об авторах</i>	<i>218</i>

Учебное издание

*Попов Юрий Игоревич
Цымбалистенко Наталия Васильевна*

СЛОВО О ЯМАЛЕ

**Документально-этнографические,
публицистические
и художественные произведения
о жизни народов Ямала в XX веке**

**Учебное пособие для старших классов
общеобразовательных учреждений**

**Редактор Е. Н. Самойлова
Оформление художника Г. Я. Терешёнок
Художник Н. Е. Циолик
Художественный редактор Л. Г. Епифанов
Техническое редактирование
и компьютерная верстка А. Б. Этиной
Корректоры Е. Н. Александрова, В. В. Багрий
Компьютерный набор Г. В. Богомазовой**

**Лицензия ИД № 05824 от 12.09.2001.
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.
Подписано в печать с оригинал-макета 01.09.2004.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура школьная и журнальная рубленая.
Офсетная печать. Усл. печ. 14,0. Уч.-изд. л. 10,93.
Тираж 5000 экз. Заказ 532**

**Санкт-Петербургский филиал
Федерального государственного унитарного предприятия
ордена Трудового Красного Знамени
«Издательство «Просвещение»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 37-39.**

E-mail: prosv@prosv.spb.ru

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

работает на основе прямых договоров с республиканскими, краевыми и областными органами управления образованием, книготоргующими организациями и оптовыми заказчиками, что гарантирует выполнение заказа в срок, в полном объеме и комплектно, а также позволяет снизить цену продукции.

Договором предусмотрена гибкая система скидок.

Доставка литературы осуществляется за счет издательства железнодорожными контейнерами во все регионы России.

Возможен самостоятельный вывоз продукции со складов издательства.

Наш адрес:

191104, Санкт-Петербург,

Литейный пр., 37-39.

Тел.: (812) 279-81-32;

e-mail: prosv@prosv.spb.ru

Отдел маркетинга

Тел.: (812) 279-81-32, 279-81-30

**Редакция литературы
для школ Крайнего Севера**

Тел.: (812) 279-80-12

